

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫМЪ

Михаиломъ Катеновскимъ.

ЧАСТЬ LVIII.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1811.

ОТЧЕТЪ

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чтобы по ошпечатаніи, до выпуска въ продажу; представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министрства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Іюля 4 дня, 1811 года. По назначенію Цензурнаго Комитета, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ *Ординарный Профессоръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 13. І Ю Л Ъ 1811.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Рѣчь Канулея Римскаго трибуна.

(Изъ Тита Ливія, Кн. IV. Гл. 3, 4, 5.)

Канулей и прочіе трибуны народные предложили на утвержденіе два закона: 1й о дозволеніи простолюдинамъ вступать въ родство съ патриціями, а 2й о выборѣ въ консулы изъ народного сословія. Сенатъ отвергалъ съ негодованіемъ предложенія трибуновъ. Между тѣмъ Веянты и другіе окрестные народы угрожали Риму неизбежною войною. Надлежало справиться прѣнія о новыхъ законахъ и немедленно собрать войско противъ неприятелей; но Канулей требовалъ, чтобы непременно утверждены были законы, и рѣшительно объявилъ, что безъ того

наборъ начатъ бытъ не можешъ. Консулы жаловались въ сенатъ на прибыловъ народныхъ, особливо же на Канулея, а Канулей въ свою очередь обвинялъ наприціевъ передъ народомъ. Вотъ рѣчь его:

Часто уже и прежде замѣчалъ я, Квиришы, какое презрѣніе оказываютъ вамъ наприціи, почитая васъ недостойными жить съ ними въ одномъ городѣ, посреди стѣнъ Римскихъ; но теперь они еще болѣе оскорбляютъ васъ жестокосіію своею, отвергнувъ предложенные нами законы. Что мы должны сказать имъ? Развѣ мы не сограждане ихъ? Мы не имѣемъ никакого богатства; но развѣ у нихъ и у насъ не одно отечество? Во первыхъ мы пребуемъ себѣ права бракосочетанія, которое дозволено не только порубежнымъ, но и опдаленнымъ жителямъ; мы даже и самое право гражданства, гораздо высшее супружества, даемъ побѣжденнымъ своимъ неприятелямъ. Другимъ требованіемъ своимъ мы также не предлагаемъ дѣла необычайнаго: мы желаемъ возвратить себѣ нашу собственность; желаемъ, чтобы народъ Римской могъ поручать должности людямъ по своему выбору. Надобно ли съ такимъ упорствомъ сопротивляться? надобно ли было за то нападать на меня съ такимъ ожесточеніемъ въ сенатѣ? Могущъ ли похвалиться своею умѣренностію, ушвер-

ждая, будто священнѣйшая власть похищается? Какъ! не уже ли градъ сей и вся область Римская погибнуть, когда народъ получитъ право ввѣрить консульскую должность гражданину имъ избранному, или когда всякому просполудину, достойному высокаго сана, откроется путь къ достиженію почестей? Для того ли простой гражданинъ не долженъ быть консуломъ, дабы не сказали, что наконецъ и рабы и опущенники возводимы будуще въ сѣе достоинство? Какое оскорбительное презрѣніе! Васъ гошвы лишишь даже свѣта дневнаго; на васъ негодуютъ, что дышите воздухомъ, что произносите слова, что имѣете на себѣ человѣческой образъ. Не должно, говоряще они, быть консуломъ просполудину! Разсудите, сограждане; намъ извѣстны испорическія записки нашего опеченства; намъ извѣстно то, о чемъ знаютъ даже всѣ чужестранцы: консулы засступили у насъ мѣсто царей; вся власть ихъ, все величїе прежде принадлежали царскому достоинству. Кшожь изъ васъ не вѣдаютъ, о Римляне, что Нума Помпиль не былъ ни паприцїемъ, ни даже Римскимъ гражданиномъ; что онъ призванъ изъ области Сабинской, и что по желанію народа, по волѣ сената возведенъ на степень царскаго достоинства? Спаршїй Тарквинїй, не Римскаго и даже не Италїйскаго племени, сынъ

Коринтеянина Дамарата, поселившагося въ Тарквиніяхъ, сдѣланъ царемъ при жизни дѣшей Анка. По немъ Сервій Туллій, рожденный отъ Корникуланской пльницы, отъ рабыни, и отъ опца неизвѣстнаго, разумомъ своимъ и доблестями доспигъ престола. Нужно ли упоминать о Т. Таціѣ Сабинскомъ, котораго самъ Ромулъ, основатель города, сдѣлалъ участникомъ правленія? Такъ Римляне! доколѣ не презирали породы, возвышаемой едиными доблестями, доколѣ могущество Рима возрастало. Не уже ли теперь противенъ намъ будетъ консулъ, выбранный изъ простолюдиновъ, послѣ того какъ предки наши принимали къ себѣ царями пришельцовъ? Мы знаемъ, что и по уничтоженіи царскаго достоинства иноземныя доблести имѣли свободной входъ въ нашъ городъ: мы приняли весь родъ Клавдіевъ не только въ гражданство, но даже въ сословіе паприціевъ. Спрашиваю теперь, почему у простолюдина, природнаго гражданина Римскаго, опята надежда быть консуломъ, тогда какъ имѣемъ у себя иноплеменныхъ паприціевъ, копорымъ ничто непрепятствуетъ доспигать консульскаго достоинства? Развѣ думаемъ, что мужъ благоразумный и швердый, для войны и для дѣлъ гражданскихъ равно способный, не можетъ быть подобенъ Нумъ, Тарквинію, Туллію? Или думаемъ, что

и равный симъ царямъ знаменитымъ не-
долженъ бытъ правителемъ республики?
Развѣ лучше захотимъ, чѣобы консулы
походили на бывшихъ децемвировъ, людей
ужасныхъ, но имѣвшихъ званіе патриціевъ,
нежели на добрыхъ царей нашихъ, кото-
рые немогли хвалиться знатнымъ происхо-
жденіемъ?

„Однакожъ, по изгнаніи царей никто
„изъ простолудиновъ не былъ у насъ кон-
„суломъ!“ Такъ чѣожъ? Развѣ ничего но-
ваго учреждать не должно? и если чего-либо
полезнаго не сдѣлано прежде (а въ новомъ
народѣ и немогло еще бытъ много сдѣлано),
то уже и никогда не надобно предприни-
мать полезныхъ учрежденій? Въ Ромулово
время не было ни понтификовъ, ни авгу-
ровъ; Нума учредилъ ихъ. Прежде небыло ни
периписи, ни раздѣленія гражданъ на сошни
и разряды; то и другое сдѣлано Сервіемъ
Туллиемъ. Прежде совсѣмъ небыло Консу-
ловъ; они учреждены послѣ уничтоженія
царскаго достоинства. Прежде не знали ни
власти, ниже имени диктатора; сенатъ уста-
новилъ диктаторскую должность. Небыло
народныхъ трибуновъ, едилей, квесторовъ;
теперь мы ихъ имѣемъ. Въ послѣдніе де-
сять лѣтъ мы учредили децемвировъ для
сочиненія законовъ, и опять ихъ опмѣни-
ли. Кто можешъ подумать, что во градѣ,
основанномъ для вѣчности и безпреспан-

но увеличивающемся, не подлежитъ учрежденію ни новыхъ должностей богослуженныхъ и гражданскихъ, ни новыхъ законовъ народныхъ и частныхъ? Сей самый законъ о запрещеніи родства между семействами патриціевъ и прасполудиновъ, сей самый законъ не децемвирами ли весьма недавно изданъ ко вреду общему и въ нестерпимой обидѣ народнаго сословія? Что можешь быть оскорбительнѣе? Цѣлое сословіе гражданъ, какъ будто безчестное, объявляешь недостоинымъ узъ брачныхъ! Сполнъ постыдное отчужденіе не то же ли есть, что ссылка для живущихъ въ одномъ городѣ? Они бояща, чтобы мы не приблизились къ нимъ по родству; чтобы ихъ и наша кровь не смѣшалась! Ежели такъ, ежели они бояща унизишь благородства свое, которое доставалось и прицельцамъ изъ страны Альбанской и Сабинской, доставалось не по роду и не по крови, а или по усыновленію, или по волѣ бывшихъ царей, или по опредѣленію народа; то они могутъ хранить чистоту крови своей, несочетаваясь съ двинцами нашего сословія и не выдавая ни дочерей ни сестеръ своихъ за прасполудиновъ. Ничто изъ насъ неоскорбишь наглосію двинцы ихъ рода; такіе поступки свойственны патриціямъ; ничто изъ насъ не принудишь ихъ заключающъ противъ воли брачныя договоры. Но для народа весьма общ-

дно, когда закономъ запрещается родство между патриціями и простолюдинами. Удивляюсь теперь, для чего еще не узаконите небыть брачнымъ союзамъ между богатыми и бѣдными! Всегда и вездѣ каждой волею былъ женился, смотря по своимъ выгодамъ; а вы частными распоряженіями семействъ спѣсняетѣ оскорбительнымъ закономъ, которымъ распоргаетѣ связь между гражданами, и одно общество раздѣляете на двѣ противныя стороны! Теперь остаеши еще вамъ узаконить, чтобы простолудинъ не смѣлъ жить въ соседствѣ съ патриціемъ, чтобы не ходилъ съ нимъ по одной улицѣ, чтобы не ошваживался быть вмѣстѣ на одномъ пиршествѣ, или стоявъ на одной площади! Ибо какое различіе между шѣмъ и между запрещеніемъ простымъ гражданамъ съ патриціями заключать брачные союзы? Наконецъ скажу, что браки не могутъ быть причиною замѣщательства; ибо дѣти вступающіе въ состояніе отцовъ. Мы только и требуемъ, чтобы насъ не выключали изъ числа людей, чтобы насъ не лишали правъ гражданства; и вы никакой неимѣете причины сопротивляться нашему желанію, ежели не хотите оскорблять насъ безславіемъ.

Желательно знать, кому принадлежитъ власть верховная: вамъ, или народу Римскому? По изгнаніи царей вамъ ли

однимъ достигалось господство, или приобретена для всѣхъ одинакая свобода? Я думаю, что народъ Римской имперіи право издавать законы по своему желанію. Надобно ли же при объявленіи о новыхъ законахъ поспѣшь опредѣлять наборъ войска? Трибунъ созываетъ народъ для собранія голосовъ, а консулъ, чтобы помѣшашъ тому, приказываетъ вывести войско противъ непріятели, и угрожаетъ трибуну, угрожаетъ народу! Развѣ не испытали вы уже два раза, какъ бесполезно дѣлать угрозы? Правда, вы для нашихъ выгодъ удержались отъ сраженія; вы не сражались для того, что на спорона поступаетъ умѣреннѣе, которая сильнѣе! Неопасайтесь, Римляне! между нами и теперь не будетъ драки; ибо патриціи обыкновенно вывѣдываютъ о расположеніяхъ вашихъ, но силъ вашихъ испыташь никогда неопважашся. Къ вамъ обращаюсь, консулы! вымышленная ли война, о которой говорите, или справедливая, народъ готовъ идти въ поле, ежели возвратите ему права супружества, ежели перестанете опредѣлять его отъ гражданскаго общества, ежели просполудинамъ дозволено будетъ вступать въ семейственныя съ вами связи, ежели храбымъ и добродѣтельнымъ людямъ отдастся надежда и возможность достигать высокихъ степеней, ежели дозволено имъ будетъ пользоваться

выгодами общества, и ежели по праву истинной свободы они возмогутъ и повиноваться избираемымъ правителямъ и въ свою очередь быть начальниками. Но ежели на то не согласитесь; то начинайте войну, говорите о предстоящихъ сраженіяхъ. Увѣряю васъ, что никто изъ насъ не запишется, никто не вооружится, никто не спаненъ сражаться за высококомѣрныхъ влассителей, которые нехотятъ дѣлиться съ нами въ общественной жизни почестей, а въ домашней супружескихъ удовольствій.

(Съ Лал.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Хоръ дѣтей маленькой Наташѣ.

Х о р ъ.

*О Наташа,
Радость наша,
Доброй миленькой дружокъ,
Къ намъ скорѣе, къ намъ въ кружокъ!*

*Вдѣсь игрушки,
Здѣсь подружки
Въ свою Наташу ждутъ,
Всѣ ей пѣсеньки поютъ.*

Что же въ пѣсняхъ про Натпашу,
Что поютъ про радость нашу?
Что собѣди всѣ обѣ ней
Говорятъ въ урокѣ дѣшей?

Тише, сядемъ всѣ . . . ни слова!
Быль для маленькихъ гогова!

Быль такая

Дорогая,

Золотая,

Кою, можешь бышь, одинѣ
Въ околки нащемъ цѣломъ
Не поймешь сосѣдской сынѣ;
Да за то на свѣтѣ бѣломъ
И упрямѣи нѣтъ его! —

О Богѣ съ нимъ! — что да шага! —

Пусть онѣ слушаетъ у мяни

О походахъ, чудесахъ

Сына глупинькаго Вани,

О русалкахъ, о змѣяхъ;

Какъ Ягая въ спунѣ мѣшся,

Заметая слѣдѣ метлой;

Какъ полунощной порой

Вѣдьма на лучѣ вапшся,

Чтобѣ напасшь на Русской духъ;

Какъ изба ея вершшся

На куриныхъ ножкахъ вокругъ. . . .

Вы смѣшесь! . . . Какъ же можно,

Не смѣся, слушать вздоръ! —

Ну, довольно. — Дѣши! сборъ! —

Не толкайтесь, осторожно! —

Быль скажу вамъ не ошложно,

Что ни въ сказкѣ ни сказанъ,

Ни перомъ не написанъ. . . .

Киньте игры, не шумите;

Что спою вамъ, замвердише.

Только солнышко взойдетъ
И въ окошечко блеснетъ ,
Гдѣ покоится Наташа : —
„Пробудися радость наша !“
Вдругъ малюточка вспорхнелъ ,
Приумоется бѣленько ,
Приосамится скоренько ,
Съ няней къ образу идетъ ,
И мольбу Творцу приноситъ ,
(Дѣтской голосъ слышитъ Онъ !)
Вѣтъ крестился — крестъ большой
Скромно , чинно совершаетъ ,
Вкругъ глазами не гулетъ ;
За родимаго поклонъ ,
За родимую другой ,
За сестрицъ и братца проситъ ,
Чтобы бабинька была
Вѣкъ здорова , весела ,
Чтобы дѣдушкина старость
Въ ней нашла покой и радость ,
Чтобы Богъ ума ей далъ ,
И въ добръ бы укрѣплялъ . —

*

О Наташа ,

Радость наша ! и проч.

Помолилася Наташа ,
Должно къ маминькѣ сходитьъ ;
Но смиренъко , радость наша ,
Чтобы ея не разбудить ! —
Съ добрымъ ушромъ привѣчаетъ ,
Ручки , глазки лобызаетъ ,
И садится возлѣ ней
Съ книжкой маленькой своей ! —
О когдабъ вы услыжали
Ихъ сердечной разговоръ !
О когдабъ вы увидали
Какъ малютки милой взоръ

Во очахъ своей родныя
Ловитъ чувства святыя,
Скромность, ибжность, простоту,
Всю душевну красоту! —

*

О Наташа,

Радость наша! мироч.

Тутъ отъ упренней рабшны
Уладить свои заботы
Къ милой пяшынъка идетъ. —
Что учила ты, Наташа?
Чѣмъ утѣшишь, радость наша?
Кто гостинецъ мой возьметъ?
Я, я! пяшынъка, но прежде
Мой послушаемъ урокъ! —
Если знаю! . . . и въ надеждѣ
Вдругъ лепитъ какъ голубокъ.
Вопъ ужъ карпочки приносятъ
И на столикъ передъ ней
Положили! . . . Если спросятъ,
Ошвѣчай, мой другъ, смѣлѣй! —
Здѣсь подъ Азомъ — астрономы;
Тамъ, гдѣ Буки — барабанъ;
Предъ Глаголемъ — выюлся гномы;
Въ Како — крѣпость *Кериманъ*;
Тамъ *Султанъ* - *усахъ* предъ Словомъ
На диванъ спитъ шелковомъ.
Всѣ деревья, всѣ цвѣшы,
Звѣри, птички и народы, —
Всѣ шутъ области природы,
Всѣ вселенной красоты. . .
И сама съ перомъ Наташа,
Утѣшенье, радость наша! —

*

О Наташа,
Радость наша! и проч.

А ведалиль, какъ Наташа
При гостяхъ себя ведешь?
Покажися, радость наша!
Только спросяшь, въ мигъ идешь!
Не робеешь, не дичишия;
Свѣтлой взоръ! свободной видъ!
Знаешь молвишь, поклонишья,
Съ тихой радостью глядишь. —
Въ свѣтломъ, аломъ одѣянь,
Такъ какъ пчелка по цвѣтамъ
Собираешь не медъ — ласканье,
Вкругъ лѣшаешь по рукамъ;
Спросяшь — скромно ошвѣчаешь,
Что прикажешь исполняешь,
А безъ спросу — ни на часъ!
Потанцуй! — забывъ игрушки,
Вдругъ беретъ тремушку въ ручки,
И головкой наклоняся,
Тихо, вѣжливо, игриво,
Или горлинкой шескливой,
Или ласточкой кругомъ,
Прямо, въ сторону, бочкомъ,
Предъ собраніемъ вершится. . . .
Спой-ка пѣсеньку! Въ топъ мигъ,
Не дождавшись словъ другихъ
У Наташи пѣснь родится:

„На дворѣ овечка спитъ
„И шихохонько лежитъ!
„Въ полѣ бабочка летаетъ,
„Въ полѣ пицу собираетъ;
„Стрекоза всегда шумитъ
„И нигдѣ не посидитъ:
„Я не буду такъ болтлива,
„Такъ какъ бабочка игрива;

„Какъ овечка я смирна
„Буду, вѣжлива, умна!

О Наташа,
Радость наша! *и проч.*

А видали ли Наташу
Посреди семьи своей?
Какъ обступили радость нашу
Кругъ веселенькихъ дѣвочекъ! —
Ошь прелестной Катерины
Всѣ до Сонюшки молодой —
Вереницы голубины,
Или шумной пчелокъ рой —
Всѣ вокругъ ее играющъ,
Всѣ занять ее желаютъ,
Всѣ малюшку веселятъ,
Ловятъ, носятъ и кружатъ.
Не упряма, не лѣнива
И ни чуть не прихотлива,
Всѣхъ гонова веселишь,
Ласкамъ ласками плашишь. . .
Вдругъ . . . смотришь . . . гдѣ дѣвалась? —
Гдѣ Наташа? — Ахъ, помчалась
Въ ближній, милый, покой,
Братецъ гдѣ ея меньшей
На рукахъ у няни болить. —
„Ахъ Николинъка неволенъ
Съ нами вмѣстѣ поиграть! . . .
Хоть займемъ его игрою!“ —
Что я вижу предъ собою? —
Можноль кистью земною
Мнѣ картину написать! —
Добры Ангелы спустишесь,
И на стражѣ спанье здѣсь;
На невинность преклонишесь,
Лейше благоспѣ отъ небесъ!

Лейся миръ , покой , ошрада ! —
 Веселише маперъ чада ! —
 Другъ ко другу преклонясь
 И ручонками сплешясь ,
 Будпо пшенчики младья
 Подъ крыломъ своей родныя
 Лобызаюпся спокрашъ ,
 Улыбаюпся , смѣюпся ,
 Дружка дружку щекотаяпъ ;
 То всѣ къ маминькѣ привьюпся ,
 То отъ ней всѣ прочь бѣгутъ ;
 То всѣ къ бабинькѣ соборомъ ,
 То всѣ къ дѣдушкѣ со споромъ ;
 То рассыплюпся всѣ вдругъ
 А Николинька за ними
 Рыщешъ — глазками одними !
 Всѣ шумѣ были ? . . . гдѣжъ шеперь ?
 Тютю ! . . . нѣтъ ! — оборотился
 Ищешъ тамъ и здѣсь ! . . . сгруспился .
 Глазки плачупъ . . . наспижъ дверь .
 Шукъ и хохотъ — всѣ влешѣли ,
 Закружились , зашумѣли ;
 Глазки снова засвѣплѣли ,
 Все взыграло предъ шолпой :
 И ручонки ,
 И ножонки ,
 И головка . . . весь не свой !
 Улешѣлѣ бы ! . . . шрудно нянѣ
 Удержашъ его въ рукахъ !
 Но довольно , переспанемъ !
 Лишняя рѣзвость лишній страхъ !
 Всѣ замолкли , ушишились ,
 Близъ Николиньки сажались .
 Ты не веселъ милой другъ !
 Погорюемъ же съ шобю ,
 Распрощемся съ игрою .

Спи, мой братецъ, усыпись
И здоровымъ пробудись!

*

Вотъ вамъ, миленьки сесприцы,
Быль сказаю, не, лебылицы,
Что ни въ сказкѣ не сказаешь,
Ни перомъ не написаешь!
Пусть любезная Наташа,
Пусть подружка будетъ наша
Вѣкъ здорова, весела,
Всѣмъ роднымъ своимъ мила!

*

О Наташа,
Радость наша,
Доброй миленькой дружокъ,
Къ намъ скорѣе, къ намъ въ кружокъ!

*

Здѣсь подружки,
Здѣсь подружки
Всѣ свою Наташу ждуть,
Всѣ ей пѣсенки поютъ.

Мрзлкъ.

~~~~~

На кончину Князя Италійскаго,
Графа Аркадія Александровича
Суворова - Рымникскаго.

Гдѣ славою Россійскій Марсъ Суворовъ увѣнчался,
И гдѣ клялась она ему предъсечей бытъ:
Тамъ сынъ его въ волнахъ безвременно скон-
чался,
Горѣвшій рвеніемъ Отечеству служить!

Вас. Колосовъ.

~~~~~

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О первыхъ дѣйствіяхъ изобрѣненія типографическаго искусства.

Всякое важное изобрѣненіе имѣетъ при своемъ началѣ многія обстоятельствова, доспойныя вниманія. Сіи обстоятельствова, касательно изобрѣненія типографіи, еще небыли собраны и приведены въ надлежащій порядокъ.

Книгопечатаніе, сіе впрочемъ механическое искусство, произвело великія перемѣны въ дѣлахъ богослужебныхъ и политическихъ; оно сдѣлалось такимъ способомъ сообщать мысли, котораго теперь ничто уже остановить не можетъ; съ помощію типографіи сбережены и сравнены многія изобрѣненія и открытія, многіе опыты, искусства и науки.

Тростникъ, кора, листья, напертыя воскомъ дощечки и нѣкошорыя другія орудія служили для древнихъ способомъ хранить и передавать другимъ свои мысли.

Важныя неудобства, по видимому, опшима-
ли всю возможность сберечь произведенія
разума для ошдаденнаго потомства (*);
но произведенія древнихъ сохранились соб-
ственныиъ своимъ достоинствомъ.

Испалія Имперія

Съ паденіемъ Римской Имперіи древнее
просвѣщеніе угасало. Между шѣмъ изрѣд-
на являлись люди, одаренные хорошими сп-
способностями; они сберегали драгоценные памят-
ники ума и учености древнихъ. Въ сред-
ніе вѣки одни только монахи были блю-
стителями рукописей. Безъ сихъ трудо-
любивыхъ опшельниковъ погибли бы неми-
нуемо древнія сочиненія, коимъ предназна-
чено было сдѣлать всеобщую перемѣну въ
словесности цѣлой Европы.

Испалія произвела мужей опличныхъ.
Они догадывались, вопрошали почтенную
древность и достигли своей цѣли: они вос-
кресли древнихъ. Баккачѣо, Пешрарна,
Медицисы! вамъ одолжены мы шѣмъ, что

(*) Нѣкоторые писатели, зная, что древніе
почти попадали на мысль объ изобрѣшеніи
книгопечатанія, извѣяляли сожалѣніе свое,
для чего Римлянамъ не было извѣстно сіе
искусство; но они забыли, что подвижныя
буквы мало были бы полезны безъ бума-
ги, которая, какъ извѣстно, изобрѣшена
весьма уже поздно.

дышемъ воздухомъ древней Греціи и древняго Рима; что учимся съ Сократомъ подъ шивію плащановъ; что съ Плащаномъ ходимъ по Лицею; что восхищаемся, читая высокія Гомеровы пѣснопѣнія, или Плутоваровы описанія мужей великихъ; наконецъ, что образуемъ себя въ ^{нѣкой} школѣ, которая произвела Перикловъ и Сципіоновъ.

Благородное соревнованіе начало распространяться; шло въспановишеля наукъ сдѣлалось почтеннымъ, и его многіе спали жскать неушомимю; спали рыться въ архивахъ и въ библіотекахъ; спали ошыскивать древнія рукописи, и собираніе ихъ сдѣлалось необходимою пошребностію для людей знатныхъ, которые почитали уже памяшники сіи богатѣйшимъ украшеніемъ своего дома (*).

Такимъ образомъ и другихъ состояній люди начали упражняться въ чшени древ-

(*) Приобрѣшеніе древней рукописи почиталось тогда наравнѣ съ завоеваніемъ провинціи. Козма Медицисъ, нашедши Типа-Ливія, послѣшилъ отправить его къ Неаполишанскому Королю Алфонсу, тогдашнему своему неприятелю. Врачъ Королевской подумалъ, что рукопись околдована, и просилъ Государя ее нешротать. Но Король непослушался, прочиталъ Типа-Ливія и заключилъ миръ съ Медицисомъ.

нихъ писателей. Исторія съ прочими вспомо-
гательными науками своими озарилась
новымъ блескомъ. Между пбмъ найдено
искусство дѣлать изъ пеньки бумагу; тогда
стало удобнѣе списывать древнія книги,
копорыя сдѣлались уже собственностью не
однихъ только вельможъ и богачей, но всѣхъ
любителей изящной словесности. Какого
однакожь труда стоило приобретение ихъ!
Подлинники были рѣдки; ими дорожили;
надлежало доставать ихъ, разбирать и пе-
реписывать. Общественныя книгохранили-
ща немогли еще служить достаточнымъ
пособіемъ для охотниковъ до древностей.

Пятнадцатый вѣкъ получилъ весьма
незначительное наследство отъ своихъ пред-
шественниковъ. Южная Европа изнемогла
подъ бременемъ раздоровъ между свѣтскими
и духовными властями. Ученые люди несо-
ставляли еще единого общества; превосход-
нѣйшія творенія древнихъ подлежали стро-
тому проклятію; здравой разумъ смѣшивал-
ся лжеумствованіями непонятной дилек-
тики.

Изобрѣщеніе огнестрѣльнаго пороха и
всеобщая перемѣна въ искусствѣ военномъ
дали иное, лучшее направленіе дѣламъ по-
литическимъ. Городскіе жители, небудучи
уже обязаны служить въ войска, принались

за ремесла и искусства. Фамиліи благородныя и богатѣйшія помѣстьями перевелись послѣ крестовыхъ походовъ; возникло среднее сословіе; верховная власть правительствъ ушвердилась на развалинахъ феодальнаго самоуправства; правосудію и гражданскому порядку дано лучшее устройство: такимъ образомъ проложена дорога къ просвѣщенію разума и къ исправленію нравовъ.

Въ семь сословіи пятнадцатый вѣкъ засталъ Европу. Все было готово къ возстановленію наукъ и словесности; недоставало только способа распространять полезныя свѣдѣнія; безъ него можешь быть невѣжество одержало бы верхъ надъ усиленіями разума.

Изобрѣшено книгопечатаніе. Причиною онаго было не раченіе о благѣ общественномъ, но единственно заботливостъ о выгодахъ частныхъ. Сія же причина, сильная и неупомимая, содѣйствовала къ усовершенію типографическаго искусства, но успѣхи его были очень медлительны.

Разумъ поражается удивленіемъ, представляя себѣ чудесныя перемѣны, произшедшія отъ изобрѣженія сего новаго искусства. Мы раждаемся, шакъ сказать, пе-

среди книгохранилищъ и бумагъ печатныхъ; но надобно перенестись мысленно въ прошъ вѣкъ, когда появились первыя книги.

Обратимъ вниманіе свое сперва на самыхъ типографщиковъ. Прискорбно вспоминашь о человѣкѣ, лишенномъ плодовъ своего трудолюбія и угнетенномъ бѣдноспію, пошому что другой воспользовался выгодами и славою его изобрѣтенія. Фаустъ похищаетъ всѣ права у Гутшенберга (*), убѣгаетъ изъ Майнца и приноситъ съ собою въ Парижъ новое средство набогачаться. Тамъ продаетъ онъ печатныя книги за рукописныя; но обманъ скоро обнаруженъ, и Фаустъ, опредѣленіемъ Парижскаго парламента, принужденъ былъ возвратить деньги шѣмъ, съ копорыхъ взялъ лишнее (**).

(*) Гутшенбергъ, Фаустъ и Шефферъ почитаются изобрѣшателями книгопечатанія. Послѣдній сообщилъ Гутшенбергу нѣкоторыя выдуманныя имъ способы производить работу съ большею удобностію. Хитрый Фаустъ воспользовался оными.

(**) Первою книгою, напечатанною съ показаніемъ года, почитается была Псалтырь 1457 года. Г. Профессоръ Московскаго Университета Фишеръ нашелъ въ Майнцѣ Календаръ на 1457 годъ, слѣдственно старшій Псалтыри. Но сочинитель сей спашы, Баронъ Арешинъ, главный бібліотекаръ Баварскаго

Во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка появились уже типографіи почти во всѣхъ странахъ Европы. Въ одной Италіи сорокъ городовъ могли хвалиться сими полезными заведеніями. Сія отрасль промышленности наиболѣе процвѣтала въ Венеціи и въ Неаполѣ. Типографщики были вмѣстѣ и книгопродавцами. Одинъ Кобургеръ имѣлъ въ Ниренбергѣ двадцать станковъ и болѣе ста работниковъ, и въ шестнадцати главныхъ городахъ Европы завелъ книжныя лавки. Размноженіе типографій пшало прочія ремесла, нужныя для книгопечатанія: появились рѣзчики и переплетчики, размножились бумажныя фабрики.

Должность справщика почислалась первою послѣ должности типографщика. Ее поручали извѣстнымъ по своей учености людямъ, которые обязывались присягою не оставлять ни одной ошибки. Славный Альдъ учредилъ въ Венеціи академію; должность членовъ состояла въ стараніи довести искусство книгопечатанія до возможнаго совершенства. Самые типографщики, какъ управляющіе прудами ученыхъ людей, необходимо должныствовали имѣть самыя оп-

Короля, нашелъ въ Минхенѣ книгу еще прежде напечатанную, а именно 1455 года, подъ титуломъ: *Manung der Christenheit wider die Türken.*

личныя свѣдѣнія. Ученость многихъ изъ нихъ была споль обширна, что они сами сочиняли примѣчанія къ сочиненіямъ классическимъ, выходявшимъ изъ ихъ типографій, которыя по всей справедливости могли называться сборнымъ мѣстомъ людей просвѣщенныхъ.

Теперь посмотримъ на ученыхъ людей, которые упражнялись въ словесности и содѣйствовали успѣхамъ типографическаго искусства. Собственная выгода заставляла ихъ стараться о томъ со всевозможнымъ усердіемъ. Книгопечатаніе было для разума ихъ пою пивердою почкою, которой преобладалъ Архимедъ, обѣщаясь поколебать вселенную. Посредствомъ сего искусства они господствовали надъ временемъ, переносились черезъ обширныя пространства, находились повсюду, и всегда существовали. Они могли распространить славу свою до дальнихъ народовъ и до позднѣйшаго потомства.

Трудности, соединенныя съ переписываніемъ и поправленіемъ рукописей, исчезли (*); время сбережено, и всякой за умъ-

(*) Однакожъ они медленно исчезали. Меланшонъ едва досталъ себѣ первую Библию, бывши уже Магистромъ. Въ 1477 году рукописныя Сочиненія Платоновы стоили 2000 Медіоланскихъ червонцевъ.

ренную цѣну могъ пользоваться сокровищами литтерануры. Такимъ образомъ словесность, до полнѣ исключительности принадлежавшая богатымъ людямъ, содѣлалась общимъ достояніемъ; такимъ образомъ, вромѣ духовенства и рыцарства, явилось прешіе сословіе людей, заслугами своими стяжавшихъ право на знаменитость.

Сія великая въ порядкѣ дѣлъ перемѣна, сіи выгоды конечно могли нравиться честолюбію и своекорыстною душѣ низкимъ; но истинно благомыслящіе люди радовались шѣмъ, что они могутъ бесѣдовать съ цѣлымъ свѣтомъ. Скоро многіе писатели явились на поприщѣ: нѣкоторые изъ нихъ со всею силою превосходныхъ дарованій предложили высокія и разительныя мысли, созрѣвшія въ тихомъ уединеніи, и ими вдохнули въ современниковъ своихъ нѣ благородныя чувства, которыми сами одушевлялись. Сила предразсудковъ и ложныхъ мнѣній ослабѣла, и писатели доказали свѣту, что и они достойны уваженія вельможъ и правительствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что искусство шипографическое ускорило ходъ испорціи и политики. Должно признаться, что другія науки отстали отъ нихъ своими успѣхами. По сей-то причинѣ Робертсонъ пред-

лагають слѣдующее замѣчаніе: „Новой поря-
 „докъ вещей по изобрѣженіи книгопечата-
 „нїя взялъ иное направленіе, а не то, по
 „которому обыкновенно стремятся науки
 „и искусства по своемъ рожденіи: у всѣхъ
 „народовъ сперва возникало стихотворство;
 „напрощивъ тогда по изобрѣженіи книго-
 „печатанїя первые труды человѣческаго
 „разума посвящены были сухой діалек-
 „тикѣ.“

Снажемъ откровенно, что Робертсо-
 ново мнѣніе не совсемъ справедливо. Сей глу-
 бокій наблюдатель не замѣтилъ великаго
 несходства между двумя различными состо-
 яніями словесности, а именно между перво-
 начальнымъ явленіемъ ея и возрожденіемъ.
 При изобрѣженіи книгопечатанїя Европа
 опѣшила пѣнической вѣлѣ свой; а стихо-
 творство процвѣщаетъ при новыхъ понятї-
 яхъ и чувствахъ, когда разумъ необога-
 тился еще обширными и многоразличными
 познанїями. Слѣдственно и ожиданїе на-
 длежало, что книгопечатаніе служило бу-
 дешъ особенно для наукъ, основанныхъ на
 памяти, а не для тѣхъ, кои зависятъ отъ
 воображенїя.

Неужно упоминать, какое дѣйствіе
 имѣло книгопечатаніе на университеты и
 вообще на всѣ учебныя заведенїя.

Его помощію библіотеки содѣлались,
 какъ сказано, вѣчными. До учрежденїя

типографій собраніе пятидесяти или шестидесяти сочиненій почиталось весьма значительнымъ. Творенія классическія находились въ разныхъ рукахъ, и отыскивать ихъ было чрезвычайно затрудно. Въ Королевской Парижской библіотекѣ хранилось не болѣе хорошихъ сочиненій, сколько въ наше время студенту имѣть прилично.

По размноженіи книгъ печатныхъ, доставать ихъ было уже такъ непрудно, что многіе частные люди могли собирать огромныя библіотеки, равныя владѣльчскимъ и монастырскимъ. Ученые книжнымъ богатствомъ своимъ тогда уже не уступали прежнимъ Лукулламъ. Нѣкоторые изъ нихъ заводили у себя типографіи по особливымъ причинамъ, которыя теперь не существуютъ: тогда ученые люди не только не получали прибыли отъ своихъ сочиненій, но даже сами должны были издерживать на нихъ свои доходы. Другая выгода состояла въ томъ, что печатая у себя труды свои, они могли наблюдать всевозможную исправность. Типографическія ошибки, почитались превеликимъ несчастіемъ. Александръ Гвиди нашедши въ своей книгѣ погрѣшность, умеръ съ печали.

Художники принадлежатъ къ третьему классу людей, для которыхъ нашлась работа по изобрѣшеніи книгопечатанія:

оно подало случай въ изобрѣщенію искусства рѣзать на мѣди и въ усовершенствованію искусства рѣзать на деревѣ. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія рѣзьба на деревѣ возведена была на послѣднюю степень совершенства. Выходили изъ печати книги съ такими превосходными карпинами, какихъ нынѣшніе художники сдѣлать не въ состояніи. Тогда самыя богатыя изданія обыкновенно были украшаемы карпинами; ихъ нельзя видѣть безъ удивленія. Успѣхи искусства рѣзать на мѣди были гораздо медленнѣе; оно возвышалось по мѣрѣ упадка рѣзьбы на деревѣ.

Теперь остается намъ обозрѣть по состоянію, въ какомъ находились умы современные изобрѣщенію типографическаго искусства. Признаемся чистосердечно, что предки наши были не просвѣщеннѣе нынѣшней черни. Теперь на деревенскихъ торжищахъ продаются тѣ самыя книги, которыя въ старину читаемы были единственно людьми первосепенными, по естъ *Исторія объ Императорѣ Октавіанѣ*, *Исторія о Мелюзинѣ*, *Исторія о четырехъ сыновьяхъ Емона*, *Въ какое время полезно отворять жилу* (*) и проч.

(*) Тогдашніе грамотѣи читали наиболѣе календари, и съ такимъ усердіемъ старались приобрести ихъ, съ какимъ нынѣ ищутъ доставать запрещенныя книги.

Небольшое число идей, заключающихся въ книгахъ сихъ, сославляло пѣсной кругъ, за предѣлы котораго вниманіе чипашелей выступить не дерзало. Обаяніе разрушилось непрежде какъ по напечатаніи Священнаго Писанія и Древней Исторіи; а когда путешественники описали найденныя ими земли, тогда умножились познанія, распространились идеи, открылись новыя, дошолъ невѣдомыя событія. Любопытный чипашель увидѣлъ новое позорище, увидѣлъ новый мѣръ, населенный Израильянами, Египтянами, Греками, Римлянами, обипашелями Африки и Америки. Разумъ, обогащенный множествомъ познаній и мыслей, возмогъ сравнивать и выводить новыя заключенія. Будучи въ состояніи видѣть предметы съ разныхъ сторонъ, онъ возмогъ судить объ нихъ по разнымъ отношеніямъ и опредѣлять истинное ихъ достоинство.

Дѣйствія новаго преобразованія оказались во мнѣніяхъ, относящихся до вѣры и политики: церковное ученіе разсмотрѣно и очищено; благородная любовь къ свободѣ усиливалась при чтеніи классическихъ швореній и льпописей, въ которыхъ простоно разительна описаны великіе примѣры истинной любви къ отечеству. При быспромѣ ходѣ просвѣщенія, невѣжество под-

вергалось спыду, несправедливость являлась взорамъ въ ужасномъ видѣ. Тогда возникло новое судилище, спрашное, распро-спранившее власть свою по всей Европѣ — судилище общеспвеннаго мнѣнiя.

Посредспвомъ книгопечатанiя выгоды челоѳчеспва доводимы были до сего суди-лица, спрашнаго и справедливаго. Сильные ужаснулись; тогда въ умахъ ихъ родил-ся вопросъ, о которомъ прежде совсѣмъ не думано: „надобно ли оставишь народъ „въ невѣжествѣ, или показать ему права „его и обязанности?“ Правительспва из-брали для себя разныя дороги: одни, оду-шевленные усердiемъ къ добру, ободряли просвѣщенiе; другiя прилѣжно спарались оспановиить успѣхи онаго.

Было запрещено переводить чужеспран-ныя книги, а особливо Библию; были опре-дѣлены строгiя взысканiя прѣтивъ писа-телей и типографщиковъ, которые дер-знули бы издавать въ свѣтѣ книги, про-шпвыя выгодамъ духовенспва; были учре-ждены блюспшители успановленного поряд-ка; нунцiямъ въ наспанленiяхъ предписы-ваемо было прилѣжно смонрѣшь за типо-графiями и знакомишься съ книгопродавца-ми, для того чшобы всегда можно было имѣшь свѣдѣнiе объ издаваемыхъ сочиненiяхъ.

Многія, исторією засвидѣтельствован-
ныя, событія показываютъ, что свѣтскія
правительства разумѣли всю важность
книгопечатанія, и всею способы употребляли
къ тому, чтобы сдѣлать его полезнымъ.
Сіе искусство служило для нихъ весьма
сильнымъ пособіемъ, какъ при объявленіи
указовъ, такъ и при ошараніи направитъ
общественныя мнѣнія въ желаемой цѣли.
По сей причинѣ весьма странно, что уче-
ные люди почти вездѣ предупредили пра-
вительства въ учрежденіи типографій. Ве-
здѣ, кромѣ Россіи, книгопечатаніе введено
было попеченіемъ частныхъ людей, а не
правительствъ. Во Франціи, въ Англіи
и въ другихъ государствахъ сперва ученые
позаботились призвать въ свое опеченіе
чужестранныхъ типографщиковъ.

И такъ искусство книгопечатанія со-
единило разнородные труды художниковъ
и ремесленниковъ, торговыхъ людей и уче-
ныхъ, ценсоровъ и чинапелей; соединило
все, что ни есть въ словесности высокаго,
въ искусствахъ чудеснаго, въ ремеслахъ
полезнаго, все достойное попеченія цѣркви,
разсчетливости государей; вниманія на-
родовъ.

Г. Роское полагаетъ, что еслибъ искус-
ство типографическое изобрѣнено было ра-

нѣе, и тогда оно не осталось бы въ небреженіи у правительствъ и обществъ. Задача сія кажется намъ очень прудною: но мы скажемъ, что бывъ изобрѣнено позже, оно не нашло бы уже никакихъ слѣдовъ древней словесности; тогда разумъ человѣчскій шествовалъ бы въ просвѣщенію по поспезѣ, которая предлежитъ всѣмъ грубымъ народамъ, неимѣющимъ образцовъ древнихъ.

Что ни случилось бы въ послѣдствіи времени съ искусствомъ книгопечатанія, мы утѣшаемся можемъ приятною мыслию, что истины посредствомъ его открытыя во вѣки не погибнутъ.

(Сокращ. изъ *Magaz. Encycl.*)

Ш. К Р И Т И К А.

Разговоры о словесности.

(Окончаніе.)

Приступимъ теперь къ Разговору о Русскомъ стихоповореніи. Въ немъ, равно какъ и въ прежнемъ, содержится много

хорошихъ мыслей и справедливыхъ замѣчаній. Главное дѣло соспоиствъ: во первыхъ, что хотя основателями стихотворныхъ сочиненій нашихъ почитать надобно Натшемира, Тредьяковскаго и Ломоносова, и хотя до нихъ не было у насъ стихотворцовъ (ш. е. извѣстныхъ), однакожъ стихотворство было; во вторыхъ, что главными учителями стихотворства и краснорѣчя суть природа, умъ и сердце, а главными и надежнѣйшими источниками образцы и примѣры, а именно 1 священныя или духовныя книги, 2 лѣтописи и всѣ подобныя имъ преданія, 3 простонародный языкъ, то есть сказки и пѣсни. А подражаніе, спросишь читатель, а чтеніе чужихъ писателей, древнихъ и новыхъ, не уже ли забыто Сочинителемъ Разговора? Нѣтъ; онъ именно говоритъ, что природное дарованіе должно быть подкрѣпляемо науками, чтеніемъ великихъ писателей и глубокимъ знаніемъ языка (спр. 47); онъ требуетъ, чтобы писатель имѣлъ вкусъ и обширныя свѣдѣнія; онъ показываетъ средства приобретать ихъ:

„Какимъ образомъ приобретаетъ оныя живописецъ? Всегда ли онъ одну картину списываетъ? Нѣтъ: онъ разсматриваетъ ихъ тысячи, древнія и новыя, писанныя великими и малыми

художниками. Въ одной учился онъ изображать на лицахъ страсти, въ другой пѣлесныя усилю или напряженія, въ третьей лючосиль брани, въ четвертой шумное стремленіе бури, въ пятой спокойствіе и тишину природы, и такъ далѣе. Примѣчаетъ иногда въ худыхъ картинахъ нѣкоторыя частныя красоты, иногда въ хорошихъ нѣкоторыя погрѣшности и небреженія. Навыкаетъ изъ сравненія худого съ хорошимъ яснѣе и лучше чувствовать цѣну сего послѣдняго. Сличаетъ написанное дерево, цвѣтокъ, животное съ естественнымъ деревомъ, цвѣткомъ, животнымъ, и такимъ образомъ учится въ природѣ почерпать искусство и въ искусствѣ украшать природу. Напавшись, посредствомъ прилѣжнаго упражненія и частаго умствованія, сими знаніями, избираетъ онъ родъ живописи, въ которому наиболѣе чувствуетъ склонности, и тогда подкрѣпляя еще свои собственныя, отовсюду собранныя имъ свѣдѣнія, образцами превосходныхъ въ семъ родѣ художниковъ, подражаетъ имъ, но такимъ образомъ, что въ подражаніи дѣлается самъ изобрѣтатель и творецъ. Писателю шотъ же предлежитъ путь (сир. 48).“

И такъ для приобрѣненія обширныхъ свѣдѣній надобно читать Гомеровъ, Виргиліевъ, Тассовъ, Мильтоновъ, Камюенсовъ, Расиновъ и проч.? Безъ сомнѣнія, **однакожь**

„Иностранные писатели могутъ насъ снабдить мыслями, изоспричь и увеличь силу нашего воображенія, научить нѣкопорымъ общимъ правиламъ стихотворства и краснорѣчія; но не дадутъ намъ того, чѣмъ все оное облекается въ силу и сладость, по есть словъ и языка. Напрошивъ, чрезмѣрное наше къ нимъ прилѣпленіе и углубленіе ума въ ихъ сочиненія опиводитъ насъ опъ досташочнаго упражненія въ собственномъ своемъ языкѣ, безъ котораго не можемъ мы здраво разсуждать ни о красотахъ словесности, ни о погрѣшностяхъ (спр. 49)“

„Когда вы не научитесь красотахъ собственного языка своего, по всѣ переняшыя вами роды сочиненій: поэма, трагедія, ода и проч. будутъ безъ души, безъ достоинства, и слѣдовательно по одному только имени и образу своему таковыми. Если же вы напередъ въ своемъ языкѣ себя утвердите; когда узнаете обороты онаго, свойство, силу словъ, громкость, нѣжность, за-

мысловапость , проспону рѣченій: тогда только можете вы быть высоки въ поэмѣ, величавы въ трагедіи, громки въ одѣ, забавны въ комедіи, остроумны въ эпиграммѣ (снр. 51).“

Вотъ тѣ важныя причины, для копорыхъ господнѣ Сочинитель совѣдуетъ почерпнуть красоты стихотворства въ своихъ отечественныхъ источникахъ. Онъ впрочемъ справедливъ; но намъ теперь еще не льзя упрекать себя излишнимъ прилѣпленіемъ къ Гомерамъ и Виргиліямъ. Причиною нашего объ языкѣ своемъ небреженія и съ нимъ неразлучнаго невѣжества до сихъ поръ было препорученіе воспитывать молодыхъ Россіянъ чужесипранцамъ, а особливо Французамъ, и при томъ еще развратнымъ людямъ и невѣждамъ. Многіе родители и родственники обрекаютъ своихъ дѣтей на сію жертву единственно для чистаго произношенія Французскаго, и говорятъ, что живучи съ Французами всего удобнѣе могутъ дѣти научиться ихъ языку! Да развѣ это нужно? развѣ Отечество пребудетъ, чтобы всѣ дѣти готовились быть толмачами для общаго блага? Въ переводчинахъ недосыпка никогда не будешь; имѣющимъ склонность къ Французскому языку есть множество способовъ научиться ему съ пользою для себя, не подвергаясь опа-

сноспи ни развращишь свои нравы, ни потеряешь время для приобретения нужнѣйшихъ знаній, ни привыкнешь къ поспыднему раболѣпству передъ иностранцами, которые безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти явно и въ глаза дурачатъ слѣпыхъ своихъ почитателей. Quo usque tandem? . . . Но обратимся къ Разговору о стихотворствѣ. Теперь содержаніе Разговора читателямъ извѣстно. Предложимъ на нѣкоторыя части онаго свои замѣчанія.

До Кантемира, Тредьяковскаго и Ломоносова хотя и были нѣкоторыя сочиненія въ стихахъ, но весьма немногія и при томъ особаго рода, безъ опредѣленной мѣры, безъ наблюденія одинакаго стопопаденія и безъ сочетанія мужескихъ и женскихъ рифмъ; какъ на примѣръ слѣдующія:

Взирай съ прилѣжаніемъ тлѣнный чело-
вѣче,
Како вѣкъ твой переходитъ и смерть не-
далече (стр. 42) и проч.

До упомянутыхъ стихотворцовъ извѣстны уже были многія сочиненія въ стихахъ и даже имена сочинителей. Поляки нѣсколько предупредили насъ упражненіемъ и успѣхами въ словесныхъ наукахъ. По присоединеніи Кіева къ Россіи при Царѣ

Алексѣй Михайловичъ проложена въ Москву дорога для изящной словесности, Досифойный сынъ его и преемникъ Царь Θεодоръ Алексѣевичъ любилъ и ободрялъ стихотворство. Но въ Кіевской Академіи, главномъ тогдашней учености розсадникъ, гдѣ образовались Тупшало и Прокъновичъ, преподаваемы были правила не для Русскаго стихотворства, а для Польскаго; ибо Польской языкъ, процвѣтшій при Сигизмундѣ, хвалился уже своими Ксхановскими и Шимановичами. Мелешій Смогрицкій, сочинитель Славянской грамматики (*), предписалъ было для Славянскаго стихотворства правила древней Греческой просодіи; но имъ не слѣдовали, а писали стихи по употребительному Польскому размѣру. Точно симъ размѣромъ сочиняли всѣ наши стихотворцы семнадцатаго вѣка, и даже до самаго Тредьяковскаго, которой называетъ его среднимъ Русскимъ стихотворствомъ, для отличенія оныхъ древняго и новаго. Симеонъ Полошскій, Лазарь Барановичъ, Димитрій Тупшало, Θεодфанъ Прокъновичъ, Медвѣдевъ и другіе оставили намъ немалое количество стихотвореній. Приведенные господиномъ Сочинителемъ Разговора стихи, и про-

(*) Въ первой разѣ напечатанной въ Вильнѣ 1629.

Правда, что великій нашъ лирикъ употреблялъ болѣе одни ямбы въ стихахъ чешыре и шестистопныхъ; однакожъ онъ иногда писалъ и хорееми, и даже показалъ намъ образчики для дактилей и анапестовъ.

Г. Сочинитель разсматриваетъ особливо каждый изъ упомянутыхъ имъ источниковъ. Дабы показать богатство Славянскаго языка, и что перѣдко и въ прозѣ попадающія стихотворческія мысли, онъ предлагаетъ слѣдующее:

Когда я читаю слѣдующія выраженія: *Отпрыгни сердце мое слово благо, или радуйся свѣще неугасимая огня невестественнаго, или младъ бо лѣты, но умъ его съдинами цвѣтляше, или коснись горамъ и воздымятся, и шому подобныя, тогда и проза кажется мнѣ стихами.*

Выраженія сіи весьма понятны, слѣдовательно хороши. Еслибъ во всѣхъ нашихъ переводахъ книгъ священныхъ наблюдала была такая ясность, то не было бы надобности прибѣгать къ Греческимъ и другимъ переводамъ для уразумѣнія мѣстъ неисправно переложенныхъ, или испорченныхъ переписчиками. Но господинъ Сочинитель смотритъ на нихъ, какъ на образцы изящно-

спи, какъ на доказательства обилія Славянскаго языка. Я осмѣливаюсь думать, что можно бы представити множество другихъ доказательствъ, и что не только всякой изъ обработанныхъ Европейскихъ языковъ удобенъ выразити оныя мысли, но даже Латышской и Чухонской, ибо Лешты и Финны читаютъ на своемъ языкѣ священное писаніе и молятся по книгамъ. Касательно выраженія *отпрыгнуть слово* прилично было бы замѣнить, что въ Еврейскомъ (*) языкѣ глаголъ *рыгаль*, *отрыгаль*, по видимому, не заключалъ въ себѣ той пресвивной идеи, какую у насъ онъ представляетъ. Правда, что сіе слово употреблено здѣсь въ переносномъ значеніи; однакожъ намъ правилами риторики запрещаются низкія метафоры. Свойства языковъ различны: Французы долго перѣшались въ стихотвореніяхъ своихъ употреблять слово *vous* *корова*; они говорятъ и пишутъ *faire des enfans*, между тѣмъ какъ у насъ благоприспособность запрещаетъ употребити равнозначительныя слова для выраженія оной мысли. Въ словахъ *сѣдинажи цвѣтеше* господинъ Сочинитель нахо-

(*) Греческіе переводчики вездѣ удерживали *ἐρηγῆσαι ῥῆμα*, *ἐξερρηγῆσαι λόγον* (т. е. отпрыгнуть слово). Лусеръ въ переводѣ своемъ, избѣгая сей метафоры, отсшудалъ отъ подлинника.

дѣлѣ какое-то извѣстїе, которое शुभъ же называется украшенїемъ, или игрою словъ. Я неоснановился бы надъ извѣстїемъ; но я вспомнилъ, что извѣстїе значить у него всякую риторическую фигуру. Онъ ссылается (*) на Притчи Соломоновы и на книгу Сираха, гдѣ упомянуто объ *извилліи* (**). Я справлялся съ Греческимъ и другими переводами Библии, и вездѣ находилъ, что рѣчь идееть о сокровенномъ смыслѣ притчей, а оппюдь не о фигурѣ. Но фигура слова не Русское! Что нужды? Не мы первые дѣлали наблюденїя надъ языкомъ человѣческимъ; не мы нашли въ немъ переносныя знаменованїя, пропивно-сшїи и всѣ прочїя украшенїя; удивительно ли, что у насъ не было словъ для наименованїя всѣхъ оппичїей въ оборошахъ мыслей и выраженїей? Передъ кѣмъ должны мы спыдиться? Всѣ народы блуждали бы до нынѣ во мракѣ невѣжества, еслибъ несохранились оппкрышїя и изобрѣшенїя древнихъ. Мы должны красившся, что подѣ-

(*) См. Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчанїями,

(**) Познати премудрость и наказанїе и разумѣти словеса мудрости, прїяти же извѣстїя словесъ (*εὐροφίας λόγων*) и разрѣшенїя гаданїй. *Притч. Сол. гл. 1, ст. 2.* — Повѣсти мужей имениныхъ соблюдещъ и во извѣстїе притчей (*ἐν εὐροφίᾳ παραβολῶν*) совнидещъ. *Сир. гл. 39. ст. 2.*

зуёмся благодареніями ученой древности не своимъ стараніемъ, но чрезъ посредство иностранныхъ, которые будучи умничать допобъ, пока мы не перестанемъ нуждаться въ нихъ безъ малѣйшей въ томъ надобности, и пока не принудимъ себя черпать свѣдѣнія изъ самихъ источниковъ. Кто у насъ учился латынѣ, погречески? Бѣдные люди, которые вышедши изъ училища, бывающъ не въ состояніи купить книгъ для своихъ упражненій, и которые по роду жизни своей немогутъ долго оставаться вѣрными служителями Парнасса. Совѣщуйте дворянину учить сына своего латынѣ (о Греческомъ языкѣ и упоминай нѣчего); онъ отвѣчаетъ вамъ, что сыну его не быть ни попомъ, ни лѣкаремъ, и что надобно поговаривать его для свѣта (по есть поспараться, чтобъ онъ болталъ пофранцузски). Вотъ чего мы должны стыдиться! Что мнѣ нужды, что фигура слово Латинское? оно имѣетъ свой смыслъ; я узналъ о немъ изъ твореній Цицерона и Квинтиліана; оно есть точный переводъ съ Греческаго и значитъ видъ, образъ. На что мнѣ разрушать систему риторики, сооруженную Аристотелями, Цицеронами и Квинтиліанами? на что смѣшивать понятія, и фигуру (*σχημα*) называть *извилиемъ* (*σροφη*), которымъ названа она быть не можетъ?

Разсмотрѣннѣ иѣкопорухѣ примѣровѣ изѣ книгѣ богослужебныхѣ, сдѣланное господиномѣ Сочинишелемѣ, было бы гораздо полезнѣе, еслибѣ оныя сличаемы были съ подлинниками. Въ Ирмосѣ: *Древле убо пролялята бѣзслѣ земля Авелесю очерлевнившисл кровію* и проч. чинишель увидѣлъ бы, какѣ слова *очерлевнившисл*, *братлоубійстѣенною*, *богомочною* составлены точно по Греческимѣ; увидѣлъ бы, что въ Славянскомѣ переводѣ *часница* убо совсѣмѣ лишняя, между иѣмѣ какѣ на Греческомѣ она, по свойству языка, терпима; увидѣлъ бы, что въ стихѣ *отѣ запрещенія Твоего лобѣгнуль*, *отѣ гласа грома Твоего* (*ἀπὸ φωνῆς βροντῆς αὐ*) *убоятся*, гдѣ господинѣ Сочинишель находилъ сильное и смѣлое иносказаніе, есть только значительность и слѣдовательно сила, а смѣлаго иносказанія совсѣмѣ непримѣтно.

Громѣ изображается здѣсь, говоритѣ господинѣ Сочинишель, въ видѣ лица вопіющаго или издающаго оупѣ себя гласѣ, и каковѣ же долженѣ бытъ гласѣ, произносимый горпанию самаго грома? Воупѣ въ чемѣ состоитѣ иносказаніе и сила, копорую предки наши едва ли не лучше насѣ умѣли чувствоватѣ (*стр.* 61).

Мнѣ кажется, будто *гласъ* не означаетъ голоса выходящаго изъ горшани, а просто *звукъ*, почно какъ въ стихѣ псалма: хвалите его во *гласѣ* трубнѣмъ и проч.; Греческой переводѣ еще болѣе меня въ томъ удостовѣряешь; слѣдовательно нѣтъ здѣсь иносказанія. Но еслибъ и принявъ громъ за лице, издающее отъ себя гласъ; въ такомъ случаѣ надлежало бы назвать епо фигурою, только не заимословіемъ, какъ Ломоносовъ перевелъ Греческое *προσωποποιεα*, также и не иносказаніемъ, которое иначе называется аллегорією, и значивъ, буде не ошибаюсь, нѣчто другое. Честъ и хвала предкамъ нашимъ, или лучше сказать Болгарамъ и Моравамъ! Они непомѣшали святымъ мужамъ, Меодію и Кириллу, распространить въ опечесствѣ своемъ спасительный свѣтъ христіянства, и приготовить для нашего дальняго Сѣвера благодѣянія словесности! Они восприяли чудесное искусство писанія въ первой половинѣ девяятаго вѣка (увы, какъ поздно)! У народовъ, едва научившихся читать, скоро ли появляются искусные писатели? скоро ли начинаютъ у нихъ замѣчать опличія въ словахъ и красота въ слогѣ? Епо бываетъ тогда, какъ уже вкусъ и охота къ словесности сдѣлаются очень обширными по кругу своего дѣйствія. Мы спанемъ говорить громогласно объ учености нашихъ предковъ. Но

что скажемъ въ ошвѣтъ, когда вопро-
сятъ насъ, гдѣ ошашки, гдѣ слѣды споль
превозносимой учености? Бытіе наше на-
чалось въ шакое время, когда просвѣще-
ніе угасло въ Европѣ; слабые лучи его едва,
едва мерцали на восходѣ: но моглиль они
озарить Сѣверѣ нашѣ внезапнымъ свѣтомъ?
Пусть возьмутъ на себя прудѣ, кому угод-
но, Чукчей и Коряковѣ превратить въ ис-
кусныхъ грамаиѣвѣ; ешого сдѣлашь не мож-
но: народы зрѣютъ подобно каждому чело-
вѣку въ особености. Не лѣзя оприцашь,
что у Чукчей и Коряковѣ явился когда ни-
будь свой Ломоносовѣ; но прежде надобно имѣ
взойти на нѣсколько степеней выше нынѣш-
няго ихѣ соспоянїя. Германцы знакомы были
сѣ Римлянами въ блистательной вѣкѣ Ае-
густовѣ; но моглиль они воспользовашся вы-
годами гражданской жизни и просвѣщенїя, по-
ка недостигли надлежащей степени зрѣло-
сти? Иные говорятъ, и даже ушвержда-
ютъ (незаботясь ни мало, что шѣмѣ об-
наруживаютъ незнанїе свое въ исторїи),
будто на Сѣверѣ всегда было шакѣ свѣт-
ло какѣ нынѣ. Увы! сїи папрїошическїя
догадки разсыпаются при легкомѣ дунове-
нїи безпристрастнаго изслѣдованїя. Ес-
либѣ сочиненїя Цицерона и Виргилїа ис-
чезли; по Колизей, врата Констаншиновы;
водопроводные каналы и дороги засвидѣ-
тельствоввали бы передѣ потомшвомѣ о ве-

личествѣ древняго Рима, и показали бы свѣту, что на томъ мѣстѣ нѣкогда обиталъ народъ знаменитый. Еслибъ не дошли до насъ творенія Эукидидовъ и Димосееновъ; то развалины Минервина храма и чудесныхъ портиковъ возвѣстали бы намъ, что въ нынѣшнихъ Сепинахъ жили нѣкогда граждане, у которыхъ изящныя искусства доведены были до высокой степени совершенства. Всѣ изящныя искусства идутъ равнымъ шагомъ, или по крайней мѣрѣ отстаютъ одно отъ другаго только немногими лѣтми десятинами. Разность едва приметная въ ряду столѣтій.

Дошла очередь до лѣтописей. Въ нихъ нѣтъ той высоты и силы, какія находятся въ священныхъ писаніяхъ; слогъ ихъ гораздо проще. Не взирая на то, они могутъ служить къ великой пользѣ нынѣшней нашей словесности; изъ нихъ можемъ выбирать слова для обыкновенныхъ рѣчей и выраженія простому слогу свойственныя; въ нихъ можемъ замѣчать разность нарѣчій и опыскивать корни словъ. Епо мнѣніе господина Сочинителя; оно справедливо въ отношеніи къ тѣмъ лѣтописямъ, которыя менѣе другихъ испорчены временемъ и переписчиками, и которыя изданы въ свѣтъ людьми собственными и знающими свое дѣло. Но вотъ что далѣе слѣдуетъ:

„Древніе писатели наши, когда хо-
щли изобразить что-нибудь сильное,
на примѣрѣ великаго подвижника, или
богатыря сражающагося на ратномъ
полѣ и наносящаго спрашныя врагамъ
своимъ удары, то выбирали и слова
славныя, которыя показывали бы необы-
чайную его силу: *Царь же Романъ
леляше сосѣца и гоня, и колей-
ными прободеньми просылая вра-
гомъ чрева* (Никон. лѣт. стр. 185).
Здѣсь, вмѣсто испоргая, сказано *про-
сылая чрева*. Какое смѣлое выраже-
ніе. Извѣстїе сїе въ наукѣ краснорѣчїя
называется иноименїемъ, то есть
употребленїемъ одного имени вмѣсто
другаго.“

Въ лѣтописи наши, а болѣе въ хроно-
графы, внесены отрывки о происшествїяхъ
Греческой Имперїи, вовсе не принадлежащихъ
до Россїи; они весьма неуклюжо переведены
изъ Византїйскихъ историковъ, и сверхъ
того безъ милосердїя изуродованы переписчи-
ками въ несчастное время порабощенїя и
невѣжества. Такихъ отрывковъ множество
помѣщено и въ Лѣтописи, извѣстной подъ
именемъ Никоновской, коея издатели на-
рочно печатали оныя опличными буквами,
чтобы показашь источникъ ихъ и опдѣ-
лить ихъ отъ повѣствованїя о происше-
ствїяхъ Русскихъ. Сїи вставки дошли до

насъ весьма испорченными; слоги ихъ чрезвычайно неисправной, вообще тяжелой и мѣстами совсѣмъ невразумительной; донынѣ еще никто неслышалъ ихъ ни съ другими списками, ни съ Греческими подлинниками. Прилагаю выписку изъ той же 185 страницы: „Дигену Роману тяжка убо „брань просыпая между Греки и Персы; „свирѣп шумъ взыде, темна воображаше „ярость; обсюду военачалне, и повсюду „оппицаше, мужъ гонитель Арей, кровни „обращая, и моая руцѣ, вся моря пожре- „тѣ кровемъ желая. Царь же Романъ ле- „пяше сосеца и гоня, и копейными про- „боденми, и просыпая врагомъ чрева: яко „же пищегубитель, аще яшо речешъ ясп- „ребѣ борзый, пищамъ ходоперымъ прс- „спирая ерековы.“ Какая гусная шма! Можешъ бытъ ипущѣ есть что-нибудь и хорошее; но покуда текстъ неисправленъ и неочищенъ, до тѣхъ поръ едва ли можно приводить изъ него выписки въ примѣръ краснорѣчія. Тамъ *просылает- ся* война, здѣсь *просылаются* чрева! и епо *иноименіе!* Кпо изъ Рипоровъ даль такое опредѣленіе сему пропу? о метафорѣ, о метониміи, о синекдохѣ и другихъ пропахъ вообще сказать можно, что въ нихъ употребляется одно имя вмѣсто другаго; слѣдовательно всякой пропъ будетъ *иноименіе*?

Третій источникъ состоитъ изъ сказокъ, изъ пѣсенъ и изъ пословицъ. Сказки и пѣсни почитаются здѣсь пѣвцами, что они суть въ самомъ дѣлѣ, но есть за изустныя проспыхъ людей преданія; весьма немногія, и притомъ несодержація въ себѣ особливаго красноречія. Впрочемъ должно замѣтить, что онѣ дошли до насъ перепорченныя, съ прибавками и съ перемѣнами. Господинъ Сочинитель оспанавливаешь надъ симъ источникомъ, разсматриваетъ его нѣсколько подробно, и открываетъ въ немъ красоты весьма замѣчательныя. Къ сожалѣнію, намъ извѣстны только старинныя сказки и пѣсни; а древнія до насъ не дошли, и мы съ нихъ ничего сказать не можемъ. Весьма желательно, чтобы всѣ сіи остатки любезной старины были собраны, по возможности сбережены въ первобытной простотѣ своей и приведены въ хронологической порядокъ. Они сочинены людьми просподушными, не читавшими ни правилъ, ни примѣровъ изящныхъ; но въ сказкахъ проникательный наблюдатель нашелъ бы, какъ сказать, намеки о разныхъ того времени обычаяхъ, которые пригодились бы не только для писателя, но и для историка. Пѣсни заключаютъ въ себѣ еще другое, неоцѣненное достоинство; онѣ суть произведенія естественной поэзіи, неразлучной съ музы-

кою ; слова каждой пѣсни изливались изъ
 полного сердца вмѣстѣ съ напѣвомъ го-
 лоса. Нынѣшнее стихотворство наше
 походитъ на разрумяненную, пожилую
 щеголиху, которая нарядомъ и прикра-
 сами закрываетъ свои годы, и которая
 отживши время свѣжести своей, бодрости
 и веселости, все еще хочетъ казаться свѣ-
 жею, бодрою и рѣвою. И пакъ подлинныя
 старинныя пѣсни, дѣйствительно относя-
 щіяся къ вѣку пѣпическому, или по край-
 ней мѣрѣ сочиненныя при пѣпическихъ
 обстоятельствѣхъ и по вдохновенію, были
 бы важнымъ приобретѣніемъ нашей словес-
 ности ; но гдѣ ихъ найти ? Раза по три
 въ годъ издаются новыя, новѣйшія и самыя
 новѣйшія пѣсенники ; въ нихъ помѣщаю-
 ся пѣсни простонародныя и старинныя ; но
 по несчастію издатели, по естъ сами же
 книгопродавцы, принявшись не за свое дѣло,
 коверкаютъ ихъ по своему, уродуютъ, встав-
 ляютъ новыя слова, вмѣсто старыхъ,
 которыя имъ кажутся нехорошими. Увы ! по-
 чти пакъ изданы Лѣтописи наши Кениг-
 сбергская, Суздальская и можетъ быть еще
 другія.

Сказки и пѣсни, по моему мнѣнію,
 необходимо принадлежатъ къ исторіи на-
 шей словесности ; со временемъ, по естъ
 когда надлежащимъ образомъ будутъ при-
 готовлены къ употребленію, послужатъ онѣ

доспапчнымъ запасомъ для писателей. Я недумаю однакожъ, чшобы все въ нихъ находящееся надлежало принимать за красшны образцовыя, достойныя подражанїя. Довольно уже и того, ежели мы будемъ любоваться ими, какъ произведенїями опечеспвенными, какъ изобрѣшенїями умовъ прспныхъ, какъ младенческими невинными игрушками. Рыцарь находивъ въ хрустальныхъ чертогахъ красавицу, у которой тѣло такое бѣлое и нѣжное, что видно, *какъ изъ косточки въ косточку можжечокъ переливается*. Господинъ Сочинитель спрашиваетъ: „не показывается ли одно сїе выраженїе, съ какою понкостїю древнїе наши писатели умѣли представлять себѣ красшну женскую? ... какъ опицашь въ нихъ даръ воображенїя, даръ вымысла, даръ спихопворства?“ Я осмѣлюсь замѣтить, что выраженїе сказочника о можжечкѣ принадлежитъ къ любимымъ фигурамъ младенчествующаго искусства, равно какъ и изображенїе какого по существа, у котораго *на груди красное солнце, во лбу свѣтлы мѣсяцъ, въ затылкѣ частлы звѣзды*, и что подражать имъ можно только развѣ въ шуточномъ слогѣ; во впорыхъ, что понкостъ едва ли сосшоитъ въ представленїи невозможностей; наконецъ, что изобрѣпатели прспнародныхъ сказокъ, люди впрочемъ одаренные плодовишымъ во-

ображеніемъ, ни какъ не принадлежащъ къ числу писателей, ибо вымыслы ихъ переходящъ изъ рода въ родъ посредствомъ усшнаго преданія.

Сдѣланныя господиномъ Сочинителемъ замѣчанія объ опличіяхъ стариннаго Русскаго стихотворства должны занять мѣсто въ памяти каждаго любителя опечествленной словесности; они остроумны и справедливы; они суть плодъ продолжительнаго труда и многократныхъ сравненій. Сообщаю инокоторыя сокращенно.

Старинное стихотворство любитъ повторенія:

Ты дуброва моя дубровушка,
Ты дуброва моя зеленая.

Въ немъ часто употреблялись имена прилагательныя съ своими существительными: *красное солнышко, свѣтлый мѣсяць, частыя звѣзды, синее море, черной соболь, бѣлая лебедь* и проч.

Часто прилагательныя имена спавидись по два рядомъ: *темный дремучій дѣвь, бѣлая кудрявая береза, желтый свѣлучій лесокъ, крутой красной бережокъ* и проч.

Прилагательныя часто сокращались :
*бралъ двѣицу за бѣлы руки , садился
на добра коня и проч.*

Иногда прилагательныя спавились усб-
ченными :

Одинъ у меня милъ сердечной другъ.

А иногда и по два рядомъ : *бѣлъ го-
рючь камень , младъ ясень соколь* и проч.

Нерѣдко упопрелблемы были имена
уменьшипельныя :

Ты дѣпинушка сиропинушка ,
Безпріюшная швоя головушка.

Упопрелблялись особливия приговорки :
*видомъ не видать слыхомъ неслыхать ,
старой мужъ журмя журилъ* и проч.

Замѣчающся особаго рода *улодобленія
отрицательныя* :

Не черная шуча изъ за горъ поднималася,
Поднималося храброе Русское воиншво.

Оспановимся. Сего довольно для пока-
занія , что почипеный господинъ Сочини-
пель Разговоровъ о словесности сдѣлалъ
приятное одолженіе всѣмъ благомыслицимъ
своимъ читателямъ. Книга его заставляетъ
разсуждать , сравнивать и справляться :
а въ томъ состоитъ обыкновенное удоволь-
ствіе любителей чтенія истинно полезнаго.

Въ нѣкопрыхъ мнѣніяхъ соглашаясь съ нимъ, въ другихъ не соглашаясь, я въ качествѣ чинашеля свидѣтельствую господину Сочинителю Разговоровъ искреннѣйшую свою благодарность. К.

IV. С М Ъ С Ъ.

Странная лотерея.

Изъ великаго числа Нѣмецкихъ журналовъ въ одномъ помѣщенъ слѣдующій анекдотъ подъ заглавіемъ *Странная лотерея*, которой по необычайности своей дѣйствительно заслуживаетъ сіе названіе.

Незадолго передъ симъ отъ нѣкоторой дѣвицы было напечатано въ газетахъ, что она вознамѣрилась *разыграть себя лотереєю*. Она объявила, что отъ роду ей 23 года, что воспитана хорошо, что имѣетъ доброй нравъ и 16,000 талеровъ. Приложенная при объявленіи картинка показывала пригожство лица ея и поразительную наружность. „Съ нѣкопорого времени, написала въ объявленіи своемъ дѣвица Фортуна (такъ назвала себя сія „молодая особа), многіе женихи искали руки „мой; но отецъ мой всѣмъ отказывалъ. Я

и не жалѣла о томъ; ибо казалось мнѣ, что
 всѣ они желали получить не сердце мое, а
 единственно приданое. Къ одному толь-
 ко почувствовала я склонность; но бѣжущ-
 ка ему отказала же, какъ и прочимъ. Край-
 не огорчившись, вознамѣрилась я не слу-
 шать болѣе никакихъ предложеній, и дожи-
 даюсь той поры, когда буду свободна распо-
 лагать собою. Между тѣмъ невѣрной мой
 искашель женился на другой безъ моего въ-
 дома. Теперь еще болѣе жениховъ является
 ко мнѣ, и отъ меня зависить сдѣлать вы-
 боръ. Но какимъ образомъ увѣришь, кто
 изъ нихъ достоинъ преимущества по без-
 корыстной любви своей? Не надѣясь въ
 томъ успѣть сама собою, рѣшаюсь въ-
 рить себя жребію, и смѣю думать, что онъ
 будетъ назначенъ самимъ Провидѣніемъ. Въ
 слѣдствіе чего объявляю, что того, кому
 вынется выигрышной билетъ лотереи, ко-
 торая будетъ разыгрываться въ Брауншвей-
 гѣ, стану считать супругомъ своимъ, на-
 значеннымъ отъ самаго Неба. Любовь моя и
 нѣжныя заботы покажутъ ему на самомъ
 дѣлѣ, что онъ выигралъ билетъ супруже-
 ского счастья. Положеніе мое ничѣмъ не опа-
 снѣе состоянія весьма многихъ дѣвицъ, коихъ
 родители ежедневно выдаютъ за мужъ, не
 спрашивая объ ихъ согласіи. Того ради и я
 подвергаюсь безпрекословно своему жребію.“

Каждому билету назначена была цѣна 16
 грошей. Необычайное объявленіе, спранный по-
 ступокъ невѣсты, умѣренная цѣна билетовъ,
 словомъ все содѣйствовало умноженію числа
 охотниковъ. Многіе изъ молодыхъ людей ку-
 пили по 20 билетовъ; даже нѣкоторые изъ
 женатыхъ взяли билеты, не заботясь о за-

труднительномъ положеніи, когда бы красавица досталась кому-либо изъ нихъ по жребію. Ученые законоискусники, рассуждая въ бесѣдахъ о возможности выигрыша, утверждали, что невѣста судебнымъ порядкомъ можетъ будущаго счастливца принудить къ браку, каковы ни были бы его прежнія обязанности. Въ домахъ и вездѣ говорили только о дѣвицѣ Форшунѣ. Многие изъ числа тѣхъ вѣстовщиковъ и разскащиковъ, отъ проницательности коихъ ничто не можетъ укрыться, намекали приятелямъ своимъ, что они знаютъ невѣсту, но единственно по скромности умалчиваютъ объ ея имени. Женщины говорили съ великою досадою о непристойномъ поступкѣ госпожи Форшуны; молодыя дѣвицы не могли даже имени ея слышать, незакраснѣвшись; а изъ числа пожилыхъ дѣвушекъ не одна громогласно называла госпожу Форшуну поношеніемъ женскаго пола, внутренно вознамбрившись и себя разыграть лотерею. Между тѣмъ всѣ билеты разобраны.

Насталъ рѣшительной день разыгрыванія Брауншвейтской лотереи. Одинъ профессоръ училища изъ нѣкотораго городка Саксонскаго былъ тѣмъ счастливымъ, для котораго слѣпой случай предназначилъ незнакомую красавицу. Но увы! онъ вмѣшался въ лотерейную игру, неподумавши напередъ о томъ, на какое рѣшается дѣло. Кончина отца возложила на него священную обязанность взять въ свое распоряженіе аптеку, процвѣтавшую въ его фамиліи и переходившую изъ рода въ родъ отъ седмаго колѣна. Уже назначена была контора для помѣщенія нѣкоторой молодой особы, произшедшей также отъ аптекарскаго,

поколѣнія; уже былъ онъ обрученъ съ нею торжественно. Не 16,000 талеровъ дѣвицы Фортуны поколебали вѣрность нашего разсудливаго аптекаря. Будучи въ столь затруднительномъ положеніи, онъ совѣтовался тихонько съ нѣкоторыми своими приятелями, и опившись ихъ не могли его успокоить. Въ одинъ день, когда аптекарь держалъ въ рукахъ своихъ билетъ, отъ котораго зависѣла судьба его, получилъ онъ письмо слѣдующаго содержанія :

„Я увѣдомилась, что жребій назначилъ меня бытъ вашею супругою. По сему обстоятельству я обязана имѣть къ вамъ безпрѣдѣльную довѣренность, и вы увидите, что я ее имѣю. Послѣ того какъ я задумала разыграть себя лопереєю, случилось происшествіе для меня очень важное. Прежній женихъ мой, съ которымъ я гопова была сочешась, овдовѣлъ; онъ потчасъ увѣдомилъ меня о своемъ положеніи, просилъ извиненія въ прежнемъ поступкѣ и увѣрялъ, что нѣжная склонность его ко мнѣ неперемѣнилась. Сердце мое . . . ахъ! кто можетъ за сердце свое поручиться? . . . всегда по немъ посковало. Онъ, онъ одинъ можетъ сдѣлать меня счастливою. Онъ ищетъ приданого, не требуетъ ниже одного червонца, а единственно желаетъ меня имѣть своею супругою. Совѣстно запрещаетъ мнѣ пренебречь пользу собственнаго дитяти, которое ношу теперь въ своей утробѣ, и я рѣшаюсь навѣки отдаться любви моему сердцу со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ.

„Вы конечно видите, милостивой госу-
 „дарь, что признаніе мое естъ самое искреннее.
 „Ежели вамъ угодно принудить меня къ
 „исполненію даннаго слова, засвидѣтельство-
 „ваннаго, шестьюдесятью тысячами лотерей-
 „ныхъ билетовъ; то я конечно буду вашею.
 „Но въ такомъ случаѣ не смѣю увѣрить васъ;
 „что супружескиво наше nebudeтъ истиннымъ
 „подобіемъ ада. Я никакъ немогу любить васъ,
 „я спала бы почитать васъ рушителемъ сво-
 „его счастья. Наконецъ знайте, что я добро-
 „вольно никогда несогласилась бы лѣкарст-
 „венному фабриканту опдаться то, въ чемъ
 „было отказано любезному юношѣ, которой
 „давно произвелъ въ сердцѣ моемъ вѣжнѣй-
 „шее чувство,

„Приступимъ теперъ къ тому, что все-
 „го для васъ должно быть важнѣе. Знаюки
 „въ законоискусствѣ утверждають, что за-
 „плачивши вамъ 16 грошей, то естъ цѣну
 „билета, я могу быть совершенно свободна:
 „но непочитайте меня такъ безсовѣстною.
 „Предлагаю вамъ за опреченіе 5,000 талеровъ
 „нѣличною монетою. Деньги сіи пригодятся
 „вамъ на покупку банокъ и кувшиновъ и на
 „украшеніе нашей аптеки; и съ ними будете
 „вы не менѣе любезны для какой нибудь кра-
 „савицы въ своемъ окологдѣ. Никто не воз-
 „метъ болѣе въ торговлѣ и въ хозяйствѣ ва-
 „шемъ участія, какъ усердная къ вашимъ
 „услугамъ *Фортуна*.“

Разсчепливой аптекаръ, не перья вре-
 мени на размышленія, объявилъ во всѣхъ нѣ-
 мецкихъ газетахъ, что онъ принимаетъ 5,000
 талеровъ. Черезъ нѣскольго времени деньги

сія дѣйствиительно получилъ онъ отъ неизвѣстнаго челоуѣка.

Угодно ли теперь узнать, кто такая была еша дѣвица Фортуна, и какого рода сія безпримѣрная въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ лоперея? Три мошенника разочли себѣ, что такое странное объявленіе послужитъ для нихъ надежнымъ способомъ распродать 60,000 лоперейныхъ билетовъ, копорымъ назначена цѣна умѣренная. Заблаговременно все приготовлено ими было къ желаемому окончанію сего дѣла: Опытъ показалъ, что они не ошиблись въ своемъ расчетѣ. Опложивши 20,000 франковъ; они доспальное (144,000 фр.) раздѣлили между собою по брашеки!

(Изъ *l'Abeille du Nord.*)

Московскія записки.

Въ послѣдней половинѣ минувшаго Іюня въ Москвѣ, у Калужской заставы посреди нарочно устроеннаго обширнаго амфитеатра, два раза дано было прекрасное и великолѣпнѣйшее зрѣлище *Каруселя*. По Высочайшему дозволенію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, составилось здѣсь благородное карусельное собраніе подъ главнымъ распоряженіемъ Его Высокопревосходительства Степана Степановича Апраксина, которой наименованъ Главнымъ Учредителемъ всего Каруселя. Спеченіе зрителей было чрезвычайное: въ первой разѣ, Іюня 20, для входа въ ложи и въ амфитеатръ розданы были зрителямъ билеты; а 25 числа, для дня рождѣ-

ня Его Императорскаго Высочества Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, данъ былъ подобной первому карусель *въ пользу бѣднѣхъ*. Благородные Рыцари показывали искусство свое въ верховой ѣздѣ, мѣткости рукъ и умѣнье управлять оружіемъ. Богатой уборъ церемоніймейстеровъ и кавалеровъ, устройство кадрилей, порядокъ шествія, самыя игры, восхищительные звуки четырехъ хоровъ военной музыки — все это выше всякаго описанія, все достойно обширности, многлюдства и пышности древней Столицы величайшей въ свѣтѣ Имперіи.

Не остановимся теперь ни надъ турнирами и каруселями, ни надъ исторіею рыцарства, съ которымъ они имѣютъ связь неразрывную, и о которомъ описаніе помѣстивъ общаемся въ слѣдующей книжкѣ Вѣстника Европы. Очень бы любопытно узнать о началѣ каруселей, которыхъ однакъ недолжно смѣшивать съ турнирами. Намъ говорятъ (*), что изобрѣтательницею каруселей была *богиня Цирцея*, что она учредила ихъ въ честь Солнца, своего родителя, и что потому и слово карусель происходитъ отъ *carro del sole*. Сии немногія спроки разливаютъ ясной свѣтъ на всю баснословную исторію глубокой древности: теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что Цирцея была не только волшебницею, но и богинею; далѣе, что Улиссъ и товарищи его были не иное что какъ спранспвующіе рыцари, можетъ быть круглаго стола; далѣе, что при дворѣ богини Цирцеи модные кавалеры говорили поиталіянски, или по крайней мѣрѣ чи-

(*) О каруселяхъ соч. Вас. Пушкина. 1811.

спымъ Латинскимъ языкомъ, ибо иные думаютъ, что слово карусель происходитъ отъ *carrus folis*. Какъ бы то ни было, вброяннѣйшимъ почитается, что карусели получили свое названіе *отъ колесницъ, въ сихъ рыцарскихъ упражненіяхъ употребляемыхъ*. Хотя же самое названіе *рыцаря* означаетъ *всадника* (*Ritter* отъ *reiten* верхомъ ѣздить, *chevalier* отъ *cheval* конь); но эта бездѣлка не стоить вниманія. Не лучше ли для изясненія слова *карусель* заставить рыцарей или всадниковъ переѣхать на колесницы? Еще рассказываютъ, что въ Россіи издревле господствовала система рыцарства, и что первымъ учредителемъ рыцарскаго *ордена* Россійскаго былъ Великій Князь Владиміръ Святославичъ. Пускай же себѣ иные утверждаютъ, будто *орденъ* рыцарства учрежденъ во время Крестовыхъ походовъ; нѣтъ, онъ установленъ въ Россіи гораздо прежде! Развѣ не читаемъ мы въ летописяхъ, что при Великомъ Князѣ Владимірѣ I на берегу Трубежа Русской богатырь Янъ Усмовичъ одолѣвъ Печенѣжскаго исполина, такимъ образомъ: приподнялъ его, ударилъ объ землю и повергъ мертва? Поединокъ сей служилъ неоспоримымъ доказательствомъ, сколь свято наблюдались тогда законы рыцарства въ Россіи. Впрочемъ говорить о старинѣ здѣсь не мѣсто. Предложимъ лучше извѣстія о прежде бывшихъ каруселяхъ.

Славнѣйшій карусель данъ былъ при Екашеринѣ Великой 1766 года. Рыцари чепырехъ кадрилей: Славянской, Римской, Индійской и Турецкой, и дамы одѣны были великолѣпнѣйшимъ образомъ. Старый Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, главный судья рыцарей, по оконча-

нія рыстаній произнесъ рѣчь, въ которой изобразилъ милости Великія Монархини и блаженство Ея подданныхъ; и которую окончилъ сими словами: „Послѣ того какъ я имѣлъ честь, не единожды приводить Россійскую армію къ побѣдамъ, за особое почтаю себѣ воздаяніе и тѣмъ славлюся, знаменитыя Дамы, и Кавалеры, что въ сей день не только я свидѣтель, но еще и главный судія вашихъ, благородныхъ подвиговъ.“ Петровъ сочинилъ на сей случай оду; въ которой воспѣлъ рыцарскія игры и блескъ Двора Россійскаго.

Къ исторіи Московскихъ увеселеній принадлежатъ два каруселя, изъ коихъ одинъ данъ былъ при Графѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевъ въ 1784 году на Дѣвичьемъ полѣ, а другою при Графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ 1803 года:

Т е а т р ъ. Между тѣмъ какъ многіе дворяне; разбѣхавшись по деревнямъ, спокойно теперь отдыхаютъ на чистомъ воздухѣ, или распоряжаютъ сельскимъ хозяйствомъ, а купцы развозятъ товары свои по дальнимъ городамъ, или торгуютъ на ярмаркахъ, въ Москвѣ безоспановочно продолжаютъ театральныя представленія, и при томъ не рѣдко даются такія; для которыхъ любители театра по неволѣ должны забыватъ о загородныхъ, Прѣсенскихъ и подобныхъ имъ прогулкахъ. Иные, любя музыку претей Часни возобновленной *Русскаки* и *Деревенскихъ пѣвицъ* и приятное пѣніе Самойловыхъ, другіе желая видѣть игру новой актрисы Пановой, охотно замѣняютъ лѣтнія забавы зимними. Всякой воленъ выбирать для себя невинныя удовольствія; но въ здѣшнемъ свѣтѣ городскія удовольствія обыкновенно имѣютъ и свои не-

выгоды. Лѣтніе спектакли душны, за то и прогулки слишкомъ уже однообразны своею пестрою. Нельзя не позавидовать тѣмъ счастливымъ смертнымъ, которые освободившись отъ городскихъ заботъ и шума, наслаждаются въ сельской тишинѣ разнообразіемъ природы, прохладою и спокойствіемъ.

Я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о двухъ недавно представленныхъ трагедіяхъ, особливо же по случаю явленія на здѣшнемъ театрѣ новой актрисы. Г-жа Панова въ первой разѣ (16 Іюня) показала въ *Едилѣ* господина Озерова. Извѣстно, что лице Анпигоны не принадлежитъ къ числу тѣхъ ролей, которыя исключительно присвоены отличными талантамъ. Надобно отдать справедливость благодарумію и скромности г-жи Пановой: съ ея дарованіемъ можно бы по видимому оповѣжиться на предпріятія гораздо труднѣйшія. Не приобрѣвъ еще навыка и опытности, она признала за полезнѣйшее идти постепенно къ совершенству, и сія расчепливость ея подаетъ уже весьма хорошую надежду. Лѣтнія представленія послужатъ для нее школою; можно полагать, что къ будущей зимѣ она приготовитъ себя къ блестящимъ успѣхамъ. Вразсужденіи игры г-жи Пановой въ роляхъ Анпигоны и потомъ Пальмиры можемъ повторить слова одного зрителя, которой сказалъ: „она тѣмъ начинается, чѣмъ другія оканчиваютъ.“ Всякой безпристрастной подшвердитъ, что похвала сія справедлива. Голосъ приятной, произношеніе чистое, тѣлодвиженія свободныя, не даютъ полного права на титулъ хорошей актрисы; но г-жа Панова при всемъ томъ умѣетъ оду-

шевятъ слова свои; она понимаетъ характеръ своей роли и намѣреніе сочинителя.

Роль *Пальмыры* въ Магометѣ, Вольперовой трагедіи, сыгранной 23 Іюня, подтвердила мнѣніе любителей прагической сцены о превосходствѣ дарованія г-жи Пановой. Пожелавъ ей счастливыхъ успѣховъ, предложимъ теперь что-нибудь о самой трагедіи.

Поспигнуть невозможно, отъ чего трагедію сію сначала почитали богопротивною. Бѣдненькой Вольперъ принужденъ былъ искать покровительства у святаго престола! Въ Парижѣ думали, что стихотворецъ коварно шутитъ надъ вѣрою; напропивъ того въ Римѣ почли трагедію его не инымъ чѣмъ какъ полько сашироу на лжепророка Магомета. Папа Бенедиктъ XIV былъ человекъ умной и непривязчивой; онъ благосклонно принялъ доставленную къ нему трагедію отъ Вольпера, которой написалъ въ посвященіи, что Главъ истинной вѣры приносится описаніе злыхъ дѣяній Основателя вѣры ложной. Пастырь не могъ не повѣрить искренности покорной овцы словеснаго своего спада; онъ завелъ даже переписку съ Вольперомъ! Это очень забавно! Вольперъ съ сердцемъ смиреннымъ приносилъ Римскому первосвященнику благовонныя жертвы хваленій, а Папа низпосылалъ на любезное чадо пастырскія свои благословенія! Проницательной взоръ наблюдателя въ одномъ видилъ комическаго спарика, а въ другомъ хитреца и проказника. Разговоръ Зомира съ Омаромъ и Магомета съ Зомиромъ превосходны; вообще въ трагедіи много благородныхъ мыслей, выраженныхъ въ подлинникѣ прекрасными стихами. За то уже въ дѣйствіи и въ характерахъ находятъ большіе недо-

спашки. Магомедъ является могущественнымъ предводителемъ; окруженный величіемъ и блескомъ раздаемъ грозныя приказанія своимъ полководцамъ; спрашивается: къ чему служить вся сія пышность, все могущество? Къ тому единственно, чтобы поспыдабйшими средствами довести слабоумнаго юношу до ужаснйшаго пресууженія; чтобы заставить Сеида убить отца своего Зомира! Онъ и сестра его Пальмира по молодости своей глуповашы; но могъ ли Омаръ быть слбнымъ обожателемъ Магомедта, Омаръ наперстникъ лжепророка? Можно ли, чтобы Омаръ почиталъ истиннымъ героемъ Магомедта, котораго видблъ вблизи; и чтобы непримбшилъ его злодбйскихъ поступковъ? Погрбшность немалая и въ томъ, что при развязкб трагедіи порокъ торжествуетъ. Правда, въ Магомедб примбшно нбкоторое безпокойство совбсти; но помбщаетъ ли она ему обманывать родъ человбчскій послб такого счастливаго начала? Известно, что Вольтеръ выдавалъ себя ненавистникомъ фанатизма, коего пагубныя слбдствія хотблъ показать и въ сей трагедіи; известно также, что владблецъ Фернейской нападалъ только на фанатизмъ пустосвящовъ. Но есть фанатизмъ и въ литературб: одержимыя имъ слабыя и горячія головы въ твореніяхъ Вольтеровыхъ видятъ однб только красоты, недерзая мыслишь, чтобы въ нихъ были недоспашки и погрбшности. Фанатизмъ вездб опасенъ; ослабляя жершвы свои, лишая ихъ способности размышлять собственнымъ разумомъ, онъ еще поселяетъ въ нихъ ненависть къ тбмъ людямъ, которые непадаютъ передъ ихъ идоломъ.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Королевской Италіанской бібліотекаръ Гажеръ издалъ въ Медіоланѣ описаніе одного древняго Зодіака, найденнаго на берегу рѣки Тигра, близь Вавилона, и теперь находящагося въ Парижѣ, въ Минцъ-Кабинетѣ Французскаго Императора. По видимому онъ вырѣзанъ на камнѣ, упавшемъ съ воздуха, клинообразными буквами, похожими частію на буквы, замѣчаемыя на развалинахъ Персеполя, а частію на видимыя на открытыя недавно кирпичяхъ Вавилонскихъ. На камнѣ семъ начертаны совсѣмъ неизвѣстные знаки, кромѣ Скорпіона и Козерога. Г. Гажеръ почитаетъ самый камень изображеніемъ Солнца.

*

Въ Штуттгардѣ вышла въ свѣтъ книга такъ называемая *Пасителеграфія*, содержащая въ себѣ правила для наставленія телеграфически сноситься со всѣми народами, живущими на земномъ шарѣ. Этой Пасителеграфіи предшествовать должны двѣ другія: *Пасиграфія*, которая учить искусству переписываться вразумительно со всѣми иноязычными народами посредствомъ знаковъ, и *Пасисилла*, то есть изображеніе звуковъ для выговора пасиграфическихъ знаковъ, или то же сказано иными словами, изображеніе новаго языка, которому надобно научиться всѣмъ народамъ. По всему видно, это какая нибудь новая Нѣмецкая штука, выдуманная для наживы. Спастся можетъ, что для сихъ наукъ учредятся кафедры, и что спануть преподавать ихъ, какъ преподающъ сумасбродныя системы новыхъ философовъ. Не гораздо ли простѣе и короче можно извѣщать-

ся съ чужестранцомъ на его языкѣ, или черезъ переводчика, нежели учисья *Пасилалии*? Припомъ же у Нѣмцовъ и у насъ есть, благодаря модѣ, своя *Пасилалия*, для которой и такъ уже слишкомъ много теряется драгоценнаго времени и народной гордости.

*

Я оптадалъ. Переставши писать о *Пасилалии*, въ самомъ дѣлѣ нахожу извѣстіе, что *Пасиграфія* имѣетъ уже своего учипеля, которой ѣздилъ по Германіи съ своимъ искусствомъ, и удѣляетъ его желающимъ за умѣренную цѣну. Нѣкто Шмидтъ, Профессоръ изъ Диллингена, нѣсколько лѣтъ уже упражнявшійся въ *Пасиграфії*, побѣхалъ въ Минхенъ, гдѣ намѣренъ представить Академіи наукъ свои успѣхи и преподавать уроки желающимъ. Дорогою онъ останавливался въ Аусбургѣ, читалъ въ семъ городѣ лекціи о своемъ искусствѣ и одного изъ взрослыхъ учениковъ своихъ заставлялъ показывать разные примѣры, такъ на примѣрѣ, велѣлъ ему предложенныя отъ одного изъ слушателей слова написать на доскѣ пасиграфическими знаками, и (чему наиболѣе удивлялись!) потомъ читать ихъ. Шмидтъ увѣряетъ, что вся Пасиграфія состоитъ неболѣе какъ изъ 250 знаковъ, и что ей научиться можно въ четыре мѣсяца. Нашу обыкновенную грамату, состоящую изъ немногихъ буквъ, всякой взрослой человѣкъ, разумѣется не шупой, можетъ перенять въ одни сутки.

*

Нѣкто Якобъ Гребертъ, 18 уже лѣтъ живущій въ Генуѣ, печатаетъ въ Пизѣ очень любопытное сочиненіе объ исторіи и пѣническихъ свойствахъ Скальдовъ, древнихъ бар-

довѣ Скандинавскихъ. Въ немѣ сравниваются Скальды съ Трубадурами, и выводятся изъ того весьма важныя заключенія. Сочинитель утверждаетъ, что Скальды еще до временъ Карла Великаго „были шворцами сладоспѣйшихъ и сильныхъ пѣснопѣй.“ Нѣтъ сомнѣнія, что историческое о томъ изысканіе должно бытъ весьма любопытно; но излишнія похвалы, Скандинавскому стихотворству приписываемыя, едва ли не покажутся странными знапоку безприсраспному. На примѣрѣ, чего можно ждать отъ мѣологии, въ которой двѣ козы и молопокъ суть принадлежности бога грома? чего ждать отъ стихотворсва, наполненнаго несносными гиперболами?

Въ Нѣмецкихъ лиспкахъ описано бывшее 20 Мая публичное испытаніе въ Вѣнскомъ институтѣ слѣпыхъ. Передъ экзаменомъ, пока собирались посѣшители, слѣпые дѣти занимались работою въ залѣ: вязали чулки, сѣпки, шурки, а одна дѣвочка даже шила. Старшій питомецъ дѣлалъ картоны, и наклеивалъ ихъ бумагою шакого цвѣна, шакого требовали посѣшители; онъ бралъ бумагу изъ большой кучи, и различалъ ее какъ будто зрячій. Потомъ дѣти испытываемы были въ капихизисѣ, въ чшеніи, въ письмѣ и въ ариеметикѣ. Извѣстно, что для слѣпыхъ дѣлающа особливя шегради съ выпуклыми буквами, копоры они оцупываютъ пальцами. Болѣе тридцати разныхъ монетъ показывали слѣпымъ дѣтямъ, и они пошчасъ безошибочно оцупью отгадывали названіе каждой. Равнымъ образомъ исправно отвѣчали на вопросы о предложенныхъ имъ сѣмянахъ и зернахъ, о растѣ-

нїяхъ ими производимыхъ и обѣ употребле-
нїи оныхъ для жизни. Узнавали оцупью же
представленныя имъ модели млекопитаю-
щихъ животноныхъ; показывали разныя части
ихъ шѣла; извѣщали, чѣмъ отличаются жи-
вотныя одно отъ другаго, и чѣмъ каждое изъ
нихъ полезно бываетъ для человѣка. Потомъ
болѣе способнѣйшія къ наукамъ дѣти отвѣ-
чали на вопросы о важнѣйшихъ произшествї-
яхъ въ исторїи и о времени, въ которое оныя
случились. На послѣдокъ испытываемы бы-
ли въ географїи; очень скоро отыскивали на
картахъ разныя государства, границы, рѣки,
города, и показывали съ удивительною точ-
ностію. (Географическія карты для слѣпыхъ
дѣлаются нарочно съ выпуклыми же полосами
для означенїя границъ, морей, острововъ,
рѣкъ, горъ и проч.) Въ заключенїе всего слѣ-
пныя дѣти пѣли хоръ и играли на разныхъ
инструментахъ.

*

Нѣкто Фрисъ, названный въ Нѣмецкихъ
листкахъ *известнымъ философомъ*, издалъ
сочиненїе свое подъ титуломъ: *Филте и
Шеллингъ новѣйшія ученїя о Богѣ и мірѣ*.
Мы не умѣемъ перевести главныхъ мыслей
обоихъ сочинителей, потому что онѣ и для
самыхъ Нѣмцовъ непонятны, то есть для
тѣхъ Нѣмцовъ, которые ищутъ въ книгахъ
здраваго смысла и не выдаютъ себя за всезнаю-
щихъ. Спрашивается безирисрасно: не уже
ли полезно набивать молодымъ людямъ головы
такими бреднями? Всякая молголомная систе-
ма полезна бываетъ только для своего изобрѣ-
тателя, доставляя ему выгоду нѣсколько лѣтъ
слыть моднымъ философомъ. Въ одномъ листкѣ
Невтона, Лейбница, Монтескїа содер-

жится болѣе высокихъ истинъ, нежели во
всѣхъ сочиненіяхъ Нѣмецкихъ метафизиковъ,
начиная съ Канта.

У. П О Л И Т И К А.

Н о в а я Е л л а д а.

Прошло двѣ тысячи сто пятьдесятъ лѣтъ
послѣ того какъ Еллада рѣшишельнымъ сра-
женіемъ на Херонейскихъ равнинахъ покорена
Филиппу и сыну его Александру. Прежній
духъ снова было возсіялъ въ Ахейскомъ со-
юзѣ; не сшало Филопемена, послѣдняго изъ
Еллиновъ, и скоро попомъ, за 146 лѣтъ до
нашего лѣтосчисления, Муммій водрузилъ по-
бѣдоносные орлы Римскіе въ пышномъ Корин-
ѣ. Еллада сдѣлалась Римскою областію подъ
именемъ Ахаіи или Греціи. Послѣ сего печаль-
наго событія угасла послѣдняя искра того
благороднаго стремленія ко всему изящному и
великому, того высокаго восторга, которой
произвелъ несравненные образцы изящныхъ
искусствъ и положилъ основаніе всѣмъ на-
укамъ; но гордые побѣдители въ ослабѣвшихъ
потомкахъ чтили заслуги знаменимыхъ пред-
ковъ. Аѣинамъ дарованы были опличныя пре-
имущества, и юные Римляне стремились во
градъ Минервинъ искать просвѣщенія. Тамъ
уже не являлись умы великіе, и почти вся

мудрость сосполяла въ Риторикѣ и въ діалектикѣ софисповѣ; но Аѣины все еще были хранилищемъ въжливости въ обхожденіи, и Аѣинскимъ художникамъ одолжены мы прекраснѣйшими Римскими зданіями и спапуями. Шестидесять лѣтъ пропекло въ счастливой независимости, пока Аѣины не приняли сторону Понсійскаго Мипридаша; тогда Дикшапорѣ Силла, послѣ разорительнаго завоеванія, опнялъ у нихъ памятники древняго искусства и всѣ преимущества. Многолюднѣйшія обласки опусиошены, такъ что Помпей долженъ былъ плодоносную Аркадію населишь морскими разбойниками. Во время войны между Помпеемъ и Цезаремъ, Аѣины взяли сторону перваго; великодушной побѣдишель даровалъ имъ прощеніе. Граждане все еще любили республиканскую систему: Брута и Кассія приняли они съ радоснію; Антоній приобрѣлъ себѣ ихъ благосклонность, предоспавизши имъ шѣнь свободы. Они выбирали себѣ архонповѣ, и право гражданства ихъ уважаемо было даже при Императорахъ. Аѣины, Спарта и Аркадія хоня лишились при Августѣ великихъ преимуществъ и своихъ спапуй; однакожъ пошомки не переспавали гордиться воспоминаніемъ о знаменишности великихъ предковъ. Неронъ даровалъ вольность Греціи; Веспасіянъ опять покорилъ ее, дабы возстановишь спокойствіе. Адрианъ далъ новое бытіе Ахаіи; часть Аѣинъ, называвшаяся Адрианополемъ, свидѣтельспвуеишь объ опличной къ сему городу благосклонности Императора, которой самъ былъ архонтомъ Аѣинскимъ. Вмѣстѣ съ Римскою Имперіею упадала и Греція; при Галліенѣ Аѣины переспавали выбирать своихъ архонтовъ, и Констаншинъ ввелъ

въ нихъ вѣру христіанскую, не взирая на упорное сопротивленіе софистовъ. При раздѣленіи Римской Имперіи Ахаія и Македонія достались восточному Императору Аркадію, и въ плетомѣ столѣтій были опустошены Гогами, а особливо при Аларикѣ. Тогда прекраснѣйшія ума человѣческаго произведенія, великолѣпныя храмы, пещеры и дома, удивительныя статуи и картины, разрушены нечувствительными варварами. Творенія стихотворцевъ, ораторовъ, историковъ, математиковъ и философовъ сожжены, или разбросаны; едва сохранились нѣкоторыя остатки произведеній Греческаго ума и художествъ; отъ нихъ, по завоеваніи Турками Константинополя, начинается въ Италіи новая заря просвѣщенія. Подъ желѣзнымъ скипетромъ Османовъ угасли послѣднія искры того свѣта, которой нѣкогда яркими лучами блисталъ въ Греціи. Аѳины были уже не иное что какъ бѣдная деревня, и знаменитый Парѳеніонъ, съ которымъ Пантеонъ Римскій не могъ сравниться въ красотѣ и симметріи, взлетѣлъ на воздухъ по неосторожности Турковъ, сдѣлавшихъ его пороховымъ магазиномъ. Немногіе изъ Грековъ, любители просвѣщенія принуждены были искать его въ однихъ только писаніяхъ отцовъ церковныхъ, жившихъ во времена упадка. Военственный духъ Спартанъ еще непогасалъ въ Майнопахъ, которые управлялись двумя царями, какъ во времена Ликурговъ, жили въ горахъ и безпокоили сосѣдовъ своихъ разбойничествомъ. Въ осьмнадцатомъ столѣтій Греція опять начала озаряться лучами свѣта; многіе изъ молодыхъ Грековъ спали посѣщать Нѣмецкіе университеты; и уже одноземцы ихъ, привозя

на Лейпцигскую ярмарку, спрашивали сочинений и памятниковъ, оспавшихся отъ того времени, когда опечество ихъ процвѣтало, Просвѣщенные иностранцы содѣйствовали успѣхамъ Греціи; они желали, чѣобы страна сія пробудилась отъ сна, двѣ тысячи лѣтъ продолжавшагося. На островахъ, по своему положенію менѣе подверженныхъ чуждому вліянію, показались слѣды возникающей памяти о заслугахъ предковъ. Сіи признаки устрашили чалмоносцовъ. При дворѣ Султана спали заботиться о немедленномъ подавленіи вновь возраждающагося просвѣщенія. Турецкой Кабинетъ потребовалъ отъ Австрійскаго двора выдачи одного Грека, переводившаго на опечестивенной языкъ свой въ Вѣнѣ Путешествіе младшаго Анахарсиса, и повелѣлъ отрубить ему голову въ Константинополѣ. Но щепотно Падишахъ Османъ въ слабую рукою своею хотѣлъ остановить колесо времени; усиліями его еще болѣе возбуждались умы угнѣбленныхъ Грековъ. На Іонійскихъ островахъ ожилъ древній духъ Еллиновъ; тамъ учреждены Академіи для Греческой словесности, возобновлены Олимпіады и торжественныя игры. На Ксантѣ и на островахъ окрестныхъ устроено земское войско изъ 20,000 Грековъ; ихъ одѣли въ Македонское платье и научили пѣшь военныя пѣсни Тиршеевы и Пиндаровы Олимпійскіе гимны. Спартанскіе полки, въ древней одеждѣ Лакедемонской, напоминали удивленнымъ зрителямъ время давно миновавшихъ столѣтій. Знамена сихъ новыхъ Еллиновъ отличались изображеніемъ Феникса, возраждающагося изъ своего пепла. Устрашенная Порша послала въ Пелопоннесъ прехъ чиновниковъ своихъ, которымъ препоручила уничтожить всѣ внѣшнія содѣйствія, и строю

поступить съ пѣмми, въ коихъ было бы замѣнено покушеніе освободиться отъ угнетающаго ига. Но вѣпхій пронѣ Османовѣ, колеблемый съ сѣвера побѣдоносными Россіянами, а съ юга Вѣхабитами, и подрываемый внутренними мяшежами Нашей сильныхъ и непокорныхъ; едва ли не бесполезно ищетъ опоры въ сихъ спорогихъ распоряженіяхъ. Ходъ времени, возобновившій нынѣ многія бышія древности, можетъ спасться, исполнитъ ожиданіе Грековъ и желаніе всѣхъ людей просвѣщенныхъ; можетъ быть ими *Новой Еллады* будетъ имѣть свое значеніе.

(Изъ *Polit. Journ.*)

Обозрѣніе произшествій.

Іюня 4го пушечною пальбою возвѣщено жителямъ Парижа о возвращеніи Императора и Императрицы въ Сен-Клу: — Прибыли въ Парижъ Великій Герцогъ Франкфуртскій, Маршалы Морпье, Дюкъ Тревизскій и Массена, Князь Есслингскій. Бывшій при Императорскомъ Россійскомъ дворѣ Посломъ Дюкъ Бисансъ вступилъ уже въ отправленіе своей должности при дворѣ по званію Оберъ-Шталмейстера. — Свѣрѣпствовавшая въ Парижѣ ужасною бурей причинено великое опустошеніе. Елисейскія поля и Тюльери претерпѣли болѣе всѣхъ прочихъ мѣстѣ. — Въ Богоподичной церкви 9 Іюня совершенъ обрядъ торжественнаго крещенія надъ Королемъ Раяскимъ съ великою пышностію. — Получено извѣстіе, что Маршалъ Мармонъ, Дюкъ Рагуз-

скій, уже принялъ главное начальство надъ Португальскою арміею, вмѣсто Массены.

*

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Саламанки, главная квартира Португальской арміи находится теперь въ семъ городѣ. Одна часть арміи стоитъ вдоль по границѣ Португальской, а другая расположена въ провинціи Саламанкѣ. Лордъ Веллингтонъ издалъ новыя повелѣнія усилилъ Португальскую армію. Правое крыло Англійское примыкаетъ теперь къ границамъ Испанской Эспрамадуры для прикрытія Алентейской провинціи. — Маршалъ Дюкъ Испрійскій имѣетъ главную квартиру свою въ Валладолидѣ. Корпусъ его расположенъ въ старой Каспильи, въ Леонѣ, въ Монсанѣ, въ Астуріи и въ прилежащихъ къ Франціи провинціяхъ.

*

Въ Лондонѣ получены извѣстія о двухъ жестокихъ сраженіяхъ, происходившихъ 7го и 16го Мая между соединенными войсками и Французами, недалеко отъ Бадайоза. Начальниками были съ Англійской стороны Бересфордъ, а съ Французской Маршалъ Сульсъ, Дюкъ Далматскій. Оба сраженія были для союзниковъ неблагопріятны. —

Герцогъ Йоркскій опять наименованъ Генералъ-Фельдмаршаломъ и Главнокомандующимъ всѣхъ сухопутныхъ войскъ Королевства Великобританскаго.

*

Вновь открытые золотые рудники находятся въ Трансильваніи. Въ Вѣну прислано уже нѣсколько пробъ руды; нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ семь осьмыхъ частей чи-

стаго золота, и подають надежду, что ново-открытые рудники принесутъ великую пользу.

Во время послѣдняго сейма въ Швеціи государственные чины опредѣлили, въ случаѣ надобности, усилить армию 50,000 человекъ земскаго войска, и брать въ оное людей отъ 20 до 50 лѣтъ. Нынѣ правительство Шведское, объявивъ войну Англїи, назначило на первой случай набрать 15,000 рекрутъ, которые должны выступить изъ своихъ жилищъ не прежде какъ того потребуетъ государственная нужда. Тогда отъ правительства будетъ имъ доставлено содержаніе и оружіе.

Египетскій Паша наконецъ освободилъ Порту отъ безпокойныхъ Мамелуковъ. О семъ происшествїи получены слѣдующія извѣстія: Мехметъ Али Паша, въ началѣ минувшаго Марша, пригласилъ къ себѣ всѣхъ находившихся въ Каирѣ Беевъ на праздникъ. Какъ скоро Бей, со множествомъ Мамелуковъ, собрались въ замокъ, то Паша, приказавъ запретъ вороша замка, предложилъ гостямъ своимъ идти въ мечеть. Бей шли спокойно вмѣстѣ съ Пашею. По обѣимъ сторонамъ улицы, ведущей въ мечеть, стояла по обыкновенію Албанская гвардія. По данному знаку Албанцы потчасъ начали стрѣлять по Мамелукамъ. Большая часть изъ нихъ была побита; а тѣ, которые при началѣ смятенія успѣли спастись, были пойманы и безъ пощады всѣ порублены. Прочіе Мамелуки въ самомъ Каирѣ умерщвлены разсѣявшимися по городу войсками; жены ихъ и дѣти проданы въ неволю, дома ихъ разграблены и проч. Сіе кровопроли-

шіе продолжалось шесть дней, въ теченіи коихъ
испреблено по крайней мѣрѣ 1200 Мамелуковъ:
(Изъ Гамб. Корресп.)

~~~~~

У в ѣ д о м л е н і я.

А. А. Яновская (Вѣстн. Евр. 1811 № 4 стр. 324) препоручила Издашелю увѣдомить великодушныхъ ея благодѣлителей, чію деньги, отправленные къ ней изъ Щигровъ отъ Павла Николаевича Мансурова 50 рублей, отъ неизвѣстныхъ особъ изъ Сапожка 15 р., изъ Курска 10 р., изъ Цоръчья 5 р., изъ Сергача 5 р., изъ Симбирска 5 р., изъ Либавы отъ г. Власшова 300 р. получены ею исправно.

*

Полученныя изъ Лебедина при письмѣ отъ госпожи Марковой 50 рублей отправлены къ Ряжскому г-ну Почтмейстеру Доримедонту Акимовичу Тулаеву для врученія, по желанію благодѣлительницы, вдовѣ подпоручицѣ М. Ѳ. Вырковой (Вѣстн. Евр. 1811 № 9 стр. 71).

*

Объ исполненіи по письму изъ Рославля отъ 15 Іюня, при копиромѣ прислано къ Издашелю 40 р., неизвѣстная благодѣлительная особа извѣщена буденѣ въ свое время.

~~~~~

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 14. І Ю Л Я 1811.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Гомеровой Иліады пѣснь седмая.

Переводъ Кострова ().*

Такъ рекши Гекторъ, въ брань изъ града из-
летаетъ;
Паридъ сопутствуетъ; ихъ взоръ огнемъ бли-
скаетъ;
То знакъ стремленія ко подвигамъ войны.
Сколь пѣмъ, что чрезъ моря въ любимыя
спраны

(*) Увѣряютъ, что Костровъ успѣлъ пере-
весити двѣнадцать пѣсней Иліады. Первая
шесть, какъ извѣстно, давно уже напеча-
таны; о послѣднихъ публика до сихъ поръ
не знала. Я досталъ только двѣ пѣсни 7 и
8 полныя, а 9 безъ конца. Наши липпе-
раторы и многіе изъ чипашедей конечно
пожелаютъ, чтобъ и достальныя пѣсни
были найдены и сообщены публикѣ. *Изд.*
№ 14. **Б**

Плывя, и упомя плещи свои и чресла,
 Спараясь напруганъ всей силой шверды бесла,
 Прияшенъ въ шпръ, когда дохнешъ въ желанный

Споль радость чувспвуетъ Троянъ ^{пусть:} смяшенъ
 ныхъ грудь,
 Познавъ сихъ рашниковъ средь бурныхъ бысть
 сражений.

И се Менесей, вождь кровавыхъ ополченій,
 Палиценоснаго Арейою сынъ
 Филомедузы плодъ и Арскихъ царь долинъ,
 Паридомъ низложенъ, во мракъ низходитъ гроб-
 ный;

Поспигнулъ равно рокъ Еіонея злобный:
 Межъ шлемомъ и броней копьемъ пронзенный
 въ шль

Отъ мышцы Гекшора онъ горьку смерть вку-
 силъ.

Отважный Ифиной, сынъ Декціа героя,
 На колесницу сбсть спбша средь грозна боя,
 Во рамо копьемъ отъ Главка бывъ пронзенъ,
 На землю палъ сб высотъ суровой смерти въ
 плбнъ.

Минерва зря, какъ смерть Ажейцевъ по-
 сбкаетъ,
 Сб холмовъ небесъ полетъ къ Цергаму устрем-
 ляетъ;
 Что свбшмый Фебъ сб швердынь Дарданскихъ
 усмотря,
 Поббдой градъ почтитъ желаніемъ горя,
 Летитъ ей въ србшенъе, и дуба близъ пре-
 лесна

Сближаются сіи два божества небесна.
 Гдб слово предначавъ, Палладб Фебъ вбщаль:

„Какой тебя еще, богиня, гнбвб оббвля?
 „Почшо слетбла ты сб превыспреннихъ селеній?

„Иль Грекамъ лавры дашь средь яростныхъ
сраженій,
„О Троѣ жалость всю изъ сердца испребивъ?
„Но коль послушаешь совѣтъ мой благъ, прав-
дивъ,
„Распоргнемъ нынѣ мы сихъ воинствъ брань
плачевну,
„А послѣ пусть піютъ средь поля чашу гнѣвну,
„Доколь падетъ Пергамъ: зане васъ двухъ
богинь
„Есть воля смертъ его, сравнишь съ лицомъ
пустынь.“

„О Фебъ, да будетъ то по своему глаголу!
„Съ сей мыслию и я съ высотъ спустилась
долу:
„Но како мы смиримъ мятежъ и брань мужей,
„Ихъ ярость бурную средь копій и мечей?“
Рекла Трифонія. Въ отвѣтъ ей сынъ Лаоны:
„Мы храбрость въ Гекторѣ, незнающу препоны,
„Воспламенимъ, чщобъ онъ симъ мужествомъ
объятъ,
„Противника себѣ воззвалъ изъ сопостанѣ;
„Ахейцы раздражась, услыша рѣчь кичливу,
„Единоборника поставятъ сопротиву.“

Скончалъ, и къ мысли сей богиню пре-
клонилъ.
Геленъ же сынъ Пріамъ боговъ совѣтъ вну-
шилъ,
И сердцемъ оцупя, что ихъ угодно волѣ,
Стремится къ Гектору на бранноносномъ полѣ,
И шавъ вблизи, вѣщаль: „О Гекторъ, страхъ
враговъ,
„Имуцій благъ совѣтъ, какъ самъ Отецъ боговъ,
„Послушай днесъ меня, шебъ одношробна;
„Содѣлай, да средь войскъ престанетъ ярость
злобна;

„А самъ проспри твоя гласъ Аргивцевъ бо-
 дрыхъ въ строй,
 „Да лучшей ратникъ ихъ изыдеши въ брань
 съ побой;
 „Не снидеши смертию днесъ во мрачности
 унылы;
 „Я слышалъ, какъ о семъ вѣщали горни силы.“

Онъ рекъ: и Гекторъ ставъ весельемъ вос-
 хищенъ,
 Съ посѣбною между двухъ воинствъ
 успрямленъ,
 Взявъ за среду копье, здержалъ Троянскихъ
 воевъ.

Возсѣли всѣ, вождю покорствуя героевъ.
 То зря Апридъ, возсѣсть Аргивцамъ повелѣлъ.
 Минерва же, и Фебъ, злыхъ метатель стрѣлъ,
 Двухъ быспрыхъ ястребовъ во образъ превра-
 щенны,

Внесли на гордый дубъ, Зевесу посвященный,
 Чтобы зрѣшь съ веселиемъ на подвиги мужей.
 Дардански же полки и рать Еллады всей,
 Стѣснясь, сидѣли всѣ и грозны и прекрасны,
 Щитами, копьями и шлемами ужасны.

Какъ, если яросный Зефиръ на понтъ дох-
 нетъ,

Чернѣетъ понтъ, валы въ себѣ кипящи вешъ:
 Такъ воинства сіи, движений разныхъ полны,
 Спальнымъ оружіемъ являють въ полѣ волны.
 Но Гекторъ вшедъ въ среду, се такъ возвалъ
 къ полкамъ:

„Внемлите, что вѣщашъ великъ мнѣ бо-
 ростъ вамъ,

„Трояне храбрые и мужественны Греки!

„Зевесъ, владѣющій судьбой надъ челоѣки,

„Послѣднихъ нашихъ кляшъ не восхотѣлъ
 свершить,

„Но мыслишь новыхъ золь спрѣлами насъ разишь,
„Доколѣ градъ падеть отъ Грековъ низложенный,
„Или они въ шапрахъ Пергамомъ сокрушенны,
„Ажейцы! ваша рать героями полна,
„Да сей, чья мышца въ брань давно изучена,
„Единоборств овать со мною ополчиша.
„Реку, и словъ моихъ свидѣтель Зевсъ явится.
„Коль мужествомъ меня онъ въ подвигъ сопрешь,
„Оружіе мое себѣ да совлечетъ;
„Но тѣло пусть опдасть, да въ домъ мой пренесетъ,
„И съ честью отъ Троянъ рыдающихъ сожжетъ.
„А если Фебъ меня почтитъ побѣдой сей,
„Оружіе врага да будетъ мздой моей;
„Я пренесу его на высоты Пергама,
„И Фебова оно красюю будетъ храма;
„Но тѣло возвращу, дабы Ахейска рать
„Уже послѣдній долгъ могла ему воздать,
„И памятникъ вознесъ сего на брегъ моря;
„Да плаваель валы шумящія преспоря,
„Узрѣвъ его, речетъ: сокрытъ здѣсь мужа прахъ,
„Что древле храбростью героямъ бывъ во страхъ,
„Въ единоборствѣ палъ отъ Гектора сраженный.
„Такъ скажетъ. Мнѣ же вѣкъъ похвалъ вѣнцы нешаѣны.“

Скончалъ. И каждый Грекъ безмолвствуетъ,
молчитъ:
Имъ отрещися стыдъ, согласье страхъ прешитъ.

Но Менелай восплавъ, изрекъ хулы правдивы:
 „Что зрю! не Греки здѣсь, Гречанки боязливы!
 „Несносный спыдъ! уже неимать наша рать,
 „Ктобъ Гектора противъ дерзнулъ во брани
 спать.

„Да будете вы всѣ и перстию и прахомъ!
 „Вы шако робкіе, обвяты подлымъ спрахомъ;
 „Я вниду въ подвигъ сей; побѣды же вѣнецъ,
 „Кому восхощетъ, дастъ безсмертныхъ силъ
 Отецъ.“

Онъ рекъ, и восприялъ оружія прекрасны.
 Но Менелая днесь поспигъ бы часъ ужасный
 Неложно Гекторомъ во мрачный сниси адъ,
 Когдабъ не прорекли вожди Елладскихъ чадъ,
 И еслибъ Царь вождей взявъ длань его десную,
 Не щился рѣчь ему простерти сицевую:

„Безумствуешь! на что дерзаешь, Менелай?
 „Восхитившу себя досаду умѣрай,
 „Не исходи противъ сильнѣйша въ брань героя,
 „Противу Гектора; онъ страхъ средь грозна
 боя;
 „Не содрогаяся, безстрашный самъ Ахиллъ
 „Не можешъ испытать его полъ крѣпкихъ
 силъ:
 „Престань, дражайшій братъ, гряди къ своей
 ты рати;
 „Противника ему поищимся мы избрали:
 „Онъ будь безпрецещенъ, пусть дышетъ онъ
 войной;
 „Но мню, съ охотою приметъ онъ покой,
 „Коль только не падешъ оружіемъ кровавымъ.“

Скончалъ. Покорствуешь герой совѣшамъ
 здоровымъ.

Уже сподвижники съ веселіемъ души
 Слѣшатъ съ раменъ его доспѣхи совлеци.

Но мудрый Несторъ ставъ, съ прискорбіемъ
вѣщаетъ :

- „Коль велій плачь и зло Ахейцевъ постигаетъ!
„Коль слезную печаль восчувствуетъ Пелей,
„Многосовѣтннй вождь, вишія, честь мужей!
„Онъ нѣкогда меня, какъ друга угощая,
„О разныхъ племенахъ Аргивскихъ вопрошая,
„Грядущихъ низлагахъ Дарданскихъ твердость
сѣбѣ,
„Живѣйшей радостью являлся восхищенъ;
„Познавъ же, что сіи толь бодры чада брани
„Трепещутъ нынѣ всѣ отъ Гекторовой длани,
„Къ престолу вышняго онъ руки вознесетъ,
„Да въ царство мрачности душа его сойдетъ.
„О Зевсъ, о Фѣбъ, и шы гремящая Паллада,
„Почто не зрю себя еще я шако млада,
„Какъ былъ, когда, вблизи Целадонскихъ бре-
говъ,
„Съ Пилійскимъ племенемъ Аркадскихъ родъ
сыновъ
„Близъ Фійскихъ сѣбѣ, струей Ярдана оро-
шенныхъ,
„Сражаясь, зрѣлъ бугры героевъ пораженныхъ!
„Ервталіонъ стоя впереди Аркадскихъ силъ,
„Какъ страшный нѣкій богъ всѣмъ ужасъ на-
носилъ,
„Въ доспѣхи облеченъ Царя Арейою,
„Въ кровавыхъ подвигахъ безпрепешна героя,
„Его же каждый мужъ и женъ прелестныхъ
ликъ
„Палиценосцемъ звать гремящимъ приобыкъ;
„Ни стрѣлъ бо не имѣлъ, ни копій въ брани
слезной,
„Но распоргалъ полки онъ, палицей желѣзной;
„Его сразилъ Ликуртъ, не какъ герой, но патъ:
„На тѣсной бо стезѣ пощасъ его застать,

- „И упредя ударъ оубъ палицы опасной,
 „Пронзилъ его копьемъ, повергъ во мракъ ужа-
 сной,
 „И всеоружіе, что далъ ему Арей,
 „Поспѣшно снялъ съ него коварный сей злодѣй,
 „И въ оно облеченъ являлъ въ войскахъ свирѣ-
 постъ;
 „Познавъ же старостыю ослабшу въ членахъ
 крѣпость,
 „Ервталіона имъ любимца подарилъ;
 „Сей убо симъ гордясъ, и пвердъ въ надеждѣ
 силъ,
 „Къ единоборствію всѣхъ сильныхъ вызываешъ;
 „Смутясъ, трепещущъ всѣ, всѣхъ ужасъ по-
 ражаешъ;
 „А я, хоть младшій всѣхъ, презорства не шерпя,
 „И смѣлостью одной вооруживъ себя,
 „Попекъ прошивъ его, съ нимъ ратовалъ, сра-
 жался;
 „Минервы помощь мнѣ, побѣдой я вѣнчался:
 „Сей спрашмый исполинъ поверженъ мною
 палъ,
 „Простершись, поля часть велику занималъ.
 „О! если бы моя поднесъ блиспала младость,
 „Прошиву Гектора я спашъ почелъ бы въ ра-
 достъ;
 „А въ васъ и шѣ, что силъ отличностью цвѣ-
 тущъ,
 „На подвигѣ съ Гекторомъ изыщи не дерзнулъ.“

Такъ Грековъ упрекалъ сей спарецъ благо-
 смысленъ:

И се воздвигся ликъ вождей девяностисленъ.
 Всѣхъ прежде воспашъ самъ Царь мужей, Аш-
 ридъ;
 По немъ Тидеевъ сынъ, безстрашный Дюмидъ,

Аяксы послѣ ихъ по крѣпость облеченны ;
 По сихъ Идоменей , и Меріонѣ надменный ,
 И грозный, яко Марсъ, оплопомъ многихъ силъ ;
 Воздвигся послѣ ихъ великій Еврипилъ ,
 И Андремоновъ плодъ Фоасъ, войной несыпый,
 И бодрственный Улиссъ, въ совѣтахъ знамени-

мый.

Всякъ ревностно изъ нихъ гошовъ въ сей под-
 вигъ печь.

И паки Несторъ къ нимъ просперъ совѣта рѣчь:
 „Да жребіемъ сіе избраніе свершится :

„Избранный тако вождь ко брани ополчится ;

„И если въ подвигъ толь страшномъ не падетъ,

„Намъ благо, а себѣ хвалу приобрѣтетъ.“

Онъ рекъ. И каждый вождь свой жребій
 означаетъ

И оный въ твердый шлемъ Царя мужей вла-
 гаецъ ;

Но рать подвемлетъ взоръ и длани къ небесамъ ;
 Несется гласъ мольбы по ревностнымъ полкамъ ;

„О Зевсъ, благоволи, къ намъ милость печашлѣя,

„Да бодрственный Аяксъ, иль грозный сынъ
 Тидея ,

„Иль вождь вождей грядетъ въ сей прудъ до-
 стойный хвалъ !“

Рекли. И Несторъ шлемъ Апридовъ сощ-
 рясалъ ,

И жребій имъ извѣлъ всѣхъ паче вождедѣльный.

Его изъ спарчихъ рукъ глашатай возьмъ поч-
 пенный ,

Нося, являлъ вождямъ, начавъ съ спраны десной ;

Но отрицался всякъ, не зря то бышии свой :

Когдажъ достигнулъ съ нимъ и къ сыну Тела-
 мона ;

Сей мужественный вождь, Дарданска ужасъ
 прона ,

Приялъ, возрѣлъ, позналъ, веселье ощутилъ,
И вергнувъ предъ стопы сей жребій, возопилъ;
„О друзи! жребій мой, я духомъ восхищаюсь,
„И мню, надъ Гекторомъ побѣдой увѣнчаюсь;
„Но вы, спѣшашу мнѣ оружіе пріять,
„Попщитесь тихій гласъ къ Зевесу изліять,
„Да не услышитъ сей мольбы враждебно войско;
„Иль что? коль вамъ велитъ спремленіе ге-
ройско,
„Прострите громкій гласъ; намъ грозна стра-
ха нѣтъ;
„Искусство, мужество меня не ужаснетъ;
„Рожденъ, воспитанъ я непако въ Саламинѣ,
„Чтобъ спрашныхъ подвиговъ не испыталъ
донынѣ.“

Скончалъ и воинства возносятъ гласъ
мольбы;

„О поклоняемый на Идѣ, царь судьбы,
„Великій, сильный Зевсъ, пуши его же правы,
„Аяксу даждь вѣнецъ побѣды днесь и славы;
„Но если Гекторъ милъ равно очамъ твоимъ;
„Ты равну силу даждь и славу обоимъ!“

Рекли. Аяксъ во всеоружье оболченный
Исходитъ, яко Марсъ свирѣпствомъ упоенный,
Текущій съ яростью на брань племенъ земныхъ,
Въ которыхъ огонь вражды, источникъ бѣдъ-
спвій злыхъ,
Зевесомъ воспаленъ на гибель челоѣковъ.
Таковъ Аяксъ, оплотъ неборимый Грековъ,
Усмѣшку грозную являющій лицемъ,
И попрысающій преспрашнымъ копіемъ,
На подвигъ ществуетъ преспранными шагами.
Аргивцы зря его, восхипились сердцами;
Троянъ же велій страхъ и препетъ поразидъ,
Смутился Гекторъ самъ и робость ощутилъ,

Но вспяшь идиши не могъ отъ брани сей ужас-
ной ;
Зане онъ самъ воззвалъ на подвигъ полъ опасной.
И се Аяксъ , держа , какъ башню , твердый
щитъ ,
Что Гилы гражданинъ , художникъ знаменитъ ,
Тихисъ , искусствомъ всѣхъ въ свое превысшій
время ,
Седмь цѣлыхъ пельчыхъ кожъ , ужасно си-
ламъ бремя ,
Едину со другой искусно сѣдинивъ ,
Осмый же мѣдный пластъ крѣпчайшій поло-
живъ ,
Содѣлалъ страшному въ войнахъ сему герою.
Сей убо щитъ Аяксъ несущій предъ собою ,
Приближась къ Гектору , возвысилъ грозный
гласъ :
„Познаешь , Гекторъ , въ сей побой желанный
часъ ,
„Сколь сильны , бодршвенны вожди въ пол-
кахъ Еллады
„И безъ Ахилла сущь рушаци тверды грады ,
„И распоргающи , какъ левъ , противныхъ
строй.
„Априду мстя , почилъ отъ брани сей герой ;
„Но многи могутъ въ насъ шебъ проптивостати ;
„Начни , и крѣпость силъ яви предъ взоромъ
раши.“

Но Гекторъ вопреки : „Не щися искусить
„Аяксъ , народовъ вождь ! и что меня спра-
шитъ ,
„Какъ юно отроча , какъ жеиъ безсильныхъ ,
нѣжныхъ ,
„Невѣдущихъ , что брань въ поляхъ многомя-
шежныхъ ?

„Къ сраженьямъ я привыкъ, воспитанъ орда
войны;
„Умѣю обращать мой щитъ на всѣ стороны;
„Хотя я пѣшъ, хотя явлюсь на колесницѣ,
„Всегда свирѣпспивуешь копье въ моей десницѣ;
„Сколь ты ни храбръ, но я не буду соглядать,
„Чтобъ скрышный могъ ударъ нанести тебѣ,
какъ тапъ.
„Брегись.“ И съ словомъ симъ копье изъ рукъ
пускаетъ,
Близъ мѣди верхъ щита геройска поражаетъ;
Ударъ жестокъ, и шесль пластовъ щита
пронзилъ,
Ев седмомъ свирѣпый свой полетъ остановилъ.
Аяксъ въ свою чреду съ геройскимъ духа жа-
ромъ
Разитъ противника сильнымъ въ щитъ уда-
ромъ,
Сквозъ щитъ, броню, хитонъ полетъ копья
претекъ,
И дни бы Гектора въ сей грозный часъ пресѣкъ;
Но онъ уклонился, избѣгнулъ мрачна ада.
Тогда уже сіи кровавой брани чада,
Исторгнувъ копья вдругъ изъ крѣпости щит-
товъ,
Какъ яросны вепри, какъ спрашны скимны
львовъ,
Вспунаютъ въ новый бой, и Теламоѣ сыну
Троянскій вождь копье спремитъ щита въ сре-
дину;
Но мѣднѣй пластъ прегнулъ блестяще копье.
Аяксъ воспламененъ, въ опмищеніе свое
Разитъ, и сквозъ щита желѣзо пролетѣло,
И съ легкостью язвитъ враждебной вышѣло;
Зритъ Гекторъ кровь свою, и мало отступя,
Онъ подвигъ не престалъ, но мужествомъ кипя,

Великъ и чернъ и пвердъ онъ камень взетъ
рукою,

Пуспилъ его во щитъ Ажейскому герою.

Звучитъ сопрясшись мѣдъ, Аякъ неколебимъ:
Онъ большій камень взявъ, и мужествомъ сво-
имъ

Еще на въздухъ его круговращая,

И тако тяжестъ въ немъ удара умножая;

Какъ жерновомъ разшибъ вождя Троянска
щитъ,

И самы твердости колѣнъ его вредитъ;

Сей ратникъ палъ хребтомъ подъ щитъ свой
раздробленный;

Но вдругъ подъялъ его Лашонинъ сынъ свя-
щенный:

Тогда блестяще изъявъ мечи свои,

Ещебъ сразилися воители сіи;

Но мужи мудростью и разумомъ извѣстны;

Земны глашатаи, посланники небесны,

Талшивій Греческій, Троянскій же Идей,

Поспѣшно притекли, и ставъ средъ смѣхъ во-
ждей;

Простерли скипетры, священной власти знамя;

И возопилъ Идей, шуша вражды ихъ пламя:

„Престаньте ратовать; скончайте, чада, брань:

„Надъ вами равно бдитъ всеильна Зевса длань:

„Всѣ вѣдаемъ о васъ, сколь храбры, крѣпки оба;

„Грядешъ и ночь, такъ пусть почешъ ваша
злоба.“

Аякъ въ отвѣтъ: „Идей, помщитесь
паче вы,“

„Да Гекторъ мнѣ слова вѣщаетъ сицевы:

„Онъ первый самъ воззвалъ на подвигъ сей
опасенъ,

„Престанешъ первый онъ, и я преспахъ со-
гласенъ.“

Въ отвѣтъ же Гекторъ рекъ: „Аяксъ! я
самъ позналъ,
„Что мудрость, силу Зевса тебѣ и бодрость
далъ;
„Ты первый мужествомъ средь вашихъ опол-
ченій.
„Скончаемъ днесъ мы брань, почѣмъ отъ сра-
женій,
„Сражашся можемъ впредь, доколь судьбы
опецъ
„Благоволишь кому побѣды дашь вѣнецъ.
„Приближилася ночь; ей благо покорись.
„Гряди въ свои шапры спокойствомъ насла-
дишься,
„Возвеселишь собой и рапъ, и всѣхъ вождей,
„А паче искреннихъ клеветовъ и друзей:
„И я, я въ гордую пришедъ отъ брани Троя,
„Согражданъ всѣхъ сердца смущенны успокою;
„Стекутся въ храмъ они благодарить боговъ.
„Но прежде нежели почѣмъ отъ трудовъ,
„Другъ друга мы почтимъ изящными дарами;
„Да Троянинъ и Грекъ возвыся насъ хвалами,
„Рекутъ: се тѣ враги, что яростью кипя,
„Взаимно сягошивъ ударами себя,
„Разспались какъ друзья, давно соединенны.“

Скончалъ. И мечъ ему серебромъ преукра-
шенный,
И хипраго шруда онъ перевязъ вручилъ;
Аяксъ же поясомъ багрянымъ подарилъ.
Такъ подвигъ совершивъ, грядутъ сіи герои;
Аяксъ къ Ахеянамъ, и Гекторъ къ чадамъ
Трои.
Сии узрѣвъ, что онъ отъ пагубы избѣгъ,
И несраженъ врагомъ на мрачный Спикса брегъ,
Ведущъ его во градъ, съ восторгомъ восклицая,
И жива бышь, еще очамъ не довѣряя.

Аяксъ возвеселенъ и сердцемъ и душой,
 Торжественно грядетъ въ шатеръ Царя мужей;
 Вступилъ; Апридъ заклалъ Зевесу лучезарну
 Пятыльпняго пельца на жертву благодарну;
 Оспанки мясб себѣ для пиршества чредяшб,
 И сердце пишемъ и брашномъ веселяшб:
 Хребшомъ пельца почшилъ Апридъ Аякса цѣ-
 лымъ;
 Скончали пиршество со духомъ всѣ веселымъ:
 И Несморъ имъ совѣшб полезный возвѣстилъ:

„Апридъ, и прочіе вожди Елладскихъ силъ!
 „Премноги бурнымъ днесъ погранны Марсомъ
 Греки;
 „Скамандры на брегахъ текушб ихъ крови рѣки;
 „Геройски души ихъ во мрачный адъ прешли;
 „И такъ прешпашъ войнѣ заупра повели;
 „Съ восходомъ въ небеса багряныя денницы,
 „Тѣла поверженныхъ собравъ на колесницы,
 „На мскахъ и на шельцахъ сюда мы превеземъ,
 „И оны предадимъ исплѣнію огнемъ;
 „Да чадамъ прахъ опцевъ, остатокъ милый,
 слезный,
 „Возможешъ всякъ принесшъ, возвращись въ
 домъ любезный;
 „Единъ и общій мы бугоръ изъ глыбъ земныхъ
 „Гробницей еотворимъ для всѣхъ героевъ сихъ:
 „По семъ сооружимъ мы стѣну возвышенну,
 „Огромностью стрѣльницъ и башенъ укрѣ-
 пленну,
 „Въ защиту и оплотъ и войску и шапрамъ;
 „И въ нѣкихъ мѣспахъ успроимъ бышь вра-
 шамъ,
 „Да будущъ тѣ пушемъ для всадниковъ широ-
 кимъ;
 „Ошвиѣ же окружимъ пвердыню рвомъ глубо-
 кимъ,

„Могучимъ конское стремленье воспящитъ.
„Се по, что можешь насъ надежно защититъ,
„Коль гордые враги во брани преуслѣютъ.“

Скончалъ, и всѣ глаголъ хвалою печат-
лѣюшъ.

Трояне предъ врапы Приама, ихъ Царя,
Исполненъ мятежемъ совѣтъ себѣ швора,
Являлись въ страхъ всѣ, и Анипеноръ почтенный
Всѣхъ прежде сонму гласъ просперъ неужиц-
ренный :

„Трояне, Дардане и вся союзна рать,
„Внемлите, что велишъ мнѣ духъ мой вамъ
вѣщать!
„Что медлимъ? возвратимъ съ сокровищемъ
Елену:
„Священнымъ клятвамъ мы сотворше измѣну,
„Мы рашуемъ ещѣ; не льстите, все падешъ;
„Коль вы полезный мой опринете совѣтъ.“

Скончалъ, и сѣлъ; но се являя зворъ сви-
рѣпый,
Противурекъ Паридъ супругъ Еленинъ лѣпый:
„Обидный мнѣ совѣтъ потщился ты соплестъ,
„Другой и лучший ты намъ можешь изобрѣсть;
„И если въ сердцѣ по, что ты вѣщаль ус-
шами;
„Конечно ты лишенъ разсудка небесами;
„Но я торжественно Троянамъ возвѣщу,
„Елену возвратитъ Апридамъ нехощу:
„Аргосское же съ ней богатство похищено
„Хощу; да будетъ имъ опнынъ возвращенно,
„И я гошовъ его умножити своимъ.
„Се шако мысляю я, и въ помѣ неколебимъ.“

Скончавъ, Паридъ возсѣлъ. Приамъ, возставъ
отъ прона ;
Владыка, мудростью подобный сыну Крона,
Глаголетъ : „Граждане, и ты союзна рать,
„Внемлите, что великъ мнѣ духъ мой вамъ
вѣщать !
„Какъ прежде, вечеряшь въ спрояхъ своихъ
грядише,
„Устройте спрѣжу вы, и кійждо бодро бдише,
„Заутра да грядетъ къ Априду въ снѣ Идей,
„И что вѣщаль Паридъ, виновникъ брани сей,
„О томъ да извѣстимъ Ахейцевъ храбрыхъ
племя ;
„Къ сему спроситъ ихъ, не хошутъ ли на
время
„Преснашь отъ подвиговъ, да падшихъ мы
сожжемъ,
„И послѣ паки брань кровавую начнемъ,
„Доколь они падушъ, иль граждане Пергама.“

Скончалъ. Послушны всѣ велѣніямъ Приама:
Спѣшашъ, приемлюшъ снѣдъ, какъ должно, по
спроямъ.
Наупрѣ Идей спремится къ кораблямъ,
И Грековъ, Марсовыхъ нипомцевъ онъ гремя-
щихъ
Въ шатрѣ вождя вождей обрѣлъ совѣтъ тво-
рящихъ,
И ставъ средь сонма ихъ, со гласомъ возопилъ:
„Априды и други Князя Елладскихъ силъ!
„Приамомъ посланъ я и прочими вождями
„Рещи (о еслибъ въ томъ обрѣлъ успѣхъ
предъ вами!),
„Что въ сонмѣ нашемъ рекъ Паридъ, виновникъ
слезъ ;
„И люто мстящій бичъ разгнѣванныхъ небеса

„Онъ всѣ сокровища въ Аргосѣ похищенны
 „(Что прежде не погибъ сей мужъ ожесточен-
 ный!),
 „Умножа собственнымъ, вамъ хочешь возвра-
 тишь;
 „Елену же отдать, нѣтъ силъ его склонить;
 „Еще повелѣно рещи, о бодро племя!
 „Почіете ли вы отъ подвиговъ нѣко время,
 „Да падшихъ пламени тѣла мы предадимъ,
 „И послѣ грозную войну возобновимъ,
 „Доколь падете вы, или чада пышной Трои?“

Скончалъ, и всѣ молчали Ахейскіе герои:
 Впослѣдокъ возгласилъ Тидеевъ храбрый сынъ:
 „Принять сокровища не мысли ни единъ,
 „Ни даже самую, источникъ бѣдъ, Елену:
 „И отрѣкъ оцупитъ, полику зря премѣлу,
 „Что гибели ударъ на Трою вознесенъ.“

Онъ рекъ. Глаголъ его хвалою отъ всѣхъ
 почшеав.
 Тогда и Царь вождей Апридъ изрекъ Идею:
 „Се Грековъ вамъ отвѣщъ; я шужде мысль
 имѣю;
 „Тѣла же падшихъ я согласенъ сожести:
 „Не можно бо сея имъ чести отрещи,
 „И сожалѣній гласъ не престаесть вѣщати,
 „Чтобъ сей послѣдній долъ немедля имъ воз-
 дани;
 „Великій убо Зевсъ, гремящій въ небесахъ,
 „Премирія сего свидѣтель будетъ въ насъ.“

Скончалъ, и скипетръ свой подъялъ бо-
 говъ ко прону-
 Идею же шествуетъ обратно къ Иліону,
 И зря, что граждане владычества сего
 Еще всѣ собранны возвращу ждущъ его,

Вступилъ ихъ во среду, и жаждущимъ отвѣща,
Онъ мысли возвѣсшилъ Ахейскаго совѣща.

И се они спѣшашъ сугубый трудъ начать :
Сѣщи въ лѣсахъ древа, съ полей пѣла подвѣять.
Не меньше: резности Аргивска рать являетъ,
И къ слезнымъ симъ трудамъ со берега поспѣ-
шаетъ.

Уже изъ нѣдръ морскихъ свѣшались днѣ
воспекъ,

И первымъ златомъ твердь лазореву облекъ;
Трояне съ Греками срѣшались въ полѣ брани;
Подвемлюшъ пѣлеса геройскія ихъ длани;

Не могли различить, кто былъ клеветъ,
кто врагъ,

Стараются омыть ступеню кровь и прахъ,
И возлагаютъ ихъ, крушась, на колесницы;
Коль многимъ покомъ слезъ омылись ихъ зѣ-
ницы!

Но ратникамъ своимъ Приамъ рыдать прешитъ;
Безмолвной убо всѣ являя скорби видъ,
Возносятъ на костеръ пожертвыхъ смертной
мглою,

И пламени предавъ, грядутъ въ священну Трою.
Аргивцы равный долгъ поверженнымъ мужамъ
Съ печалію свершивъ, оиходятъ къ кораблямъ.
Еще восхода дня заря невозвѣщала

И полусвѣтла ночь на тверди возлежала;
Избранный Грековъ полкъ, возставъ съ одровъ
своихъ,

Клеврешамъ памятникъ воздвигъ изъ глыбъ
земныхъ.

И возвышается по семъ стѣна надменна,
Огромностью стрѣльницъ и башенъ укрѣпленна,
Въ защиту воинства надежныѣ щита;
Воздвиглись по мѣстамъ и твердыя врата,

Чтобъ быть для всадниковъ путемъ на брань
широкимъ ;
Отвѣтъ обносится твердыня рвомъ глубокимъ,
Егоже крѣпкимъ верхъ забраломъ огражденъ.
Се такъ шруддалася Елладскихъ рать племенъ.

Но боги въ Зевсовыхъ чертогахъ позла-
щенныхъ
Сидя, взирали всѣ, во мысляхъ удивленныхъ,
Сколь спрашну, велию громаду зиждетъ Греки.
И Царь морей Непсунъ въ досадѣ гнѣвной рекъ:
„Кто впредь изъ жителей пространна, дольна
свѣща
„Восхощеть испроситъ отъ горнихъ силъ со-
вѣща?
„Или не зриши ты, гремящій Царь боговъ!
„Толь стѣну гордую, и полъ глубокой ровъ,
„Предивный Грековъ шрудъ, отъ сопоспашъ
въ защипу?
„Чій былъ изъ насъ совѣтъ къ полъ дѣлу
знаменипу?
„Сожгли ли въ даръ они спотельчну жертву
намъ?
„Прострешся слава сей стѣны по всѣмъ зем-
лямъ;
„Твердыня, ею же и я и сынъ Лапоны
„Понесши тяжкіе шруды, презрѣвъ препоны,
„Попщились окружишь Лаомедоншу градъ,
„Забвенна будетъ въ вѣкъ отъ земнородныхъ
чадъ.“

Сей рѣчью раздраженъ сынъ Крона, шучь
сгусшипель :
„Что рекъ, вѣщаль ему, что рекъ ты, водъ
властипель,
„Всю пятошу земли могущій пошрясти!
„Слабѣйшихъ шя боговъ во ужась швестши

„Сей гордый можешъ прудъ, отъ Грековъ пред-
 прияшый :
 „Твоей же похвалы и славы гласъ крылашый
 „Во всѣ подсолнечной предѣлы прелетитъ.
 „Внемли : когда судьба Ахейцевъ возвратитъ
 „Въ опечественный домъ, въ любезную Елладу;
 „Ты въ бездну волнъ морскихъ низринь сию
 громаду,
 „И послѣ брегъ покрой пескомъ изъ глубины,
 „И симъ загладь слѣды Аргивскія стѣны.“

Такъ горни жипели между собой вѣщали.
 Спустилось солнце въ поншъ, Ахейцы прудъ
 скончали :
 И къ пиршеству въ шапрахъ спѣшатъ за-
 класть шельцовъ.

Тогда и корабли касающся береговъ
 Премноги, радостнымъ виномъ обременены,
 Что Гипсипилы плодъ любезный, возделѣнный,
 Евней Язоновъ сынъ послалъ изъ Лемна къ
 нимъ ;
 Особъ же бодрственнымъ Апридамъ обоимъ
 Мѣрѣ тысящу вина сей Лемна царь даруетъ ;
 Спѣшатъ , и куплей всякъ вино себѣ взы-
 скуетъ ,
 Желѣзо , кожи , мѣдь , шельцы и рабъ съ рабой
 Имъ были радостна вина сего цѣной.

Аргивцы во шапрахъ, Трояне же во градѣ
 Проводяшъ тако ночь во пиршествахъ, въ
 опрадѣ ;
 Но царь судебъ Зевесъ имъ злая помышлялъ,
 И гнѣвъ свой молніей всеючной возвѣщаль ;
 Трепещущъ, не дерзаль никто вина вкусити,
 Не поспѣша его Зевесу въ честь излиши,
 Да будетъ ярость тѣмъ небесъ отвращена.
 Но семъ въ объятіяхъ почили сладка сна.

Гомеровой Иліады лѣснь осмая.

Просперся надъ землей багряный блескъ Ав-
 роры,
 И Зевсѣ, его же громъ потрясетъ недвижны горы,
 Олимпна гордаго на высшій изъ холмовъ
 Со властію призвалъ безсмертныхъ ликъ бо-
 говъ.
 Сидящъ безмолвны всѣ; онъ слово предпри-
 емлетъ;

- „Богиня каждая и каждый богъ да вне-
 млетъ;
 „Никто да не дерзнетъ мнѣ нынѣ прерѣкать,
 „Или велѣніямъ моимъ противостать;
 „Но всѣ покорствуйте, да вскорѣ все устрою,
 „Что я опредѣлилъ владычнею судьбою!
 „Нисшедши втай изъ васъ съ превыспрен-
 нихъ высотъ
 „Дарданцевъ защищать, или Аргивскій родъ,
 „Постыдно уязвленъ на небо возвратится,
 „Иль вергнутъ въ шаршаръ мной, падетъ и
 погрузится
 „Во преисподнія подземныя мѣста,
 „Гдѣ праги мѣдны, желѣзны гдѣ врата,
 „И кои адскихъ странъ толь ниже въ глубь
 зяютъ,
 „Коль землю небеса блестящи превышаютъ;
 „Познаетъ, како я сильнѣе всѣхъ боговъ!
 „Коль вѣдать хотите вы истину сихъ словъ;
 „Запую цѣпь съ высотъ вы долу низпустите,
 „И оной купно всѣ съ небесъ меня влеките;
 „Вы узрите, какъ вашъ ничтожецъ будетъ
 прудъ;
 „Всѣ силы въ долъ земный меня не совлекутъ;
 „Хочу ли васъ поднять ошъ долу цѣпью сею,
 „Могу возвысить васъ и съ моремъ и съ землею;

„Скрѣплю ли цѣпь сію Олимпа къ высотамъ,
 „Вся будешь шварь висѣть подвѣша къ небе-
 самъ.
 „Толика мощь моя надъ смертными и вами!“

Скончалъ , и рѣчь сія межъ горними умами
 Недоумѣніе и страхъ произвела ;
 По семъ гремящая Минерва такъ рекла :
 „Всевышній Царь царей, нашъ опче и владыко!
 „Всѣ вѣмы, коль швое могущество велико ;
 „Ты вѣ насъ непобѣдимъ ; но можноль не спра-
 дашь
 „Намъ зрящимъ, какъ вѣ поляхъ Ахейска гиб-
 нетъ рать ?
 „Ты повелѣлъ, и мы не снидемъ къ брани
 слезной ,
 „Но Грекамъ мы во грудь вдожнемъ совѣшь
 полезной ;
 „Да не погибнутъ всѣ во ярости швоей.“

Съ усмѣшкой отвѣщаль громодержатель ей:
 „Дражайша дщерь моя, ты будь благонадежна ;
 „Къ тебѣ я чувствіемъ отца пылаю нѣжна.“

Онъ рекъ , и коней впрягъ блестящихъ
 златомъ гривъ ,
 Летящихъ скоростью какъ вихря быстръ по-
 рывъ ,
 И вѣ лучезарную облекшись багряницу,
 Златый приавши бичъ, возсѣлъ на колесницу,
 Нанесъ бичемъ ударъ, и кони вѣ путь летятъ,
 Межъ небомъ и землей свой быстрый бѣгъ
 спремятъ :
 Мгновенно прелетѣлъ до Иды онъ спруистой,
 На холмъ Гаргарскій, гдѣ олшаръ ему души-
 ствой

И роца въ честьъ стоишь, курениемъ дыша,
Здѣсь коней Царь боговъ отъ ига отрѣша,
Къ сему одбѣвъ ихъ густымъ отъсюду мракомъ,
Блестящъ величества божественнаго зракомъ,
Взсѣлъ на высокахъ священныя горы,
Взирая на Пергамъ и Гречески шапры.

Межъ шѣмъ Ахейска рать, укрѣпшись ма-
лымъ брашномъ,
Готовишся предъспашь на полѣ смершью спра-
цномъ;

Вооружающся Трояне равно въ брань;
Ихъ меньшее число, крѣпка ихъ нуждой длань,
Чтобъ жизнь соблюсть могли и жены ихъ и
чада.

И се отверзлись всѣ враша пространна града,
Исторглись всадники и пѣше изъ нихъ,
Наполня воздухъ весь отъ гласа устъ своихъ.

Сомкнулись воиншва, и яросшь умножа-
лась;

Тамъ крѣпка грудь о грудь прошивну удара-
лась,

Копье съ копьемъ и щипъ сръбался со щипомъ,

Несется въ воздухъ оружіемъ прескъ и громъ;

Сраженныхъ внемлюща плачевныя стеназя,

И поражающихъ побѣдны восклицанья;

Багрѣетъ кровію кипящею земля.

Доколѣ Февъ всходилъ въ лазоревы поля,

Средь воиншвъ обоихъ съ стрѣлами смершь
лешала

И Грековъ и Троянъ нещадно поражала;

Когдажъ высокія достигъ среды небесъ;

Тогда злапы вѣсы приемлетъ въ длань Зевесъ,

И смертны двѣ судьбы на дскахъ ихъ полагаетъ;

Судьба Троянъ, судьба и Грековъ ожидаетъ:

Подъяль вѣсы, позэрѣль, къ Аргивцамъ смерть
спѣшишь ;
Судьба ихъ до земли уклонится виситъ ,
Судьба Троянъ взнеслась въ превыспренни пре-
дѣлы.

И се со громомъ Зевсъ спремилъ калены
спрѣлы
Съ холма Гаргарскаго на всю Ахейску рать.
Кто пламенныхъ не могъ перуновъ прешасть?
Ни храбръ Идомей , ни Царь мужей держа-
вный ,
Аяксы бодрые , пипомцы брани славны ,
Не могутъ устоять : Нилеевъ токмо сынъ
Лишь Неспоръ не бѣжитъ , но нехотя единъ:
Припряжный конь его уязвленъ былъ стрѣлою ,
Что мѣшкой пущена Паридовой рукою ,
Во самый верхъ главы , гдѣ первый власъ ра-
стетъ ,
Гдѣ смерть скорѣйшая нить жизненну сбчетъ ;
Вздымаясь , бѣтсся конь , болѣзнь его терзаетъ ,
Мятежся и другихъ коней собой смущаетъ :
И пресѣкающе въ смущеніи своемъ
Несчастну Неспору ремни коня мечемъ ,
Се Гекпоръ сквозь толпы стремясь , къ нему
несется ,
Летятъ его кони , и бурей прахъ вѣенся :
Касался Неспора суровой смерти часъ ;
Что видя діомидъ вознесъ къ Улиссу гласъ :
„Лаертовъ мудрый сынъ , совѣтами обильный!
„Что вспять стремишься ты , какъ робкій ,
и бессильный ?
„Брегись , да не произитъ хребта стрѣлою
врагъ ;
„О робоснь ! возвратись , опричи подлый страхъ ,
„Да Неспора спасемъ отъ рашика ужасна !“

Такъ рекъ; и рѣчь сія изъ устѣ его на-
прасна:
Не внемлешъ ей Улиссъ, и въ бѣгѣ печетъ
къ шапрамъ.
Тидеевъ сынъ единъ, но примѣсясь къ строямъ,
Ставъ Нестора впереди предъ горды сопо-
спашы,
Спремитъ къ нему изъ устѣ вѣщанія крилашы:
„О спарче! юные враги тебя шѣснятъ;
„Ты древенъ, слабъ прошивъ сихъ бодрыхъ
брани чадъ;
„Возатай швой безъ силъ, и кони упомянны;
„И шакъ въ сіи часы шоль грозны, шоль сму-
щенны
„Пощишься ко мнѣ возсѣсть на колесницу ты:
„Троасовы кони опличной быспроты,
„Отъята въ брани мной у храбраго Енея,
„Умѣютъ гнать и вспяшь спремиться, ужасъ
сѣя;
„Пусть мой и швой клеврешъ спрегутъ коней
швоихъ,
„А сихъ да успремимъ на сопоспашовъ злыхъ,
„Да Гекшоръ вѣдаешъ, какъ можешь въ гроз-
ной брани
„Свирѣпшвовашъ копье въ моей безспрашной
длани.“

Скончалъ: и Нестору совѣтъ угоденъ сей.
Свенелъ, Евримедонъ спрегутъ его коней;
И самъ къ Тидееву онъ сыну востекаешъ,
И вожжи взявъ коней къ прошивнымъ успре-
мляешъ;
Летяшъ, и Гекшоръ имъ во срѣшенъе лешитъ;
Пустилъ въ него копье свистяще Диомидъ,
Но имъ пронзенъ во грудь Фивеевъ сынъ несча-
спный,
Возатай Гекшоровъ, Еніопей ужасный,

Со шрескомъ долу палъ послѣдній духъ излить;
 Сей звукъ коней его понудилъ отступитиъ.
 Терзаеть Гектора сія плачевна жертва,
 Съ болѣзнію души оставя друга мертва,
 Онъ шщится новаго конямъ вождя обрѣсть;
 Обрѣлъ и повелѣлъ къ себѣ ему возсѣсть,
 То былъ Архепшолемъ, отважный сынъ Ифита.

Коль многихъ бы Троянъ повергла смерть
 несыта!

Какъ въ ограждение бѣгушъ овецъ спада,
 Стѣснясь, побѣгли бы въ Пергамъ они тогда;
 Но Зевсъ на нихъ возрѣлъ, и обновляетъ громы;
 И огненный перунъ всей яростью несомый
 Онъ Диомидовыхъ коней къ стопамъ повергъ,
 Горитъ, возземлещя шамъ сѣрный пламень
 вверхъ.

Вздымаются кони и воздухъ бьютъ ногами,
 И Неспоръ не владѣлъ въ свирѣспѣвъ ихъ вож-
 жами;

Ужася духомъ онъ, и Диомиду рекъ:

„Тидеевъ сынъ, хвала и слава бодрыхъ Грекъ!
 „Управи вснпашъ коней; иль ты не ощущаешь,
 „Что Зевса на себя перуномъ ополчаешь?
 „Днесъ Гектору сей богъ даетъ побѣды честь;
 „Онъ послѣжде и насъ благоволишь вознесъ;
 „И можноть смертному и брэнному тею о
 „Съ его владычнейо сражались судьбою!“

Въ отвѣтъ Тидеевъ сынъ: „Ты истину
 вѣщаль;

„Но мракъ болѣзни духъ и сердце мнѣ объялъ:
 „Какъ! Гекторъ нѣкогда возможеть похва-
 литься,
 „Что могъ я отъ него ко берегу обратиться?
 „Пусть лучше для меня разверзется земля,
 „И снизу въ мрачныя Еребовы поля!“

„Но старецъ вопреки: „Тидеевъ бодрый сыне!
„Какую мысль, какой глаголъ вѣщаль ты нынѣ?
„Пусть Гекторъ слабымъ шя и робкимъ назо-
вешь,
„Не каждой ли ему Дарданецъ преречешь?
„Коль многи средь Троянѣ рыдающи вдовицы,
„Лишенные мужей мечемъ швоей десницы,
„Степя возопіюшъ хваламъ его противъ!“

Скончалъ, и коней вспяшь немедля обра-
тивъ,
Спреляшя къ кораблямъ съ полною вѣбгѣ
спѣшащихъ,
Трояне бременашъ ихъ шучей стрѣлѣвъ гремя-
щихъ;
И Гекторъ возопилъ, возвыся громкій гласъ:
„Почто, Тидеевъ сынъ, почто спѣшишь отъ
насъ?
„Тебя оплично чтяшъ всѣ рапорцы ваши,
„Чашъ лучша мясѣ шебѣ, виномъ обильны чаши;
„Коль будешъ нынѣ ты поруганъ и презрѣнъ!
„Ты робосшь имъ явилъ и слабосшь нѣжныхъ
женъ:
„Бѣги, шеки, спремись, бояцась тѣни дѣва!
„Я зрю, исполненъ ты геройска вѣбрани гѣва,
„Не обратишь меня вѣ постыдный бѣгъ ме-
чемъ,
„Не увидешъ вѣ высоту швердынъ моихъ съ
огнемъ,
„И вѣ плѣнѣ не повлечешъ Троянскихъ жемѣ
вѣ Елладу:
„Сія рука, сей мечъ шебя низринешъ къ аду.“

Сомнѣншемъ мысль свою Тидеевъ сынъ мя-
шетъ,
Врацашъ ли коней вспяшь, да паки бой нач-
нешъ.

Трикрашѣ уже хотѣлъ лепѣшь на сопоспашы,
И возгремѣлъ Зевесѣ отѣ Гаргара прикрашы,
Побѣды Гектору неложный знакѣ дая.

Сей вождѣ бодритѣ полки со гласомѣ вопя :

„Трояне, Дардане, Ликиане державны,
„О друзи, въ подвигахѣ неушомимы, славны,
„Мужайшесь! грозна смѣрть Ахейцамѣ пред-
стоитѣ;

„Побѣдой Зевсѣ меня и славою почтитѣ.
„Безумны коль они, воздвигнувѣ стѣны брѣнны!
„Падутѣ оплошы ихѣ, сей дланью сокрушенны;
„Удобѣ мои кони чрезѣ ихѣ прескочашѣ ровѣ;
„Когдажѣ достигну я до гордыхѣ ихѣ шапровѣ,
„Всеалчущій огонь на корабли несише,
„И мнѣ послѣдуя, вы ихѣ воспламенише;
„Въ дыму и въ пламени обѣятыхѣ спраха
мглою,

„Я Грековѣ поражу безпрепешной рукою.“

Скончалѣ; и рѣчь уже къ конямѣ своимѣ
стремитѣ :

„О Ксанѣѣ, Подаргѣ, Езонѣ и Лампій знаме-
нитѣ!

„Днесѣ, днесѣ явите мнѣ достойныя услуги,

„За пищу отѣ моей приемлему супруги!

„Вамѣ прежде нежелѣ мнѣ приноситѣ хлѣбѣ
она,

„Отѣ ней для васѣ печетѣ обиліе вина;

„Стремитѣсь мощію и легкостію всею,

„Да будетѣ Несторовѣ корыстью щитѣ мою:

„О немѣ лепитѣ молва до облакѣ возвѣщашѣ,

„Что весь златой, злата его и рукояшѣ;

„Да совлеку броню пречудну сѣ Діомида,

„Броню, Вулкановѣ трудѣ, великолѣпна вида.

„Коль шакѣ исполнитѣся, оставивѣ Греки брегѣ,

„Направяшѣ въ ночь сію постыдныя въ дома
бѣгѣ.

Онъ рекъ ; и движется на пронѣ гнѣвомѣ
 Ира ,
 И потрясла Олимпъ въ превыстренности міра,
 Вбщеиѣ наконецъ владѣтелю морей :
 „Непшунъ ! иль не скорбишь ты сердцемъ и
 душой ,
 „Зря Грековъ гибнущихъ подъ смершными
 удары ?
 „Они тебѣ несутьъ въ Геликѣ, въ Егахъ дары ;
 „возспани въ помощь имъ, да поженуть вра-
 говъ :
 „Коль мы, что блугу ихъ усердствуемъ полковъ,
 „Восхощемъ всѣ соперть Троянской швердость
 раши ,
 „И громоносному Царю противостати ;
 „Сей Царь не будетъ ли сидѣшь уединенъ
 „Гаргара въ высотѣ, печалию стѣсненъ?“

Непшунъ преогорченъ вбщаетъ ей прошиву:
 „Какую, дерзкаа , ты мысль рекла кичливу ?
 „Какъ мы сражались дерзнемъ боговъ съ Омп-
 цемъ ?
 „Зевесъ необоримъ въ могуществѣ своемъ!“

Сей мудрый былъ ошвѣщъ онъ грозна По-
 сидона.
 Но Гекторъ, предводимъ всемошнымъ сыномъ
 Крона,
 Ахейнъ гонитъ вспять, и крѣпостію силъ
 Между стѣной и ровомъ стѣсняя ихъ, заключилъ;
 Смѣсились пѣше, и быстры колесницы,
 И Гекторъ подъ щитомъ Зевесовой десницы
 Истниль бы всѣ огнемъ швердыни кораблей ;
 Но Ира бодрствуя, Вождю тогда вождей
 Спасишельный совѣтъ на сердце полагаетъ ;
 Да стѣшно самъ печенъ и Грековъ ободраетъ :

Лешитѣ Агамемнонѣ къ шапрамѣ сквозь спрой
 полковѣ,
 Великій и багрянѣ держа въ рукѣ покровѣ;
 И спавѣ на кораблѣ Улисса онѣ высокомѣ,
 Заемлющемѣ среду въ проспранствѣи широкомѣ,
 Отколѣ слышанѣ гласѣ на обоихѣ спранахѣ,
 Аякса и равно Ахилла во шапрахѣ:
 Они бо крѣпостью безспрашной ополченны,
 И грознымѣ подвигамѣ Арея изученны,
 Ахейскихѣ кораблей спояли по криламѣ;
 Возвалѣ, возвыся гласѣ Елладскихѣ спранѣ
 къ сынамѣ:

- „Коль велий спыдѣ для насѣ, женоподоб-
 ны Греки!
 „Позоромѣ будемѣ мы въ потомственныя вѣки:
 „Гдѣ скрылись похвальбы и шопѣ надменный
 гласѣ,
 „Вѣщанный сѣ гордостью опѣ каждого изѣ
 насѣ,
 „Какѣ въ Лемнѣ, въ пиршествахѣ ядя слад-
 чайше брашно,
 „И полной чашею пѣя вино изящно,
 „Хвалились, что изѣ насѣ прѣтиву ста Троянѣ,
 „Иль вящше, будешѣ всякѣ побѣдой увѣнчанѣ?
 „И днесѣ, днесѣ Гекторѣ всѣхѣ единѣ преобо-
 раешѣ,
 „И скоро огонь его на корабляхѣ вспыхаетѣ.
 „О Зевсѣ! кому еще изѣ смертныхѣ шы вла-
 дыкѣ
 „Толико яросшью и гнѣвомѣ былѣ великѣ?
 „Но я оставилѣ ли, пlying къ спранамѣ Пер-
 гама,
 „Единый швой олшарѣ безѣ жертвѣ и симіама?
 „Вездѣ я воскуралѣ избранныхѣ шукѣ пельцовѣ,
 „Желая опѣ небесѣ побѣды на враговѣ:

„Поне сію мольбу внуши, о царь гремящій!
 „Исхити насъ самихъ опъ пагубы грозящей,
 „Избавь опъ оспрія меча и горькихъ спрблъ!“

Онъ рекъ; и Зевсъ о немъ слезящемъ воз-
 скорбблъ.

Уже благоволитъ Ахейцамъ бытъ спасеннымъ
 И знакомъ божеска предвѣстія священнымъ
 Послалъ вѣ полетѣ орла опъ облачныхъ высотъ,
 Держащаго вѣ когняхъ младыя лани плодъ;
 Летитъ, и олшаря вблизи, гдѣ жерпву многу
 Жгли Греки Зевсу вѣ честь, пророчествъ вы-
 шню богу,
 Пустилъ пернашыхъ вождь корыспъ младую
 вѣ долъ.

Аргивцы познающъ вѣ орлѣ небесъ глаголъ;
 Воспламеняюща геройскимъ паки жаромъ
 Спремитъся изъ за рва къ опмщенью вѣ гнѣвѣ
 яромъ;

Всѣхъ прежде грозный вождь, безспрашный
 Диомидъ,

Противу сопостатъ чрезъ ровъ коней спремитъ,
 И первый смертъ нанесъ, убивспивомъ духъ
 пишая,

Сразивъ Фрадмонова онъ сына Агелая,
 Что яроспи его спрашася вѣ бѣгѣ спбшилъ,
 Но Диомидъ копье вѣ хребетъ ему вонзилъ;
 Сквозъ перси оспрое желѣзо пролетѣло,
 И пало возгремя со колесницы пѣло.

Спремясь Тидеевъ сымъ другихъ сѣ собой вле-
 четъ:

Текутъ сѣ опважноспью ему Асприды вѣ слѣдѣ,
 Аяксы послѣ ихъ, во крѣпость облеченны,
 По сихъ Идомей и Меріонъ надменный,
 И грозный яко Марсѣ опломъ силъ своихъ
 Великій Еврипилъ спремится послѣ ихъ;

Течетъ и бодрый Тевкръ неробкими спопами,
 Бывъ лукомъ ополченъ и быспрыми спрѣлами;
 И Теламоновъ сынъ, Аяксъ необоримъ,
 Приявъ его, покрылъ щитомъ его своимъ;
 Подѣмлетъ щитъ, и Тевкръ ишедъ, спрѣлу
 пускаетъ,

И жертву нѣкую онъ смершью поражаетъ;
 Сразитъ, и вспашъ ужекъ Аяксу онъ подъ щитъ
 Какъ въ машерни дия обѣшя спѣшитъ,
 И паки щитъ надъ нимъ простретъ сынъ Те-
 ламона.

Тогда коль многихъ Тевкръ низвергъ во мракъ
 Плутона!

Орсилохъ, Офелестъ, и Депоръ, и Ормень,
 Хромій, и Ликофонъ съ богами соравненъ
 Полимоновъ сынъ Гамопаонъ ужасный,
 И храбрый Меланицъ, противникамъ опасный,
 Погружены его спрѣлами въ смершнй сонъ.
 То зря, восхипился душой Агамемнонъ,
 И шедъ къ нему, воззвалъ: О Теламоновъ сыне,
 Любезный Тевкръ! рази какъ прежде, пако тынъ:
 Ты, можешъ, гордыхъ сихъ пропивниковъ губя,
 Спасеньемъ будешь намъ и рождшему себя,
 Что младость возраспилъ швою полико нѣжно;
 Побочный ты ему, но онъ равно прилѣжно,
 Какъ чадъ другихъ, себя пошщился вослишатъ;
 Спремись его своей ты храбростью вѣнчатъ.
 Нѣтъ въ сихъ его поляхъ, онъ свисту спрѣлъ
 не внемлетъ;

Но въ славѣ дѣлъ твоихъ участие приемлетъ.
 Внуши и мой обѣтъ: коль мнѣ сей гордый градъ
 Зевесъ съ Минервою попрашь благоволяшь;
 По мнѣ ты первый мзду приимешь сей десницей,
 Треножникъ, иль чепу коней со колесницей,
 Или прекрасную жену къ любви швоей.

Скончалъ, и Тевкръ въ отвѣтъ : „Преслав-
 ный Вождь вождей!
 „Меня ли поощряешь? я бранныхъ полкъ спре-
 мленій,
 „Отнюдь не престаю отъ яростныхъ сраженій;
 „Съ минушы, какъ враговъ мы гонимъ къ ихъ
 стѣнамъ,
 „Почити не даю отнюдь моимъ спрѣламъ :
 „Осмь спрѣлъ уже пустилъ среди кровава боя,
 „И каждая смертію насытилась героя;
 „Лишь горда Гектора сразиши не могу;
 „Всегда противъ его ударомъ я солгу!“

Онъ рекъ, пустилъ спрѣлу острѣйшу въ
 соноспаша;
 Но Гекторъ цѣлъ, и лжетъ еще спрѣла пер-
 наша :
 Пронзенный ею въ грудь, поверженъ въ вѣчный
 сонъ,
 Пріамовъ храбрый сынъ, Герой Горгиеіонъ,
 Кастіанирой въ свѣтъ прелестною рожденной,
 Имущей свой родъ въ Езимъ вознесенной.
 Какъ маковъ цвѣтъ въ саду плодомъ обремененъ
 И сладкою весны росой упоенъ,
 Свой лѣпый верхъ въ страну едину уклоняетъ:
 Дарданца такъ глава на рамо упадетъ,
 Глава согбенная подъ тяжкимъ шишакомъ.

Отважный Тевкръ еще желаніемъ влекомъ,
 Чтобъ ранилъ Гектора, возвеселился славой,
 Пустилъ ему спрѣлу къ гибели кровавой;
 Но уклоняетъ Фебъ спрѣлы пернашой пушъ;
 И ею пораженъ Архептолемъ во грудь,
 Возатай Гекторовъ, всей конской быстротою
 Спремившійся тогда къ воспламененну бою,
 Со прескомъ долу палъ и кровь и духъ излилъ;
 Сей звукъ коней его понудилъ ошшупишь.

Терзаетъ Гектора печальна поль упраша ,
 И Гебриона зря, себѣ любезна брата ,
 Чшобѣ править бѣгѣ коней величѣ ему воспечь;
 Герой покорствуемѣ , услыша братню рѣчь ;
 Самъ Гекторѣ успряемѣ сѣ блестящей коле-
 сницы ,
 Подвемлетѣ камень швердѣ могущесвомѣ де-
 сницы ,
 И сѣ воплемѣ ужаса на Тевкра онѣ лепитѣ ,
 Да смершь ему вождей сраженныхѣ имѣ оп-
 мститѣ.

То зря, опважный Тевкрѣ геройства гла-
 су внемлетѣ ,
 И лучшую стрѣлу изѣ шула онѣ извемлетѣ ,
 Кладетѣ на шверду вервь , и щипитѣ вспяшь
 влещи ,
 Дабы кѣ сильнѣйшему полешу напряци ;
 Но Гекторѣ упредилѣ , и самѣ вѣ свирѣпствѣ
 яромѣ
 Аргивца камени усиленнымѣ ударомѣ
 Вѣ подвыину персей кость близѣ рама поразилѣ ;
 Преторгѣ и жилу имѣ , и Тевкрѣ лишенный
 силѣ
 На землю палѣ ; рука повисши цѣпенѣетѣ ,
 Кашишя лукѣ изѣ ней , и Тевкра жизнь хла-
 дѣетѣ .
 Аяксѣ узрѣвѣ , лепитѣ , горячностью несомѣ ,
 И брата падшаго покрылѣ своимѣ щитомѣ ;
 Аласторѣ же и сѣ нимѣ Мицисеѣй, сынѣ Ехія,
 Вѣ минушы , своему клеврешу сполько злыя ,
 Едва имуща дужѣ поднятѣ его текумѣ ,
 Подвемлютѣ и вѣ шатры соспраждуце не-
 сущѣ .

Вторично Зевсѣ просперѣ Троянамѣ дланѣ
 выскоку ;
 Еще они враговѣ женутѣ ко рву глубоку ;

Ужасенъ, яростенъ. спремя повсюду взгляды,
Имъ Гекторъ предсечешъ, къ убивсину сопоспашъ.

Какъ бодрый ловчій песъ всей легкоспью лепящій,

Свирѣпаго вепря, иль горда льва гонящій,
Во бедра зубъ ему вонзаешъ, почишъ кровь:
Такъ Гекторъ мужествомъ гоня проливныхъ
вновь,

Всегда послѣдняго свергалъ во мрачность ада.
Бѣгутъ разсѣяны племенъ Ахейскихъ чада,
И въ ужасъ прешедъ глубокой гордый ровъ,
Премногихъ ратниковъ лишасъ мечемъ враговъ,
Уже близъ кораблей свой бѣгъ останавлиють,
Другъ другу вопіють, другъ друга ободряють;
И длани къ небесамъ смиренно вознося,
Спремяшъ изъ устъ мольбы, защиты ихъ
прося.

Но Гекторъ спрашныя Горгоны взоръ имѣя,
И очи пламенны свирѣпаго Аря,
На всѣ спраны коней вращаешъ и спремить,
Да чрезъ пространный ровъ удобнѣй прелешишъ.

Юнона Грековъ зря, болѣзнуешъ душею,
И Трипогени рекла сидящей съ нею:

„Егидоноснаго о дщерь Царя небесъ!

„Или въ семъ бѣдспви, достойномъ горькихъ
слезъ,

„Оставимъ шако мы Ахеянъ безъ защиты?

„Возри, какъ спѣснены и ужасомъ покрышы,

„Отъ мышцы Гектора приемлюшъ спрашну
смерть!

„Кто можешъ гордаго врага сего сопершъ?“

Тришоня въ отвѣшъ: „Сей вождь, сей
врагъ надменный

„Давнобъ бездушенъ палъ отъ Грековъ сокру-
шенный;

- „Но мой отецъ свирѣлъ , несправедливъ , же-
спокъ ,
- „Онъ преграждаетъ всѣхъ моихъ стремлений
шокъ ;
- „Забывъ , коль часто мной Иракъ его любез-
ной
- „Испоргнувъ , искищенъ изъ дланей смерти
слезной ,
- „Ея же челюстями во ярости своей
- „Хотѣлъ его пожерть мучитель Еврисей.
- „Онъ слезы лилъ ; я гласъ внявъ Зевсовыхъ ве-
лѣній ,
- „Летала помогать ему среди помлений.
- „О! еслибъ то, что зрю, могла я предузнать ,
- „Прешекъ ли бы Иракъ чрезъ бездны Спикса
вспасть ,
- „Симъ гордымъ посланъ бывъ , дабы предъ взо-
ры Феба
- „Треглава пса извлечь изъ мрачнаго Ереба ?
- „Чтожъ мзда мнѣ ? ненависть одна Царя судь-
бы ,
- „И хочеть совершить Тешиды онъ мольбы ,
- „Что даню возьмъ его подбродіе священо ,
- „Кольни лобызавъ владычныя смиренно ,
- „Молила , да почтитъ средь смертныхъ онъ
сыновъ
- „Ахилла , грознаго рушителя градовъ.
- „Но вѣрь , придетъ часъ , какъ съ опческой
опрадой
- „Онъ назоветъ меня возлюбленной Падладой.
- „Гряди , готовь коней , и я сибшיתי пощусь ,
- „И шедъ въ черногъ опца ко брани ополчусь ;
- „Познаемъ , како сей , шоль бодрый сынъ
Пріама ,
- „Возрадуешься , зря и насъ въ поляхъ Цергама.

„Есть, кто изъ гордыхъ сихъ прошивныхъ
намъ враговъ,
„Простершъ при корабляхъ, корыстью будетъ
псовъ.“

Рекла : покорспвуетъ словамъ ея Юнона.
Готовишъ коней въ путь къ швердынямъ Или-
она ;
На лѣпыхъ гривахъ ихъ пречудныя красы ,
Блиспали золотомъ превязаны власы.
Трипонія вошедъ въ чертогъ отца священный,
Трудъ хитрый рукъ своихъ, покровъ преиспе-
щренный,
Заспешку опрѣшивъ , съ раменъ пустила въ
долъ,
Онъ льется какъ волна на позлащенный полъ;
Сама облекшися въ броню всесила Бога ,
Готовишя на брань точащу бѣдства многа ,
И къ дщери Кроновой на колесницу вшедъ
Ліющу оупъ себя пламенновидный свѣшъ ,
Приемлевъ копіе велико , ужасъ спроевъ ,
И гибель грозная противныхъ ей героевъ.
Юнона правитъ путь въ подзвѣздныя мѣста.
И се непланныя небесныя врапа ,
Тремя , отверзлися богинямъ горнимъ сами ,
Врапа , хранимыя безсонными *Уааами* ,
Что спражею стояшъ Олимпа и небесъ ,
Круговъ блистательныхъ , гдѣ царствуетъ
Зевесъ ,
Чшобъ мрачны облака , врапамъ преграду вѣч-
нымъ ,
Отверзшъ , или сомкнушъ спремленьемъ бы-
спрочечнымъ.
Спрямятся чрезъ сіи врапа богини въ путь ;
То зришъ съ Гаргара Зевсъ и гнѣвомъ пол-
нишъ грудь ,

И Злашокрылую призвавъ къ себѣ Ириду,
 „Оставь, вѣщаешь ей, оставь священну Иду,
 „Теки, леши, спремись, сихъ дерзкихъ вос-
 пяхи;
 „Не даждь имъ срѣтись со мною на пути:
 „Нѣтъ радости для нихъ съ Царемъ боговъ сра-
 зиться;
 „Вѣщай имъ мой обѣтъ, имущій совершится;
 „Я ноги коней ихъ полъ быспры поражу,
 „И колесницу ихъ сокруши низложу;
 „Повергну и самихъ съ сей гордой колесницы;
 „И язвы, ими же перунъ моей десницы
 „Слепятъ небесны ихъ шѣла запечашлѣтъ,
 „Черезъ десять равно лѣтъ не могутъ изцѣ-
 лѣтъ;
 „Да знаетъ дщерь моя, стенья въ плачевной
 долѣ,
 „Какъ быть преслушною отца всесильной волѣ:
 „Противъ же Иры мой не тако гнѣвъ великъ,
 „Преслушной; дерзкою я зрѣтъ ее обыкъ.“

Скончалъ: отъ Гаргара Ирида возлетаетъ,
 Полетъ быстрѣйшій бурь къ Олимпу устрем-
 ляетъ,

И срѣтя сихъ богинь еще у вратъ небесъ,
 Здержала ихъ въ пути, рекла, что рекъ Зевесъ:
 „Что ярось въ васъ сія? куда, куда спѣшите?
 „Нѣтъ воли Зевсовой, обѣтъ его внушите:
 „Онъ ноги коней сихъ немедля поразитъ,
 „И колесницу въ путь летящу сокрушитъ,
 „Повергнетъ васъ самихъ съ сей гордой ко-
 лесницы,
 „И язвы, ими же перунъ его десницы
 „Безсмертны вамъ шѣла слепятъ запечашлѣтъ,
 „Черезъ десять равно лѣтъ не могутъ изцѣ-
 лѣтъ;

„Спеша, познаешь пы, Паллада, въ слезной долѣ,
 „Что есть преслушной бышь Опца вселиль-
 ной волѣ;
 „Къ Юнонѣ бо его не тако гнѣвъ великъ;
 „Упорство, дерзости ея онѣ зрѣшь обыкъ;
 „Но пы, безстыдна пы, и вѣчно посрамишься,
 „Коль браню пропивъ Зевеса ополчишься.“

Скончала; и уже крилъ простерла въ пущь.
 Царица же небесъ, спѣсняя вздохомъ грудь,
 Рекла Трипоніи: „О дщерь судьбъ Владыки
 „Не снидемъ съ Зевсомъ въ брань за смертны
 мы языки;
 „Пусть гибнушь, иль живушь, какъ жребій
 повелишь,
 „И пусть, что хочешь, все державный Зевсѣ
 шворитъ,
 „Ахейнѣ и Троянѣ владѣюще судьбою.“

Рекла; и вспяшь лепитъ небесной высокою.
 Не дремлющи *Ухсы* во срѣтенъе спѣша,
 И коней Ириныхъ ошъ ига опрѣша,
 Уже къ небеснымъ ихъ неплѣннымъ яслемъ
 правящъ,
 Къ стѣнамъ блистающимъ ихъ колесницу спа-
 вать.
 Богини съ грустію вошедъ въ пресвѣтлѣй
 кровъ,
 Возсѣли на златыхъ престолахъ средь боговъ.
 И се гремящій Царь, оставль Гаргарски воды,
 Взлетѣль величественъ въ превыспренніе своды;
 Непшунъ его коней ошъ ига свободивъ,
 И колесницу вокругъ покровомъ обѣнивъ
 На блещущемъ ее подножьи поставляетъ.
 Межъ тѣмъ Опець боговъ, что грома устрем-
 ляетъ,

Спрашитѣ перунами и небеса и долѣ,
 Вошедѣ въ чертогѣ, возсѣдѣ на свой златый
 престолѣ,
 Возсѣдѣ, и подѣ его священными стопами
 Колеблется Олимпѣ со вѣчными холмами.
 Юнона же особѣ съ Минервою сядя,
 И взорѣвъ на Царя отнюдѣ не возводя,
 Проспертъ къ нему своей бесѣды не дерзали.
 Но Зевсѣ вѣщаетѣ имѣ, источникѣ знавѣ печали :

„Богини ! что творитѣ вамѣ скорби сицевы ?
 „Недолго въ подвигахѣ труждались бранныхѣ
 вы,
 „Губя несчастливыхѣ Троянѣ, гонимыхѣ вами:
 „Престаньте льститьъ себя надменными умами.
 „Всѣ силы всѣхѣ боговѣ щета противѣ меня.
 „Вы, сколь ни дерзостны, но страхомѣ грудь
 пѣсна,
 „Невозвратились ли въ жилище горной славы,
 „Не зрѣвъ еще, что брань и что спези кровавы ?
 „Счастливы . . . сей перунѣ неложнобѣ вамѣ
 опомнилѣ ;
 „Не востекли бы вспять вы къ сонму горныхѣ
 силѣ.“

Скончалѣ ; сердца богинѣ терзаетѣ гнѣвѣ,
 досада.
 Ихѣ мысли злобствуютѣ противѣ Приамля
 града.
 Аѣина гнѣвну желчь пая въ груди, молчитѣ ;
 Но Иры злобный духѣ глаголомѣ симѣ излитѣ :
 „Что рекѣ ты, Кроновѣ сынѣ, жестокой нашѣ
 владыко ?
 „Всѣ явмы, коль твое могущество велико :

„Ты въ насъ неборимъ; но-можноль не спра-
дашь
„Намъ зрящимъ, какъ въ поляхъ Елладска гиб-
нешь рать?
„Ты повелѣлъ, и мы несидемъ къ брани слез-
ной;
„Но Грекамъ мы во грудь вдохнемъ совѣтъ по-
лезной,
„Да не погибнутъ всѣ во ярости швоей.“

Сгуститель облаковъ изрекъ противу ей:
„Заутра узришь ты, коль хочешь, дерзка Ира!
„Какъ съ вящшей яростью владыка горній міра
„Воздвигнешь бѣдственну и слезну Грекамъ
брань;
„И Гекторъ спрашную не успокоитъ длань,
„Свергашь во мрачный адъ Аргивцевъ не пре-
станеть;
„Доколь противъ него Фепидинъ сынъ возста-
нешь,
„Когда близъ кораблей стѣсненна Грековъ рать
„Враждебныхъ будетъ силъ удары отражатъ,
„Дабы отъ врагъ избѣять Папрокла низложенна.
„Такъ власшь великъ Судьбы, власшь вѣчна,
неизмѣнна.
„Твоей же ярости посмѣваюсь я;
„Гряди, коль хочешь ты, въ послѣдніе края,
„Гдѣ кончится предѣлъ зѣмли и океана,
„Гдѣ златовласаго не блещетъ свѣтъ Титана,
„И дуновения прохладныхъ вѣтровъ нѣтъ;
„Гдѣ въ мрачномъ Тартарѣ и Кронъ, и злый
Япетъ;
„Гряди, вѣщаю я, въ мѣста сіи унылы,
„И ополчи противъ меня ихъ горды силы;
„Мнѣ гавѣ швоей и тогда содѣлаешь лишь
смѣхъ;
„Зане безстыдыѣе и дерзостнѣй ты всѣхъ.“

• Скончалъ; она молчитъ. И се со шверди
неба
Спустились понша въ глубь ефирны кони Феба.
Снѣдаетъ жалостью Троянъ утѣкшій день;
Но Грековъ веселитъ отрадой ночи шѣнь.

Приамовъ грозный сынъ блистая средь ге-
роевъ,
Ведетъ на брегъ рѣки побѣдоносныхъ воевъ,
Въ мѣста, гдѣ кровью Марса себя не обагрилъ.
Низходятъ съ колесницъ строи Дарданскихъ
силъ;
И Гекторъ на копье, кроваву смерть дающе,
Единонадесятъ локшей въ себѣ имуще,
Его же остріе злато кольце крѣпитъ,
Опершись, воинствамъ крилату рѣчь стре-
митъ:

„Трояне, Дардане, и рать союза граду!
„Днесъ, днесъ я мнилъ вкусить сладчайшую
отраду,
„Вступитъ въ Пергамъ, враговъ низвергнувъ
въ адъ мечемъ,
„И шверды корабли сожегши въ прахъ огнемъ:
„Но мракъ спасаетъ ихъ отъ страшной сей
напаси.
„Уступимъ убо мы ночнаго мрака власи.
„Насытите вы коней, отъ ига опрѣша,
„Тезите въ Иліонъ, и вспянь въ поля сѣвша,
„Овецъ, пельцовъ ведя, несите нужны хлѣбы,
„И сладостно вино на брашны вамъ попребы.
„Возжгите вы огни, собравъ костры древесъ,
„Да свѣтлосшь ихъ всю ночь восходишь до
небесъ,
„Дабы, коль гордые Аргивцы, страха полны,
„Восхошущъ въ ночь бѣжашъ чрезъ шумны
понша волны,

- „Безбѣдно на свои суда не воспекли;
 „Но пусть они, съ береговъ спремьясь на корабли,
 „Спрѣлой или копьемъ Дарданскимъ уязвятся,
 „И язвы изцѣляя въ странѣ своей пощадятся:
 „Да всякъ земный языкъ плачевною войной
 „Трелещеть возмущая Троянъ злосный покой,
 „Межъ тѣмъ глашатаи Зевесомъ освященны
 „Во градъ возвѣстятъ, да старостью почтенны,
 „И чада, копьемъ безсильные владѣтъ,
 „На башни воспекутъ спражку въ нощи имѣтъ;
 „Пусть жены озарятъ огнемъ великимъ дома,
 „Пусть будутъ всѣ мѣста со щаніемъ спре-
 „гомы,
 „Дабы въ Пергамъ, своихъ лишенный бранныхъ
 „чадъ,
 „Черезъ тайный путь не вшелъ коварный со-
 „постатъ.
 „Сего довольно днесъ, Трояне крѣткодушны!
 „Глаголамъ будише симъ со ревностью послу-
 „шны;
 „Заупра нужно что, заупра возвѣщу,
 „И жерявуй богамъ, себя надеждой льщу
 „Изгнать ошель враговъ, что злой своей судь-
 „бою
 „Влекумы, пренеслись на корабляхъ подъ Трою.
 „Но спражею себя мы нынѣ оградимъ,
 „Съ восходомъ дня противъ Ахейнъ полетимъ;
 „При самыхъ корабляхъ воздвигнемъ гнѣвъ
 „Арея;
 „Узрю, ужель меня безспрашный сынъ Тидея
 „Онъ гордыхъ кораблей опринетъ, опженетъ,
 „Иль грознымъ симъ копьемъ поверженъ самъ
 „падетъ,
 „И совлеку съ него броню его кроваву.
 „Заупра стяжетъ онъ безсмертну въ бранѣхъ
 „славу,

„Коль жданы меня дерзнетъ летяща съ ко-
 пьемъ ;
 „Но мню , всходящій Фебъ злашымъ блеснувъ
 лучемъ ,
 „Обрящетъ смертію врага сего сраженна ,
 „И сонмомъ падшихъ съ нимъ Аргивцевъ окру-
 женна.
 „О! еслибъ юность я безсмертную имѣлъ ,
 „И почести себѣ божественныя зрѣлъ
 „Какъ свѣшлый Аполлонъ и грозная Паллада,
 „Всѣ Греки сверглисьбы заупра въ бездну ада.“

Скончалъ ; соплещущъ всѣ и ревностно
 спѣшашъ ,
 Да коней льющихъ потъ отъ ига свободяшъ ;
 Ведущъ овецъ , шельцовъ , приносяшъ нужны
 хлѣбы
 И сладостно вино на брашныя потребы ;
 Воспламеняюся уже костры древесъ ,
 И въшромъ мясъ воня несется до небесъ.
 Раздѣльшись по строямъ Дарданска рать воен-
 нымъ ,
 Возсѣла близъ огней со чаянемъ надменнымъ.
 Коль въ ночь безоблачну блистающа луна
 Прелестнымъ ликомъ звѣздъ течетъ окружена ;
 Удобно смершный зришъ предгорія , долины ,
 И гордыя древа , и горъ крупныхъ вершины ;
 Небесъ же въ высотѣ опверзтѣ вездѣ еѳиръ ,
 И созерцаешся созвѣздій полный міръ ,
 Чѣмъ пастырей сердца и души восхищенныхъ
 Веселье чувствуюшъ при паствахъ утучнен-
 ныхъ :
 Такъ многочисленныхъ Троянскихъ блескъ ог-
 ней ,
 Межъ Ксанеа и между прошивныхъ кораблей ,
 Возженныхъ гордаго Пергама предъ стѣнами ,
 Сіяя , озарялъ и долъ и швердъ лучами.

Огней сихъ тысяща на полѣ ихъ горитъ,
При каждомъ пятьдесятъ воишелей сидитъ,
Имѣя близъ себя коней и колесницы;
И сномъ нешагопя геройскія зѣницы,
Всѣ ждутъ, да розами вѣнчанная заря
Проспретъ злашы лучи на горы и моря.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О Пасиграфїи (*).

Не излишнимъ почитается перевести для читателей Вѣспника небольшую статью о семъ искусствѣ, которымъ теперь можеть быть займущся многіе досужіе ревнители изобрѣшеній ума человеческого.

Пасиграфїя имѣетъ основаніемъ правило, что весь кругъ мыслей состоитъ

(*) Слово сіе составлено изъ двухъ Греческихъ для названія искусства *писать* знаками вразумительными для всѣхъ народовъ. *Пасиглафия*, также съ Греческаго языка взятое слово, значитъ искусство *говорить* звуками вразумительными для всѣхъ народовъ.

изъ опредѣленнаго количества главныхъ понятій, какъ то изъ понятія о *бытїи*, о *пространствѣ*, о *числѣ*, о *времени*, о *жизни*, о *свѣтѣ*, и такъ далѣе. Для каждаго изъ сихъ главныхъ понятій предполагается по одному произвольно принятому знаку; а разнообразнымъ соединеніемъ сихъ знаковъ должны бытъ изображаемы всѣ различныя соединенія и измѣненія главныхъ понятій, по еспь всѣ мысли, какія шолько удобенъ производить разумъ человѣческой. Люди разныхъ племенъ, научившись способу употреблять и соединять сїи знаки, могутъ взаимно сообщать свои мысли, хопя бы языкъ одного былъ вовсе невразумительенъ для другаго. Такимъ образомъ знакъ о *человѣкѣ* соединенный со знаками о *минушемъ днѣ* и *смерти*, былъ бы прочитанъ Русскимъ: *одинъ человекъ вчера умеръ*; Англичаниномъ: *a man died yesterday*; Нѣмцемъ: *gestern starb ein Mensch*; Французомъ: *un homme mourut hier*. Если бы прибавлены къ нимъ были знаки *надобности* и *погребенія*; то Русской прочиталъ бы: *надобно предать его землѣ*; Французъ: *il faut l'enterrer*; Нѣмецъ: *man muss ihn begraben*; Англичанинъ: *he must be buried*. Пусть каждой судишь о важности такого всеобщаго письма, и о пользѣ онаго вразсужденїи сношеній между народами; но при *Пасиграфїи* другое искус-

ство, о которомъ упомянуто въ прежней книжкѣ Вѣспника, а именно *Пасилалія* или всеобщій языкъ, будетъ уже совершенно излишнимъ, и намѣреніе соединить оба сіи искусства должно казаться вовсе неосновательнымъ.

Изобрѣшеніе всеобщаго письма есть дѣло не новое. Около половины семнадцатаго столѣтія Вилькинсъ, Епископъ Чесперскій, сочинилъ Разсужденіе, которое напечатано въ Лондонѣ 1668 года подъ титуломъ: *An essay towards a real character and a philosophical language*. Въ немъ предложены правила для всеобщаго письма, которыми и Лейбницъ занимался въ послѣдніе годы своей жизни. Можно даже сказать, что мы давно уже имѣемъ такое письмо относително къ числамъ и математическимъ содержаніямъ, которыя у всѣхъ Европейскихъ народовъ изображаются одинакими цифрами и математическими знаками, и которыя для всѣхъ равно вразумительны. Но въ Азіи оно уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ упопрещено. Кипайское письмо состоитъ изъ начертанія знаками всѣхъ главныхъ понятій, измѣненій ихъ и разнообразныхъ соединеній. У нихъ считается 214 главныхъ знаковъ, а составныхъ болѣе 80,000. Сіи знаки понятны не только для всѣхъ грамажныхъ Кипайцовъ, но

даже Тунгинцовъ, Кохинхинцовъ и Японцовъ, хотя Китайскаго языка неразумѣюшъ. Каждой изъ упомянутыхъ народовъ выговариваетъ оныя знаки своими словами.

Всеобщее письмо доставить могло бы немалыя выгоды вразсужденіи сношеній между народами; но оно имѣетъ невыгоды свои, и приносѣтъ весьма важныя. Первая состоитъ въ чрезвычайной шрудности. Двѣсти пятьдесятъ главныхъ знаковъ Профессора Шмидта (*) составляютъ шолкое же число буквъ — не такихъ знаковъ наши, означающія звуки и слѣдственно даже для дѣтяти нешрудныя, но буквъ, шребующихъ всей внимательности взрослого челошвка, ибо ими изображающя не звуки, а понятія. Слѣдствія отъ распространенія Пасиграфїи должны быть еще невыгоднѣе. Каждой писатель захотѣлъ бы тогда шрудиться для всѣхъ народовъ; Пасиграфїя сдѣлалась бы единственныиъ письмомъ, употребительнымъ въ свѣтѣ; наослѣдокъ необходимыиъ слѣдствіемъ было бы то, что, по причинѣ шрудности въ изученіи сей граматы, черезъ сто лѣтъ въ Европѣ, шочно какъ шенерь въ Китаѣ, умѣли бы читать одни шолько ученые люди, а для прочихъ гражданъ закрылась бы дорога

(*) См. Вѣст. Евр. No 13 стр. 70.

жѣ просвѣщенію. Далѣе: отъ великой трудности въ разбираниі написанныхъ книгъ и въ сочиненіи новыхъ весь ходъ просвѣщенія нашего почти остановился бы, и народы Европейскіе пустошью своею уподобились бы Кипайцамъ. Посредствомъ немногихъ буквъ нашихъ, зашверживаемыхъ съ самаго младенчества, всѣ движенія разума весьма удобно означаются вняшными звуками, и выражаются всѣ мысли.

III. С М Ъ С Ъ.

О Ш в е ц и и.

Подъ именемъ Скандинавіи разумѣютъ всю обширную страну, состоящую нынѣ изъ трехъ Королевствъ: Швеціи, Даніи и Норвегіи. Отъ предѣловъ Германіи она простирается даже до полярнаго круга; съ востока и запада окружена морями, а къ сѣверу оканчивается Лапонією. Большія цѣпи горъ возвышаются въ ней по мѣрѣ приближенія къ полюсу и посредствомъ Финскихъ горъ соединяются съ Россійскими.

Увѣряютъ, что въ древніе вѣки нѣкоторые Германскія племена разсѣялись по сей часши

Европы, гдѣ встрѣтившись съ племенами Финскими потѣснили ихъ до предѣловъ Лапонскихъ. Обитатели Скандинавіи долго жили отдѣленными обществами, изъ которыхъ каждое имѣло надъ собою избираемаго или наслѣдственнаго начальника. Все законодательство ихъ состояло изъ немногихъ преданій, нѣкоторыхъ обычаевъ и нравственныхъ правилъ. Избраннымъ людямъ, извѣстнымъ по своему благоразумію, ввѣряемо было правосудіе и попеченіе о благѣ общественномъ; сіи старѣйшины разсуждали о дѣлахъ вмѣстѣ съ главнымъ начальникомъ, и на сходьбищахъ ихъ обыкновенно господствовала совершенная независимость.

Жители Скандинавіи поклонялись деревяннымъ идоламъ, украшеннымъ серебромъ и золотомъ — разбойническими корыстями. Сіи идолы представляли: Одина, по еспѣ *великаго* или *первата*, бога войны, котораго Скандинавцы почитали своимъ родоначальникомъ; Тора, управляющаго громами и бурями; Фрико, бога мира и изобилія; Фрею, Богиню любви. Кромѣ сихъ верховныхъ боговъ, поклонялись еще богамъ подвластнымъ, вѣрили бытію духовъ злыхъ и добрыхъ, вызывали мертвецовъ, и занимались нѣкоторыми волшебными обрядами. Главной праздникъ свой торжесивовали въ концѣ года пиршествами и плясками.

Рай, по баснословію Скандинавцовъ, назывался *Валгаллозъ*. Они надѣялись веселишься въ немъ и пить медъ изъ череповъ непріяшельскихъ; и сія увѣренность шакъ нравилась воинамъ, чпо многіе изъ нихъ до-

бровольно низвергались съ высокихъ утесовъ, дабы скорбе сдѣлашься жителями Валлгалла. Нынѣ извѣстная стремнина при порогахъ рѣки Тралгаешты, что въ Готландіи, ознаменована въ древности многими дѣйствіями сего набожнаго сумазбродства.

Не нужно упоминать, что Скандинавцы вели жизнь самую суровую: жилища ихъ строены были изъ досокъ и бревенъ, и освѣщались посредствомъ опверстія, которое служило трубою для дыма. Въ такихъ же почти хижинахъ помѣщались и Князья; пиршественная хранина ихъ обыкновенно была наполнена густымъ дымомъ.

Скандинавскія общества почти беспрепятственно дрались между собою. Воины ихъ выходили противъ непріятели, какъ бѣшеные, съ яростію въ лицѣ, съ безпокойными глазами, съ клубящеюся у рта пѣною.

Плѣнники спановились рабами; многихъ крайняя бѣдность доводила до рабскаго состоянія. Простота нравовъ спасала невольниковъ отъ жестокости; они даже могли получить себѣ свободу по прошествіи назначеннаго времени.

Страсть къ военнымъ подвигамъ одушевляла пѣснопѣвцовъ Скандинавскихъ. Князья, или главные начальники, имѣли при себѣ такъ называемыхъ Скальдовъ, коихъ должность состояла въ прославленіи героевъ. Исландцы сохранили нѣкоторые отрывки Скандинавской поэзіи. Юный воинъ, побѣжденный, на землѣ простертый, такъ оплакиваетъ свое несчастіе: „У меня шестнадцать ранъ; сокру-

„шено мое оружіе; черная шма покрываетъ
 „мои очи; Агансисовъ мечъ остримъ лезве-
 „емъ своимъ достигъ до моего сердца. — У
 „меня было пять селъ; но я уже не радовал-
 „ся полями: шеперь лежу на семъ островѣ
 „безъ силъ, безъ надежды, пронзенный ору-
 „жіемъ. — Сильные Князья сидятъ за царскою
 „шпирезою; славные воины наслаждаются утѣ-
 „хами въ Упсалѣ: а я хотѣлъ бы ходить, и
 „не могу подняться! — Дщерь царская, какъ
 „снѣгъ бѣлая, проводила меня до берега; ахъ!
 „она угадала, сказавши мнѣ: Гіалмаръ, ты
 „назадъ невозвратишься! — Юныя дѣвы пѣли
 „на утесахъ; голосъ ихъ приятно отдавался
 „въ моемъ ухѣ: надлежало удалиться, и скоро
 „вѣтры помчали корабль нашъ. — Сними, Одаръ,
 „золотое кольцо съ руки моей; отдай его лю-
 „безной Нитеборгъ; пусть оно скажетъ ей
 „вѣсть печальную, пусть скажетъ, что она
 „не увидитъ меня вѣки — Вижу коршуна,
 „изъ дремучаго лѣса ко мнѣ лепящаго; орелъ
 „за нимъ гонится. . . хищный коршунъ на-
 „падаетъ моею кровію; большой орелъ на-
 „сыпится моимъ пломъ.“ Не трудно замѣ-
 „тить нѣкоторое сходство въ поэзіи Сканди-
 „навской и Ерской. Удивляться тому не
 „должно: оба народа сіи имѣли почти одинакіе
 „нравы, и жили почти подъ одною полосою.

Скандинавцы не участвовали въ разруше-
 ніи Римской Имперіи; ихъ несправедливо смѣ-
 шивали съ Готами; они гораздо позже спали
 нападать на Европу. Бывъ жадны къ коры-
 стямъ, привыкнувъ къ разбойническому про-
 мыслу, въ девятомъ и десятомъ вѣкѣ они
 приставали къ берегамъ, худо защищаемымъ,
 Германіи, Франціи, даже Италіи; они же устре-

мались къ западу и сѣверу, покорили часть Шотландіи, открыли Исландію и Гренландію, и оставили памѣ свои селенія (*): Набѣги сихъ Норманновъ распространили ужасъ по всей Европѣ; отъ того въ Римѣ начали ревностно заботиться о средствахъ обратити Скандинавцовъ къ христіанству. Намѣреніе удивительно желаемымъ успѣхомъ: вѣра христіанская распространилась быспро, нравы Норманновъ смягчились, и безоружные проповѣдники возвратили Европѣ спокойствіе, котораго немогъ ей доставити грозныя ополченія. Съ одиннадцатаго вѣка исторія Скадинавцовъ сливается съ исторіей прочихъ народовъ Европы, —

Выписка сія взята изъ путешествія Француза Катшо по Швеціи. Сочинитель пространно говоритъ обо всемъ, что видѣлъ и что слышалъ о семъ Королевствѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ политическихъ и военныхъ происшествій, случившихся передъ симъ года за два.

Хлѣбъ въ Швеціи, по словамъ г-на Катшо, былъ чрезвычайно дорогъ; въ винѣ, безъ котораго обойтись не можно, перѣбли совершенный недосплатокъ; столица представляла печальное позорище; дровъ изъ Финляндіи не привозили; ремесленники прекратили работу свою по причинѣ стужи; прилипчивая болѣзнь похищала множество народа; всѣ были

(*) Въ девятомъ вѣкѣ они покорили было Славянъ Новгородскихъ, проникли до Кіева и вѣзли водою въ Константинополь. Въ нашихъ лѣтописяхъ Скандинавцы называются Варягами. *Изд.*

въ ужасѣ. Изъ многочисленной арміи едва осталось 30,000 человекѣ; прочіе умерли, взяты въ плѣнѣ, или находились въ больницахѣ; казна испустилась; Англичане худо платили вспомогахельныя сври деньги. По сдѣланному счету оказалось, что для продолженія войны въ 1809 году пребовалось 150 милліоновѣ, а по великой суммѣ нѣтъ въ обращеніи во всемѣ Королевствѣ. Въ такомѣ состояніи находились дѣла, когда часть Норвежской арміи, подѣ начальствомѣ Подполковника Адлерспара, пошла къ Стокгольму.

~~~~~

О первоначальномѣ употребленіи сахара въ Европѣ.

Евреи, Греки и Римляне, по видимому, довольствовались медомѣ во всѣхѣ тѣхѣ случаяхѣ, въ которыхѣ мы употребляемѣ сахарѣ. Одинѣ Еврейскій писатель, жившій послѣ возстановленія Храма, причисляетѣ медѣ къ необходимымѣ вещамѣ для жизни, каковы напримѣрѣ хлѣбѣ, соль, вода, мука. Гораций, Плиній и Марціалѣ увѣдомляютѣ насѣ, что Римскіе прихошники приправляли медомѣ вина и разныя кушанья. Обѣ употребленіи сахара совсѣмѣ неупоминается. Галіенѣ, Плиній и нѣкоторые другіе говорятѣ о какомѣ - то *саххаронѣ*, веществѣ бѣломѣ, смолистомѣ, хрусталовидномѣ, получаемомѣ отѣ нѣкотораго тростника, въ Индіи растущаго; ето долженѣ бытъ сахарѣ; но его привозили въ Римѣ небольшими кусками величиною въ орѣхѣ, и употребляли на лѣкарства. По одно-

му не совсѣмъ ясному мѣсту у поэта Спація догадываться можно, что сахарной проспннкъ разводили на островѣ Ивисѣ.

Сахаръ сдѣлался вообще извѣстенъ послѣ великихъ Аравійскихъ завоеваній. Аравитяне, спали вывозить его изъ Индіи во многія спраны, ими покоренныя. Европейскіе писатели, жившіе во время крестовыхъ походовъ, начали упоминать о сахарѣ. Одинъ изъ нихъ (*) говоритъ слѣдующее: „Въ ешомъ мѣстѣ (близь города Триполя) народъ сосалъ *медовыя тростинны*, на поляхъ изобильно растуція и называемыя *цукра*. Сахаръ сей подкрѣпляетъ ихъ силы, и сладость его причиною тому, что имъ насытиться не можно. Сіе растѣніе пребуешъ ежегоднаго воздѣлыванія и щачельнаго присмотра. Во время зрѣлости, жишели снимающъ его, толкушъ въ иготяхъ, сливаюшъ сокъ въ сосуды, и держатъ до тѣхъ поръ, пока онъ стусшится и сдѣлаешся подобнымъ снѣгу или бѣлой соли.“

Въ 1306 году, когда Санудо писалъ свои *Secreta fidelium crucis*, въ Сициліи не было еще сахара; но Морея, Кипръ и Родосъ производили его изобильно. По прошествіи одного вѣка сахарной проспннкъ такъ размножился въ Сициліи, что Инфаншъ Генрихъ Португальскій пересадилъ его на островъ Мадеру. Отсюда и съ острововъ Канарскихъ сахарной проспннкъ перевезенъ въ спраны новаго міра, гдѣ сполько расплодился онъ трудами негровъ, что сахарные заводы стараго міра пришли въ упадокъ, а Америка спала доволь-

(*) Albert d' Aix.

стновать сахаромъ всю Европу и часть Азіи. Далримплъ доказалъ въ своемъ *Oriental repository*, а Клементъ въ своихъ *Tablas chronologicas*, что сахарной тростникъ привезенъ въ Америку Испанцами. Клементъ говоритъ о томъ теми словами: „Сахарной тростникъ 1506 года въ первый разъ привезенъ на островъ Испаньолу. Одинъ житель Веги привезъ его туда съ острововъ Канарскихъ. Бакалавръ Веллоза и Петръ Атенсиа были тамъ первыми насадителями тростника; они же первые дѣлали и сахаръ. Сіе растѣніе размножалось такъ успѣшно, что въ короткое время появилось на островѣ болѣе сорока машинъ, водою и лошадьми движимыхъ для молотбы сахара. Первые машины устроены подлѣ озера Христофоромъ и Францискомъ по прозванію Тапія.“ Шуманъ въ своемъ *Описаніи Португалліи* говоритъ, что сахарной тростникъ привезенъ Португальцами въ Бразилію также съ острововъ Канарскихъ.

По свидѣтельству Баршеля (*), сахарной тростникъ въ Сициліи не созрѣлъ еще перевелся въ 1787 году; обработываніе сего растѣнія было даже такъ прибыточно, что можно бы позаботиться о распространеніи сей отрасли промышленности.

(Изъ *Annal. des Voyag. par Maltebrun.*)

(*) *Lettres sur la Calabre et la Sicile.*

Московскія записки.

Театръ. *Юля 3, Сынъ любви, Драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. г-ни Коцебу.* Живописецъ для изображенія предметовъ своихъ употребляетъ приличныя краски. Драматическіе писатели, которыхъ можно назвать живописцами нравовъ, также имѣютъ краски для фигуръ своихъ, показываемыхъ ими зрителямъ и читателямъ. Гораций преподалъ правила, какъ должно описывать людей, различныхъ возрастомъ и свойствами душевными; описывать по возможности ближе къ натурѣ и такъ, чтобы каждое лицо имѣло отличительныя свои признаки. Надобно представить молодца, воспитаннаго въ изобильномъ и блестящемъ невѣжествѣ, наглаго болтуна, уважающаго ненужныя мѣлочи и презирающаго все то, чѣмъ дорожатъ люди благомыслящіе: что въ такомъ случаѣ дѣлаютъ комические писатели, наши и Нѣмецкіе? Даютъ вымышленному лицу своему всѣ отличительныя, принадлежащія характеру признаки, изъ числа которыхъ главнѣйшій, наиболѣе и съ перваго разу показывающій весь характеръ, есть болтанье пофранцузски. Въ самомъ дѣлѣ, что былъ бы Иванушка въ *Бригадирѣ* Фонъ-Визина, когдабъ Сочинитель не заставилъ его безъ всякой надобности мѣшати Французскія слова въ Русскомъ разговорѣ? а Фирюлинъ у Княгинина въ *Несчастьѣ отъ Кареты*? А другой полуфранцузъ въ *Чудакахъ*, его же Комедіи? Такъ; безъ неумѣстнаго болтанья пофранцузски не такъ скоро можно было бы узнать на сценѣ моднаго повѣсу и невѣжду. И не будучи въ театрѣ, не видя передъ собою шаркающаго Графа фонъ Мильда, а только

разогнувши книгу, шамъ гдѣ начинаетъ онъ говорить съ Полковникомъ, я въ пужѣ минушу получаю весьма ясное понятіе объ епомъ Камербюнкерѣ, въ пужѣ минушу догадываюсь, что сочинитель хочетъ показать мнѣ порпретѣ воспитаннаго въ модномъ невѣжествѣ любимца Фортуны „Pardonnez, mon Colonel! „я вспалъ въ седьмомъ часу. Но мой valet de „chambre сдѣлалъ непрощительную бепизу, „которая доводитъ меня до отчаянія . . . „ешой потери ни чѣмъ не можно наградила.“ Съ первыхъ словъ узнаю беломозглую шварь, и черезъ десять строкъ догадка моя подтверждается: Графъ въ отчаяніи отъ того, что слуга его укладываясь забылъ взять банку помады, споявщую на окошкѣ! и объ епомъ говоритъ онъ передъ печеннымъ человѣкомъ, на дочери котораго намѣренъ жениться! Характеръ Графа Фонъ Мильда выдержанъ отъ начала до конца прекрасно: впрочемъ онъ не изъ числа характеровъ прудныхъ; а къ помужь г. Коцебу, бывши за границею, видѣлъ не одну тысячу подлинниковъ. Мудреноли, что дѣла въ Германіи пошли споль завиднымъ порядкомъ при такомъ множествѣ господъ Фонъ Мильдовъ?

Іюль 16, Молодость Генриха V, новая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго г. жь Вхлберггомъ. Генрихъ V Король Англійскій умеръ 1422 года. Въ послѣдніе годы жизни отца своего Короля Генриха IV, онъ удаленъ былъ отъ дѣлъ государственныхъ и военныхъ: отецъ сдѣлавшись чрезвычайно подозрительнымъ не полагался даже на вѣрность сына своего, на слѣднаго Принца. Молодой Генрихъ живучи

въ совершенной праздности вдався въ распутство всякаго рода. Онъ завелъ шѣсную дружбу съ шалунами, съ которыми убивалъ время въ постыдныхъ забавахъ, вовсе неприличныхъ высокому его сану. Гюмъ въ Англійской исторіи своей говоритъ, что носятся оспатки преданія, будто, разгорячившись опъ вина, Принцъ съ безпутными своими поварищами не совѣщился нападаѣь на проходящихъ по улицамъ и опнимаѣь у нихъ разныя вещи. Спрахъ и вопли беззащитныхъ очень забавляли его во время сихъ прогулокъ. Король весьма огорчался поступками Принца; но народъ, видя въ немъ признаки истиннаго великодушія, извинялъ шалости, приписывалъ ихъ строгости отца, и надѣялся, что Принцъ исправится. Особливо же полюбился народу поступокъ наслѣднаго Принца по случаю одного страннаго произшествія. Одинъ товарищъ его шалостей позванъ былъ къ суду за нѣкоторыя безпорядки; Генрихъ самъ явился вмѣстѣ съ обвиняемымъ, для того чтобы покровительствомъ своимъ защитишь его; видя неуваженіе къ себѣ, онъ началъ оскорблять главнаго судью ругательствомъ; но судья, зная права свои и святость законовъ, приказалъ въ шужь минушу опвесити Принца въ пюрью. Зрители склонились на сторону Наслѣдника престола, когда увидѣли, что онъ, безропотно повинаясь судейскому приговору, признавался въ своемъ проступкѣ. По восшествіи на престолъ Генрихъ царствовалъ славно и оставилъ по себѣ доброе имя. Содержаніемъ комедіи служилъ одно, справедливое или вымышленное, по крайней мѣрѣ вѣроятное, происшествіе, случившееся во время ночныхъ прогулокъ. Узнавши, что въ одномъ спектаклѣ есть при-

гожая дѣвушка, Принцъ съ любимцомъ своимъ, переодѣтый въ мапросское плашье, приходитъ къ содержателю шракшира, и тамъ проводитъ почти всю ночь за пуншемъ; Принцу не чѣмъ расплашиться; онъ отдаетъ подъ закладъ дорогіе часы свои; хозяинъ подозрѣваетъ мнимаго мапроса въ похищеніи; запираетъ его; Генрихъ спускается изъ окна внизъ посредствомъ пояса, и приходитъ поупру во дворецъ къ Принцессѣ, своей супругѣ, которой въ самомъ дѣлѣ у него тогда не было, ибо Генрихъ женился уже бывши Королемъ Англии. Здѣсь не все сказано; содержаніе гораздо полнѣе и довольно забавно. Чишатели вѣроятно замѣтили уже неслыханную новость: Наслѣдныи Принцъ является главнымъ забавляющимъ лицомъ въ комедіи! Вотъ къ чему приводитъ излишнее умничанье и авторское усиліе тѣшить публику новыми произведеніями! Теперь осталось надѣяться, что Жоржъ Дандинъ и Станарель скоро поступятъ въ вѣдомство Мельпомены, и заставятъ насъ проливать слезы!

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Отъ города Тулузы поднесенъ Императору Наполеону *Часовникъ* (les Heures) *Карла Великаго*, писанный около 781 года по приказанію Императора Карла и Императрицы Гильдегарды на случай крещенія въ Римѣ Папою Адрианомъ старшаго сына ихъ Карломана, послѣ названнаго Пепиномъ. Сія рукопись содержитъ въ себѣ 242 Евангельскія чтенія, на весь годъ расположенныя, пошомъ кален-

даръ весьма любопытный и наконецъ насхаль-
ный кругъ съ 779 по §16 годъ. Императоръ
Карлъ Великій подарилъ ее Сенъ - Серненско-
му Аббатству въ Тулузѣ, бдучи къ сыну
своему Лудовику, бывшему тогда Королемъ
Австразіи. Сей драгоценной остатокъ древ-
ности украшенъ рисунками очень мѣлкой ра-
боты.

Въ Парижѣ одна улица называется la rue
du Fouage, отъ стариннаго слова, которое
значило солому. Открытіе не слишкомъ важ-
ное, скажутъ читатели. Такъ; но отъ че-
го улица называлась *соломенною*? Отъ по-
то, что встарину тамъ продавали солому на
подстилку студентамъ Парижскаго Универ-
ситета. Надобно знать, что студенты не
имѣли права садиться на скамьяхъ, или на
стульяхъ передъ профессорами; они должны
были слушать лекціи сидя на полу, а для
мягкости могли класть подъ себя солому.
Папа Урбанъ V, благодѣтель и покровитель
Парижскаго Университета, въ 1366 году из-
далъ узаконеніе, чтобы студенты слушали
профессорскія лекціи не иначе какъ сидя на
полу, смиренія ради: *Scholares Universita-
tis Parisiensis, audientes suas lectiones, fedeant
in terra coram magistris non in scamnis, vel sedi-
bus elevatis a terra, ut occasio superbiae a juve-
nibus secludatur.* — Объ этой улицѣ упоми-
нается въ твореніяхъ Данта, Петрарки и Ра-
беле; она была знаменита, потому что на ней
происходили ученые диспуты.

Въ нѣкоторыхъ Французскихъ листкахъ
было объявлено средство лѣчить ноготьду
такимъ образомъ: погрузить больной палецъ

въ свѣжее яйцо; продержати его тамъ нѣсколько минутъ; яйцо стусится, воспаление и боль исчезнутъ. — Въ одномъ журналѣ сказано, что хотя сей способъ лучше многихъ, однакожъ есть другой гораздо надежнѣйшій. Надобно всю кисть руки погрузить въ теплую воду и понемногу усиливать жаръ, прибавляя кипятку. Жесткая боль ногтяды непременно утихнетъ; только надобно руку держать въ водѣ не нѣсколько минутъ, а по нѣсколькѣ часовъ. Ноготь да разойдется, ежели захватитъ въ пору; еслижъ нѣтъ, то она превратится въ чирей. — Желаетъ, чтобы сія выписка для кого нибудь пригодилась, или лучше, чтобы никому не было надобности искать въ ней облегченія.

Одинъ богатый Англичанинъ, вышедши на берегъ въ Кале, потребовалъ къ себѣ цырюльника. „Мнѣ надобно обриться; послушай, другъ мой, я имѣю тѣло весьма чувствительное и немогу терпѣть боли: вотъ гиней, ежели ты обрѣешь меня легко и не царапаешь; а вотъ два пистоleta, которыми я тужь же разможу тебѣ голову, ежели ты меня порѣжешь.“ — Не бойтись ничего, Милордъ, отвѣчалъ брадобрѣй, и началъ брить Англичанина съ удивительною легкостію. „Что это, братецъ?“ воскликнулъ Островитянинъ въ приятномъ удивленіи: „ты брѣешь прекрасно, не дрожишь!“ — „развѣ пистолеты не испугали тебя?“ — Нѣтъ, Милордъ! — „Какъ?“ — Такъ, Милордъ! я рѣшился, порѣзавши не нарочно, въ тужь минуту перехватить вамъ горло бритвою. — Сказываютъ, что съ того времени Милордъ пересталъ шумить съ брадобрѣями!

*

Нынѣшнее время безгрѣшно можетъ быть названо временемъ изобрѣпенія новыхъ азбукъ. Нѣкто господинъ Шене, пребывающій въ Парижѣ, изобрѣлъ новое письмо, состоящее изъ 77 цвѣтковъ, 3 мотыльковъ, 1 муравья, 1 жуки и 10 птичекъ. Каждая изъ упомянутыхъ фигуръ значить букву простую, или двугласную, или знакъ препинанія. Самъ достопочтенный господинъ Шене говоритъ о своемъ изобрѣпеніи какъ о дѣлѣ весьма важномъ. Въ Парижскомъ журналѣ (Journal de Paris) подтверждаютъ слова изобрѣшателя, и говорятъ, что отъ него еще болѣе ожидать можно; а въ Нѣмецкихъ листкахъ (Zeitung für die Elegante Welt) надѣются, что книга г-на Шене будетъ передѣлана и для Германіи. Какая утѣшительная надежда для Нѣмцовъ! и у нихъ будетъ азбука изъ мотыльковъ и цвѣтчиковъ!

*

Французская газета (Gazette de France) объявляетъ подъ спашьею изъ Лондона 19 Мая, что въ Англіи наконецъ получено достоверное извѣстіе о смерти славнаго путешественника Мунго Парка. Пишутъ, что онъ не могъ перенести безпокойствъ пуши; что бумаги его не отысканы, и что, по всей вѣроятности, плоды вшораго споль любопытнаго путешествія его по внутренней Африкѣ погибли.

IV. ПОЛИТИКА.

Отчетъ представленный Законодательному собранію Французскимъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ Графомъ Монпалеве, 29 Іюня.

Милостивые государи! Со времени послѣдняго засѣданія вашего Имперія увеличена *шестнадцатью* департаменстами, *пятью* миллионами жителей, землями приносящими *сто миллионовъ* дохода, берегами на *пятьсотъ* миль со всѣми ихъ пособіями для мореходства. Устья Рейна, Мааса и Шельды были не Французскія; кругообращеніе внутри Имперіи стѣснялось; произведенія среднихъ ея департаментовъ могли быть доставляемы къ морю иначе какъ посредствомъ чужихъ шаможенъ. Сіи неудобства навсегда уничтожились. Морской арсеналъ рѣки Шельды, отъ котораго можно надѣяться великихъ выгодъ, получилъ чрезъ то надлежащую свободу въ своихъ дѣйствіяхъ. Устья Емса, Везера и Ельбы везутъ къ намъ всякое дерево, растущее въ Германіи. Границы Имперіи примыкаютъ къ Балтійскому морю; и поелику мы имѣемъ теперь столь прямое сообщеніе съ северомъ: то намъ не трудно будетъ получать мачшы, конопля, мѣдъ и другія морскія потребности, какія только намъ будутъ нужны. Теперь мы имѣемъ все, что производятъ

для кораблестроенія Франція, Германія и Испалія.

Симплонъ, принадлежащій нынѣ Франціи, обезпечиваетъ для насъ новое сообщеніе съ Испалією.

Присоединеніемъ Рима разрушена противная стѣна, лежавшая между арміями нашими въ сѣверной Испаліи и въ южной, и мы приобрѣли новые берега Средиземнаго моря, сколько же нужные и полезныя для Тулона, сколько берега моря Адриатическаго для Венеціи. Въ семъ присоединеніи еще есть и та сугубая выгода, что Папы уже болѣе не самодержцы, и что они уже не чужіе Франціи. Надлежитъ только раскрыть Историю, чтобы вспомнить о стѣнѣ бѣдствійхъ, которыя нанесены вѣрѣ смѣшеніемъ свѣтской власни съ духовною. Папы всегда церковныя дѣла приносили на жертву свѣтскимъ.

Не разводъ Генриха VIII оподѣлилъ Англію отъ Римской церкви, но подать плащная Апостольскому пресполю.

Ежели полезно и для государства и для вѣры, что Папа не есть уже самодержецъ; не менѣе и по полезно для Имперіи, что Римской Епископъ, глава нашей церкви, намъ не будетъ чуждымъ, и что онъ соединитъ въ сердцѣ своемъ любовь къ вѣрѣ съ любовію къ отечеству, кою опличаются возвышенныя души. Впрочемъ сіе одно только и есть средство, справедливую власть, какую Папа имѣть долженъ въ дѣлахъ духовныхъ, сообразитъ съ правилами Имперіи, коими не дозволяется,

чтобы посторонній Епископъ имѣлъ на дѣла
какое-либо вліяніе.

Императоръ доволенъ расположеніями, ко-
ими одушевляея все его духовенство.

(За симъ Министръ подробно предла-
гаетъ о богослуженіи, о судебномъ по-
рядкѣ, объ управленіи, о народномъ про-
свѣщеніи, объ искусствахъ и наукахъ, о
публичныхъ зданіяхъ, о дорогахъ и проч.;
попомъ продолжаетъ:)

Морская сила.

Мы лишились Гваделупы и Ильдефранса.
Желанію подать помощь симъ колоніямъ несо-
отвѣтствовало погдашнее состояніе эскадръ
нашихъ, которыя попому и немогли бытъ
высланы въ море.

Со времени присоединенія Голландіи спра-
на сія доставила намъ 10,000 мапросовъ и 13
кораблей линейныхъ. Мы имѣемъ значитель-
ные флоты на Шельдѣ и при Тулонѣ. По нѣ-
скольку линейныхъ кораблей стоить въ раз-
ныхъ гаваняхъ, а 15 такихъ же кораблей на-
ходятся на Антверпенскихъ верфтяхъ. Все
устроено такимъ образомъ, чтобы эскадра
наша на рѣкѣ Шельдѣ ежегодно была увели-
чиваема значнымъ числомъ кораблей военныхъ.
Два корабля линейные строятся въ Шербургѣ,
а запасъ дерева и другихъ потребностей
столь великъ тамъ, что къ концу 1811 года
можемъ заложить еще пять кораблей воен-
ныхъ. Работа производится на всѣхъ верф-
тяхъ въ Лоріанѣ, Рошфорѣ и Тулонѣ. Мно-
жесиво судовъ военныхъ строится въ Вене.

ціи. Неаполь договоромъ обязался имѣть въ нынѣшнемъ году шесть линейныхъ кораблей и столько же фрегатовъ. Сіе Королевство не имѣетъ ихъ. Правительство онаго удостовѣрился въ необходимости вознаградити такое опущеніе.

Наши пособія, наше внутреннее судоходство доставочны къ возведенію въ немногіе годы морской нашей силы на ту степень, на кою которой находится она у неприятеля.

Опыты набора для морской службы удались хорошо. Молодые люди 18, 19 и 20 лѣтъ, находящіеся на военныхъ корабляхъ нашихъ, показываютъ великую охоту, и обучаются успѣшно. Частыя отправленія эскадръ нашихъ, плаваніе у береговъ, военныя упражненія флотовъ и флотилій на Зюйдерзее, на Шельдѣ и на рейдахъ подали случай молодымъ рекрутамъ показати успѣхи, которые общающъ очень много.

Война.

Въ одинъ годъ взяты многія крѣпости Испанскія послѣ такихъ осадъ, которыя приносятъ честь корпусу инженеровъ и артиллеріи Французской арміи. Болѣе 200 знаменъ, 80,000 плѣнныхъ и 100 пушекъ взято у Испанцевъ на разныхъ сраженіяхъ. Война сія уже приближалась къ концу своему, какъ вдругъ Англія, оставивши обыкновенную свою политику, выступила на первую линію. Слѣдствія войны сея предусмотрѣть не трудно; не трудно понять, какія дѣйствія она имѣть будетъ на судьбу міра.

Число жипелей въ Англіи недооцѣно для удержанія обѣихъ Индій, Америки и разныхъ заведеній на Средиземномъ морѣ, для защищенія Ирландіи и собственныхъ береговъ, для гарнизоновъ и экипажей на безчисленныхъ флотахъ, для дополненія ущерба людей въ упорѣйшей войнѣ прошиву Франціи на Испанскомъ полуостровѣ, между тѣмъ какъ многія обстоятельства намъ благоприятны. Англія подвергается опасности потерять множество жипелей своихъ, ежели рѣшится упорно продолжать войну; она навлечетъ на себя стыдъ, когда прекратитъ ее, послѣ столь продолжительнаго дѣйствія.

Франція имѣетъ 800,000 человекъ подъ ружьемъ; и если бы новая сила, новыя арміи двинулись въ Испанію для одолѣнія тамъ вѣчнаго врага, то 400,000 человекъ и 50,000 лошадей останетъ еще внутри Имперіи на берегахъ нашихъ и на границахъ, для защищенія нашихъ правъ повсюду, гдѣ только будетъ угрожать имъ опасность.

Система твердой земли, постоянно удерживаемая, подрываетъ основаніе Англійскихъ финансовъ. Уже Англія теряетъ въ курсѣ своемъ 33 процента. Произведенія колоній ея никуда не вывозятся; фабрики ея большею частью закрыты . . . а система твердой земли едва только началась! Черезъ десять лѣтъ пособія Англіи совершенно иссохнутъ.

Доходы ея состоятъ не изъ произведеній земли ея, но изъ прибытковъ отъ всемірной торговли. Теперь уже половина коншоръ ея закрыта. Тщетно Англичане полагаютъ

надежду свою на время и на событія, ихъ спрашьями приготоовленные, пщечно надбюшся, чтоо всемірная торговля ихъ возспановишся.

Касательно же Франціи, система пвердой земли не произвела никакой перембны въ ея положеніи. Десять лѣтъ были мы безъ морской торговли, и впредь безъ нее можемъ обойшися. Невпущеніе Англійскихъ товаровъ на пвердую землю открыло путь нашимъ мануфактурнымъ издблїямъ. А если бы путь сей и ояшь закрылся; по множество купцовъ найдешся для нихъ внушри Имперіи. Фабрики наши должны снабжать издблїями своими болѣе 60 милліоновъ жишелей.

Благососпояніе казны Императорской не основано на всемірной торговлѣ. Болѣе 900 милліоновъ, пошребныхъ на издержки въ Имперіи, еспешивенно соспавляюшся изъ прямыхъ и непрямыхъ налоговъ. Англїи пошребно для своихъ издержекъ двѣ тышячи милліоновъ; а собственныя доходы ея едва соспавляютъ претью того долю. Какъ же думать, что Англїи можешъ столь же долго какъ и мы выдерживать войну сію? . . .

Всякой благоразумной человекъ долженъ бышь увѣренъ, что Франція въ продолженіе десяти лѣтъ можешъ оспаваться при шеперешнемъ своемъ состояніи и незнашь другихъ затрудненій, кромѣ тѣхъ какія испышала она въ минушїа десяти лѣтъ, неувеличивая долговъ своихъ и исправно удовлешворяя всѣмъ своимъ пошребностямъ наличными деньгами.

Англія въ военное время ежегодно должна занимать 800 милліоновъ; въ десять лѣтъ что составляетъ 8,000 милліоновъ, и проч.

Уже четвертой годъ ведемъ мы войну въ Испаніи; но Испанія будетъ покорена (положимъ) черезъ нѣсколько лѣтъ, и Англичане будутъ изъ нее выгнаны. Что значатъ немногіе годы, когда дѣло идетъ объ ушверженіи великой Имперіи и о спокойствіи дѣтей нашихъ? Недумайте, будто правительство не жалеетъ мира; но миръ заключенъ бытъ не можетъ дополь, пока дѣлами Англіи управляютъ люди, которые во всю жизнь свою хотѣли войны. Какая польза для Франціи заключить миръ безъ увѣренности, что онъ останется прочнымъ?

По прошествіи двухъ лѣтъ Англичане стали бы задерживать наши корабли, и, по прежнему своему обыкновенію, начали бы разорять торговые наши города: Бордо, Нантъ, Амстердамъ, Марсель, Генуу, Ливорну, Венецію, Неаполь, Триестъ, Гамбургъ. Такой миръ былъ бы не иное что какъ западня, поставленная для нашей торговли; онъ былъ бы полезенъ только для Англіи, для которой снова открылись бы средства сбывать товары, и уничтожилась бы система твердой земли. Поручительство за миръ должно быть въ нашихъ флотахъ и въ нашей морской силѣ. Мы можемъ съ благонадежностію заключить миръ, тогда какъ будетъ у насъ 150 кораблей военныхъ; и, несмотря на военные препятства, состояннѣ Имперіи таково, что мы въ короткое время увеличимъ то число кораблей у себя приготовивъ; съ одной стороны поручительство на-

него флота, а съ другой поручительство Англійскаго управленія, основаннаго на правилахъ совершенно отличныхъ отъ правилъ нынѣшняго кабинета, могутъ доставить миръ цѣлому свѣту. Нѣтъ сомнѣнія, что миръ былъ бы для насъ весьма полезенъ; его желать должно по всѣмъ причинамъ; скажемъ еще болѣе: вся твердая земля, весь свѣтъ желаетъ его; но мы имѣемъ у себя ушѣшеніе, а именно, что непріятель еще болѣе нежели мы желаетъ мира. Сколько бы Англійское правительствовало спаралось народъ охотный до новостей заглушать ежедневными сочиненіями и другими средствами, приводящими его въ дѣйствіе; нельзя однакожъ упустить отъ свѣта, что миръ для Англіи со дня на день становившся нужде, и проч.

(Изъ Моск. Нѣм. Вѣдом.)

Обозрѣніе происшествій.

Парижъ. Іюня 16 Императоръ Наполеонъ присутствовалъ въ Законодательномъ словіи. По приведеніи къ присягѣ вновь избранныхъ членовъ, Е. В. произнесъ рѣчь, изъ которой сообщается здѣсь нѣсколько отрывковъ: . . . „Что половина Европы отдѣлилась отъ Римской церкви, то приписать можно прошивурбцію, которое всегда было между всеобщими истинами и правилами вѣры и между приязаніями и выгодами, принадлежащими небольшому уголку Италіи. Я навсегда положилъ конецъ сему соблазну. Я присоединилъ Римъ къ Имперіи, Я пожаловалъ

дворцы Папамъ въ Римѣ и въ Парижѣ. Ежели польза вѣры драгоцѣнна ихъ сердцу: то они могли бы часто имѣть пребываніе свое въ средоточіи дѣлъ, касающихся до всего христіанства: такимъ образомъ Святой Петрѣ предпочелъ Римъ самому пребыванію во Святой землѣ.“ . . . . „Правила принятыя Англійскимъ правительствомъ, не уважать никакого флага, заставили меня утвердить за собою устья Емса, Везера и Ельбы, и содѣлали для меня необходимымъ внутреннее сообщеніе съ Балтійскимъ моремъ. Я желалъ приращенія не въ пространствѣ земель моихъ, но въ средствахъ мореходства.“ . . . . „Англичане всѣ страсти приводятъ въ движеніе. Они по приписываютъ Франціи всѣ намѣренія, могущія обезпокоить прочія державы, намѣренія, кои Франція могла бы произвести въ дѣйствіе, когда бы онѣ понадобились ея полиціи; по вызываютъ къ самолюбію народовъ, дабы возбудишь ихъ ревность. Они ловятъ всѣ обстоятельство, происпекающія изъ неожиданныхъ происшествій нашего времени: одна только война прошиву всѣхъ частей твердой земли можетъ обезпечить ихъ благосостояніе. Я ничего болѣе не требую, кромѣ содержащагося въ заключенныхъ мною договорахъ. Кровію народовъ моихъ никогда не пожертвую выгодамъ, которыя не суть выгоды моей Имперіи. Надѣюсь, что миръ на твердой землѣ не будетъ нарушенъ.“

„Король Испанскій прибылъ, чтобы имѣть личное участіе въ нынѣшнемъ торжествѣ. Я содѣлалъ для него все нужное и приличное къ соединенію выгодъ и духа разныхъ народовъ его областей. Съ 1809 года большая часть

крѣпостей Испанскихъ взята послѣ осады достопамятныхъ. Мятежники были побиваемы на многихъ полевыхъ сраженіяхъ. Англія уразумѣла, что война сія приближается къ своему концу, и что коварныя дѣйствія и золото уже недоспапечны къ ея продолженію. Она принужденною нашлась переѣмнить свойство сей войны, и изъ помощницы сдѣлалась главною стороною. Всѣ линейныя войска ея оппавлены на полуостровъ: Англія, Шотландія и Ирландія обнажены. Кровь Англійская нанослѣдокъ полилась большими волнами на многихъ сраженіяхъ, славныхъ для Французскихъ армій. . . . И такъ сія брань съ Кароагеною, коей по видимому надлежало бы рѣшиться на поляхъ Океана, или за морями, окончилась на равнинахъ Испанскихъ! Когда Англія истощилась; когда наконецъ она почувствуетъ все зло, которое сама въ теченіе двадцати лѣтъ изливала на твердую землю; когда половина семействъ ея будетъ покрыта погребальнымъ флеромъ: тогда громовой ударъ положитъ конецъ дѣламъ полуострова и судьбамъ войскъ его, и окончивъ сію вступную Пуническую войну, оппмститъ за Европу и Азію.“ И проч.

(Изъ *Merc. de France.*)

Отъ 12 Іюня. Н. ст. Обрядъ крещенія Короля Гиджакаго совершенъ былъ 9 числа со всѣмъ великолѣпиемъ, соотвѣпспвеннымъ важности сего случая. Король внесенъ былъ въ церковь Гофмейстериною своею, по сторонамъ коей шли другія дамы, и одинъ изъ первыхъ чиновниковъ несъ конецъ мантіи, изъ серебрянаго тласена, подбитой горностаемъ, которою покрытъ былъ

младенецъ. При церемоніи по правую сторону Императора находился Король Римскій на рукахъ у Гофмейстерины; подлѣ него былъ Великій Герцогъ Вирцбургскій, потомъ мать Его Величества Императора, а близь ея Принцы Императорскаго Дома. По лѣвую сторону Императора была Императрица и Принцессы Фамиліи Императорской. По совершеніи крещенія, Императоръ взялъ сына къ себѣ на руки и приподнялъ его. Тогда цѣлый оркестръ огласилъ церковь торжественною музыкою, при которой младенецъ и опнесенъ былъ изъ церкви. За симъ Кардиналъ Великій Омонье, совершавшій обрядъ крещенія, началъ *Тебе Бога хвалишь*; послѣ чего пѣніе продолжалось еще, и отъ Кардинала дано было всей церкви Епископское благословеніе. Императоръ и Императрица опустились при семъ случаѣ на колѣни. Всѣ жители Парижскіе стеклись около церкви къ сей церемоніи, и множеству иностранцевъ участвовали въ томъ равнобрно. Въ 8 часовъ вечера Ихъ Величества изволили прибыть въ городской домъ, гдѣ для нихъ отъ городского общества данъ былъ столъ, а потомъ концертъ и балъ. За столомъ сидѣли слѣдующимъ порядкомъ: Императоръ, по лѣвую руку отъ него Императрица, Королева Голландская, Принцесса Боргезе, Великіе Герцоги, Вирцбургскій и Франкфуртскій; по правую, мать Императора, Король Гишпанскій, Король Вестфальскій, Принцъ Боргезе и Принцъ Вице-Король. Надъ мѣстами Императора и Императрицы были балдахины. Свища Императорская находилась впереди стола. Придворные чины исправляли при столѣ свои должности. Зала украшена была гербами сорока девяти добрыхъ городовъ (*soixante-neuf vil-*

ies). Въ 11 часовъ Ихъ Величества возврати-
лись въ Тюльери, а опшуда опправились въ
Сенъ-Клу, куда Король Римскій опвезенъ былъ
еще прежде.

(Свѣ. Почт.)

Отъ 18го Юня. Н. ст. Первое засѣданіе
Національнаго Собора происходило вчера слѣ-
дующимъ образомъ:

Въ 7 часовъ утра опворена была Париж-
ская Соборная церковь, и въ весьма короткое
время наполнилась множествомъ людей, меж-
ду коими находились какъ здѣшніе, такъ и
иностранные Министры и многія другія зна-
чмыя особы.

Въ 9 часовъ Члены Собора опправились
изъ Архіепископскаго дома въ Богородичную
церковь. Шествіе сіе происходило слѣдую-
щимъ порядкомъ: сперва шли церковнослужи-
щіе; потомъ несенъ былъ крестъ; за симъ
слѣдовали церемоніймейстеры, хористы, свя-
щеннослужители и должностныя лица при
Соборѣ: Члены Капитула Соборной церкви;
Члены Собора въ полномъ одѣяніи, приспоје-
номъ сану каждаго; два Епископа, и наконецъ
священнодѣйствующій Кардиналъ въ Архіепис-
копскомъ облаченіи. Въ Соборѣ предсѣдатель-
ствующій Кардиналъ Фещъ, Архіепископъ Лион-
скій, Примасъ Галликанскій. Члены Собора и
принадлежащіе каждому изъ нихъ священники
заняли приготовленные для нихъ мѣста. Ка-
питулъ Соборный и духовенство Парижское
сѣли по другую сторону отъ олтаря. По
прочтеніи Евангелія, Булонь, Епископъ Трой-
скій, говорилъ проповѣдь, по окончаніи кошо-

рой Кардиналъ продолжалъ литургію. Всѣ Епископы, въ приличное время давъ другъ другу мирное лобзаніе, приступили по два въ рядъ ко святому Причащенію, которое и принимали изъ рукъ священнодѣйствоваваго Кардинала. По совершеніи литургіи были читаны приличныя молитвы, а потомъ пѣты разные псалмы. Служащій Кардиналъ молился за Папу, за Императора и за Соборъ. Епископъ Нантскій провозгласилъ съ кафедры на Латинскомъ языкѣ актъ объ открытіи Собора, вопрошая между прочимъ: желаютъ ли начать Национальный Соборъ? (placet ne vobis?) Всѣ Епископы одинъ за другимъ отвѣчали: placet. Тогда священнодѣйствоващій и предсѣдательствующій Кардиналъ сказалъ: „Актъ сей принятъ всѣми Членами, и потому объявляется, что Соборъ открытъ.“ Потомъ воспѣше было: *Тебе Бога хвалимъ*, и прочтенъ другой актъ, содержащій правила о порядкѣ дѣйствій сего Собора, de modo vivendi in Concilio. По прочтеніи сего акта, всѣ Члены вопрошаемы были объ ономъ по одиночкѣ, и каждый изъ нихъ отвѣчалъ: *adsum*. Потомъ они читали Символъ вѣры, и пѣли кончили первое засѣданіе. Соборъ раздѣленъ будетъ на собранія частныя и общія, и сверхъ того на общія засѣданія. Въ частныхъ собраніяхъ предварительно разбираемы будутъ дѣла, коими Соборъ долженъ заниматься. Объ успѣхѣ своихъ трудовъ они спашутъ увѣдомлять собранія общія, которыя разсмотрѣвъ ихъ разсужденія, будутъ изъ оныхъ составлять акты. Обнародованіе сихъ актовъ возлагается на общія засѣданія. Императорскіе Коммисары сядутъ въ Соборъ напрошивъ Предсѣдательствующаго. Собору предоснавлены

тѣ же самыя почести, каковыя имѣютъ первыя Государственныя сословія. На печати онаго изображенъ крестъ въ полѣ, усѣянномъ пчелами, съ надписью вокругъ: *Consilium Nationale, Parisiis anno 1811*. Въ Соборѣ присутствуютъ болѣе ста Епископовъ.

Отъ 20го Іюня. Н. ст. Президентомъ Законодательнаго Сословія избранъ Графъ Монпелю. По донесенію, полученному здѣсь изъ Испаніи отъ Графа Сюше, главнокомандующаго Аррагонскою арміею, войска наши взяли приступомъ крѣпость *Оливу*; оставшіеся послѣ сраженія 900 чел. гарнизона и 70 Офицеровъ взяты въ плѣнъ; въ крѣпости найдено 47 пушекъ и множество военныхъ снарядовъ и припасовъ. (С. П. В.)

Отъ 27 Іюня. Н. ст. Король Вестфальскій и Герцогъ Вирцбургскій отправилась: отсюда обратно въ свои владѣнія.

(Съв. П.)

*

Презбургъ, отъ 30го Маія. Н. ст. Третьяго дня въ два часа поутру загорѣлся Презбургскій замокъ, служившій съ нѣкотораго времени вмѣсто казармъ. Пожаръ распространился съ такою скоростію въ предмѣстіи города, что въ короткое время болѣе 80 домовъ превращены въ пепелъ; при чемъ около 20 человекъ лишились жизни. Причина сего пожара еще неизвѣстна; публика дѣлаетъ о немъ разныя заключенія.

Отъ 4го Іюня. Н. ст. Убытокъ, нанесенный бывшимъ здѣсь пожаромъ, прости-

рается до 2хъ миллионовъ гульденовъ; 77 большихъ домовъ испреблены совершенно.

Отъ 15го Юля. Н. ст. Сего дня Его Величество Императоръ нашъ опять отправился въ Баденъ. Сего числа 1200 гульденовъ банковыми ассигнаціями стоили здѣсь не болѣе 100 гульденовъ наличными деньгами. По донесенію Коммисіи, учрежденной для размѣна и уничтоженія ветхихъ ассигнацій, собрано оныхъ въ печеніи первой четверти сего года на 89,271,960 гульденовъ, и на такую же сумму выдано новыхъ ассигнацій. Всѣ Консулы, которые находились по приморскимъ городамъ въ усупленныхъ береговыхъ провинціяхъ, нынѣ правительствомъ нашимъ ошозваны; ибо тамъ пребываніе ихъ сдѣлалось не нужнымъ. Мы не имѣемъ нынѣ никакой морской торговли.

Лондонъ, отъ 14го Юля. Н. ст. Изъ Лиссабона пишушь, что въ Испаніи и въ Португалліи въ непродолжительномъ времени должны произойти важныя сраженія. Думаютъ, что Французы намѣрены нечаянно напасть на арміи наши съ сѣверной и южной стороны рѣки Тага; что Маршалъ Мармонтъ, получивъ въ подкрѣпленіе новыя войска, изъ самой середины Испаніи пришедшія, сразится съ Брентомъ Спенсеромъ на Леонскихъ равнинахъ, а между тѣмъ Маршалъ Сультъ, какъ скоро подойдетъ къ нему новыя дивизіи, учинитъ нападеніе на союзниковъ въ Гвадалquivирской долинь. По частнымъ письмамъ, Маршалъ Сультъ и по сіе время имѣетъ главную свою квартиру въ *Леренъ*, куда, какъ кажется, собираетъ онъ всѣ свои воинскія си-

ль. — Маршалъ Бересфордъ прибылъ въ Ель-
васъ, откуда намѣренъ онъ отправиться въ
Англію; мѣсто его заступитъ Генералъ
Гилль. — Въ бывшемъ вчера засѣданіи Нижня-
го Парламента, г. *Бриандъ* предложилъ под-
нести Принцу-Регенту адресъ, и проситъ его
о сообщеніи Парламенту списка съ бывшего
въ 1810 году между Французскимъ и Англій-
скимъ правительствомъ сношенія о размѣнѣ
плавныхъ.

Отъ 20го Іюня. Н. ст. По письмамъ изъ
Ангольша, флотъ Адмирала Сомафеца еще
по сіе время не входилъ въ Балтійское море.
Онъ стоитъ на якорѣ въ окрестностяхъ Го-
спенбурга. — Въ прошедшій понедѣльникъ бы-
ла у г-на. Персевала Депутація, составленная
изъ купцовъ всѣхъ главныхъ городовъ Велико-
британскаго Королевства, торгующихъ про-
изведеніями Западной Индіи; она подала ему
донесеніе о бѣдственномъ положеніи торгова-
ли. — Въ Западной сторонѣ отъ Булони учре-
жденъ большой лагерь. Въ ясную погоду, ко-
торая продолжается нѣсколько дней, виднѣнъ
съ нашего берега весьма длинный рядъ пала-
токъ.

Отъ 22го Іюня. Н. ст. Вчера получены
здѣсь отъ Адмирала Сомафеца депеши изъ Вин-
торъ-Зунда отъ 14го Іюня; въ оныхъ Адми-
ралъ уведомляетъ о взятіи нѣсколькихъ Даш-
скихъ купеческихъ кораблей; кромѣ сего нѣтъ
въ нихъ никакихъ важныхъ извѣстій.

7го числа Іюня Лордъ Канцлеръ предло-
жилъ въ Нижнемъ Парламентѣ поставить въ
Соборной церкви Св. Павла памятникъ Генералу

Гугшону, убишому на сраженіи при Албуэрѣ. Предложеніе сіе принято всѣми единодушно.

✱

Карлсруге, отъ 10 го Іюля. Н. ст. Столица сія и все владѣніе погружены въ глубочайшее уныніе кончиною нашего Государя, Великаго Герцога Карла Фридриха, всѣми поданными своими весьма любимаго и достопочитаемаго. Кончина Его Королевскаго Высочества послѣдовала сего утра въ 3 часа, на восемьдесятъ претшемъ году отъ рожденія. Нукъ Его Высочества, Великій Герцогъ Карлъ, шупилъ по немъ во владѣніе, и по объявленіи о помъ манифеспа, сего дня учинена была ему присяга.

(С. П. В.)

Изъ Саксоніи, отъ 12 Іюня. Н. ст. Въ Лейпцигѣ не бывало еще никогда такого уныніа и остановки въ торговыхъ дѣлахъ какъ нынѣ. Слѣдствія неудачной послѣдней тамо армарки спановятся ежедневно ощутипельѣ во всемъ Государствѣ. Подобныя же сему печальныя извѣстія получаютъ изъ многихъ окрешныхъ мѣстѣ и владѣній. Сотни ткацкихъ и прядильныхъ станковъ стоятъ теперь безъ дѣйствія, и тысячи масперовыхъ ходятъ по міру. По сей причинѣ, не взирая на крайнюю дешевизну во всемъ, никпо ничего купишь не въ состояніи; ибо наличной монеты ни у кого нѣтъ. Въ 1805 и 1806 годахъ, когда шефель ржи стоила отъ 9 до 10 талеровъ, самые бѣднѣйшіе фабриканты могли однако себя прокормить. Нынѣ ремесленникъ не можетъ заплашишь и малой суммы, одного талера 20 грошей за шефель, и дол-

женѣ просишь милоспины, или искашь себѣ пропитанія въ своего опечества.

(Свв. П.)

Кенигсбергъ, отъ 15го Іюня. Н. ст.
 Вчера около 1го часа по полудни произошелъ въ одной части здѣшняго города столь сильной пожаръ, каковаго здѣсь никшо не запомнишь. Находившіеся тамо купеческіе магазины, кои наполнены были хлѣбомъ, пенькою, саломъ, масломъ, виномъ и разными Россійскими поварами, всѣ сгорѣли. О спасеніи чего либо изъ оныхъ поваровъ не лзя было и думать; малѣйшая искра, упавшая на сіи удобно загорающіяся вещества, производила въ одну минуту ужасный пламень. Вся передовая часть предмѣстія и нѣскольکو домовъ задней части, всего вмѣстѣ съ магазинами отъ 300 до 400 строеній, обращены въ пепелъ. По одному токмо примѣрному изчисленію убытокъ, причиненный симъ пожаромъ, простирается до нѣсколькихъ милліоновъ.

Стокгольмъ, отъ 4 Іюня. Н. ст. На островѣ *Вермденъ*, не далеко отъ здѣшней столицы находящемся, между нѣкопорыми жителями онаго, собравшимися для набора рекрутъ, оказались слѣды неудовольствія противъ правительства: но мѣспнымъ начальствомъ были приняты скорыя и надежныя мѣры къ убѣжденію виновныхъ, сколь поступокъ ихъ гнусенъ, и какое заслуживаютъ они наказаніе. Послѣ сего ропотъ недовольныхъ тотчасъ прекратился. Въ минувшее Воскресенье, 26го Мая, съ острова *Вермдена* прислана была депутація съ извиненіемъ къ Его Королевскому Высочеству, Наслѣдному Прин-

цу; ибо отъ Его Величества ему поручено было принять оную. Она предводима была публичнымъ Нотариусомъ *Бислингомъ*, который при семъ случаѣ говорилъ рѣчь, преисполненную вѣрноподданническихъ чувствованій. Его Королевское Высочество изволилъ попомъ сдѣлать на Французскомъ языкѣ опись, который немедленно переведенъ былъ на Шведской языкѣ. — — Король изволилъ объявить, что по ходатайству Его Высочества Наслѣднаго Принца Онъ предастъ забвенію пресупленіе жишелей *Вермдена*, съ шѣмъ однакожъ чтобы они впредь поведеніемъ своимъ оправдали сію высочайшую его милость, и чрезъ то принесенное ими раскаяніе сдѣлали бы нещепнымъ.

✽

Альтона, отъ 21го Іюня, Н. ст. Ея Королевское Высочество Наслѣдная Принцесса Шведская, прибывшая въ минувшій вторникъ изъ Спокгольма въ здѣшній городъ, изволила отправиться отсюда во Францію къ тамошнимъ цѣлишельнымъ водамъ.

(С. П. В.)

У в ѣ д о м л е н і я.

Изъ Рославля при письмѣ 15 Іюня деньги 40 рублей получены, и по желанію неизвѣстной благотворищельной особы отправлено изъ нихъ; въ Ростовъ что на Дону, къ П. Н. Тешюпину для Генераль-Маіорши Ф. Д. В. 10 р. (Вѣстн. Евр. 1809. Но 17, стр. 50); въ Тамбовъ къ М. А. Чулкову для бѣдной слѣпой

Майорши 10 р. (шамъ же спр. 52); въ Бирючь къ Священнику Г. И. Попову для сиротъ діакона 10 р. (Вѣспн. Евр. № 18, спр. 121); въ Симбирскъ къ П. П. Тургеневу для Антона, шаросны большой Кандалы 10. р.

✱

Получены изъ Аспрахани при письмѣ 22 Юня отъ неизвѣстной особы 50 рублей, да изъ Красноярска при письмѣ же отъ г-на Чоглокова 25 руб., которые и отправлены въ Рязскъ къ тамошнему Почтмейстеру Доримедоншу Акимовичу Тулаеву для врученія вдовѣ Подпоручицѣ М. Ѳ. Вырковой (Вѣспн. Евр. 1811 № 9, спр. 71).

✱

Доставленные къ Издателю чрезъ служащаго при Департаментѣ пухей сообщенія съ письмомъ отъ Юля отъ неизвѣстной благотворительной особы 25 рублей опосланы въ Карачевъ къ А. А. Яковской (Вѣспн. Евр. 1811 № 4, спр. 324).

✱

Г. Рязскій Почтмейстеръ Д. А. Тулаевъ увѣдомляетъ Издателя, что сверхъ объявленныхъ уже въ 12 и 13 книжкахъ присылокъ получилъ онъ изъ Можайска 5 р. да изъ Екашеринославля отъ тамошняго г-на Прокурора 25 р. обладажившаго, что и впредь намѣренъ онъ доставлять по претямъ года шаковую же сумму. Оныя деньги по принадлежности вручены г-мъ Почтмейстеромъ вдовѣ Вырковой.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 15. АВГУСТЪ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.
~~~~~

Деканъ Бадайозскій.

(Повѣсть изъ соч. Красицк.)

Опецъ Деканъ Бадайозской кафедральной церкви былъ ученбе всѣхъ докторовъ Саламанкскихъ, а можетъ быть Коимбрійскихъ и даже Алкальскихъ. Онъ зналъ, какъ *Олче нашъ*, и тѣ языки, копорыми говоряшъ нынѣ, и тѣ, копорыми въ старину говорили; зналъ наизусть всѣ науки: сердце его сокрушалось только отъ того, что наука чернонижества была для него невѣдомою пайною. Тоскуя о своемъ горѣ, вдругъ увѣдомляется онъ, что въ городъ Толедо живешъ одинъ чернонижникъ, по имени Донъ - Торибіо. Ни минушы не медля опецъ Деканъ велѣлъ осѣлать свою ослицу, и ничому несказавшись, побжалъ въ Толедо.

Въ городѣ спрашивалъ онъ, гдѣ живеть Донъ - Торибіо. Ему указали на домъ, по наружности самой непышной. „Почтенный Донъ - Торибіо! я Донъ - Фернандесъ - Діегосъ - Капаліа - Фолдеронъ - Менезосъ - Парашаіосъ, Деканъ Бадайозской кафедральной церкви. Мудрецы величаютъ меня своимъ наставникомъ, а я желаю быть ученикомъ вашимъ.“ Донъ - Торибіо, хотя и чернокнижникъ, былъ нѣсколько грубъ въ обхожденіи, и отвѣчалъ прямо: „Отецъ Деканъ Бадайозской кафедральной церкви, Донъ - Фернандесъ - Діегосъ - Капаліа - Фолдеронъ - Менезосъ - Парашаіосъ! убирайтесь прочь отсюда! мнѣ уже надобно проклятое ремесло, которое знакомитъ меня только съ подобными вамъ людьми, съ неблагодарными.“ — Какъ неблагодарными! воскликнулъ Деканъ: не уже ли естъ на свѣтѣ такія чудовища? А хотя бы они и были! за чтожь, почтенный мужъ, причислять меня къ ихъ сонму? — Въ слѣдъ за симъ отецъ Деканъ началъ читать цѣлую диссертацію о благодарности, и такъ умно, такъ связно, такъ сильно, что убѣжденный Донъ - Торибіо общался поучить его чернокнижеству. „Маргарита! сказалъ онъ своей домоправительницѣ: зажарь двѣ куропатки; отецъ Деканъ сего дня опутжанаешъ со мною.“

Маргарита пошла въ кухню: Донъ-Торибіо ввелъ отца Декана въ кабинетъ свой, прикоснулся къ челу его, произнесъ слѣдующія слова (которыя чинашель долженъ упомянуть): Орлоболанъ, Несстрафреръ, Онагриафъ, и началъ преподавать свою науку. Ученикъ слушалъ съ неизяснимымъ любопытствомъ. Вдругъ отворилась дверь; входящъ Маргарита и за нею гонецъ, служащій при Епископѣ, дядя отца Декана. Гонецъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что Епископъ, пораженный параличемъ, скончался. Отецъ Деканъ въ шубъ минутой отправилъ гонца съ письмомъ обратно, а самъ занялся наукою, не думая ни о дядѣ ни о скоропостижной его смерти.

Черезъ нѣсколько дней прибѣжали отецъ псаломщикъ кафедральный и два монаха съ донесеніемъ, что Епископъ переселился отъ сей временной жизни въ вѣчную, и что осиротѣвшій по кончинѣ пасыря своего наипуль, единогласно избравши отца Декана въ преемники покойному, просилъ его о принятіи престола. Донъ-Торибіо, оставшись наединѣ съ ученикомъ своимъ, принесъ ему поздравленіе съ новымъ достоинствомъ, и прибавилъ, что у него есть одинъ сынъ Донъ-Антоніо, который за неспособностію къ чернокнижеству отправленъ учиться въ семинарію. Донъ-

Торибіо просилъ обѣ опдачѣ ему празднаго деканскаго мѣста. „Ахъ, любезный другъ! воскликнулъ наименованный Епископъ: могли ли не исполнишь швоей просьбы? вся жизнь моя недоспапочна для заплашы за великія швои одолженія; но разсмотри нынѣшнее мое соспоянїе: еспь у меня родной дядя, неперпѣливо ожидавшій, пока опкроешся праздное мѣсто декана; разсуди самъ, что скажешъ вся моя фамилія, когда забуду обѣ немъ при первомъ случаѣ. А всего важнѣе, что дядя мой богатъ, скупъ и спаръ, и что имущесшво его мнѣ достпанешся по наслѣдсшву. Но побдемъ въ Бадайозѣ вмѣстѣ со мною: деканская кафедра сущая бездѣлка; я сдѣлаю для Дона-Аншоніо другую, важнѣйшую услугу.“ — Донъ-Торибіо склонился, и оба побхали въ Бадайозѣ.

Преподаваніе науки продолжалось своимъ порядкомъ. Черезъ нѣсколько времени разнеслась молва о Епископѣ Бадайозскомъ по всему государсшву; онъ произведенъ въ Архїепископы городу Компосшеллѣ, и сверхъ того ему опѣ Двора дозволено назначить по себѣ преемника. Донъ-Торибіо не упустилъ споль благоприятнаго случая, и просилъ о назначенїи Дону-Аншоніо Епископскаго мѣста, или по крайней мѣрѣ деканской кафедры въ Бадайозѣ, ежели бы его

преосвященству заблагоразсудилось пожаловать въ Епископы своего дядю; чернокнижникъ не забылъ кстапи выхвалять выгоды Компоспельскаго престола. „Радъ бы душевно, сказалъ наименованный Архїепископъ: но что мнѣ дѣлать? Донъ-Родригецъ-де-Лара, Каспильскій Губернаторъ, пребуеишь неопшущно, чтобъ Епископскій престолъ опданъ былъ племяннику его Дону-Бартоломео; а ты самъ знаешь, любезный учитель, въ какомъ уваженіи при Дворѣ Каспильскій Губернаторъ. Признаешься ли тебѣ? его ходатайству обязанъ я полученіемъ Архїепископскаго престола.“ Донъ-Торибїо догадался, какихъ милостей ожидать должно отъ его преосвященства для Дона - Антонїо.

Ошправились въ Компоспеллу. Дона - Торибїо помѣстили въ пышномъ Архїепископскомъ домѣ, и онъ спокойно дожидался, что будетъ далѣе. Случились непредвидѣнныя произшествїя: прискакалъ отъ Папы гонецъ въ Архїепископу съ Кардинальскимъ достоинствомъ, съ приглашительною грамапою бѣхашъ въ Римъ, съ назначеніемъ въ должность Посла, и съ дозволеніемъ опредѣлить по себѣ достпойнаго преемника. Нѣсколько дней продолжались обыкновенныя поздравленїя. Наконецъ Донъ-Торибїо нашелъ случай напомнить о своемъ

сынѣ и просить для него ежели не Архіепископскаго мѣста въ Компостеллѣ, то по крайней мѣрѣ хотя деканской капеллы въ Бадайозѣ. „Для чегожѣ ты прежде не напомнилѣ мнѣ о томъ? сказалѣ преосвященнѣйшій, заикаясь: теперь опяшь надобно дожидаться, пока очистишься праздное мѣсто въ Компостеллѣ“ — Развѣ есть уже новый Архіепископъ? — „Два дни, какъ назначенѣ. Кто можеть отказать въ просьбѣ родной своей матери? Ты знаешь Архидіакона въ Бадайозѣ Дона-Діегоса-Палоса-Бермудеза: предѣ симѣ за тридцать пять лѣтъ онѣ былѣ духовникомѣ моей матери, Уже и во Двору отправленѣ нарочной съ донесеніемѣ. Побдемѣ вмѣстѣ въ Римѣ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другѣ мой! вели и Дону-Антоніо туда же ѣхать: тамѣ архіерейскія шапки сыплются градомѣ.

Кардиналѣ сдѣлался очень сильнымѣ, Очистилось вдругѣ нѣсколько весьма прибыльных мѣстѣ Епископскихѣ. Донѣ-Террибю напомнилѣ о своемѣ сынѣ. „Имѣешь справедливую причину, сказалѣ Кардиналѣ, досадовать на меня, жаловаться и даже упрекать меня въ неблагодарности, хотя въ цѣломѣ свѣтѣ нѣтъ человека, который былѣ бы меня благодарнѣе: но пошавѣ себя на моемѣ мѣстѣ: вспомни, что я иностранецѣ. возведенный на степень споль выше:

кую; не спалили бы всё порицать меня, когдабъ я началъ осыпашь милостями своихъ родныхъ и приближенныхъ? Подождемъ; архіерейская шапка не минетъ Дона - Антоніо; а почему знать? можешъ бышь онъ получилъ еще болѣе! Повторяю, дорогой Донъ-Торибіо, неспанемъ поропишьяся, и будемъ ожидать отъ времени окончанія нашего дѣла.“ Прощело нѣсколько лѣтъ, а о Донъ-Антоніо никто и не вспомнилъ.

Папа скончался. Кардиналы присупили къ избранію верховнаго первосвященника, и — къ чрезвычайному всѣхъ удивленію, Тіара dospалась бывшему Бадайозскому Декану. По совершеніи всѣхъ обрядовъ, Донъ-Торибіо допущенъ былъ на тайную аудіенцію къ Папѣ. Заплакавши отъ радости у ногъ святаго отца, умиленно припомнилъ онъ о Кардинальскомъ достоинствѣ для Дона - Антоніо. Святой отецъ, помолчавши немного, произнесъ слѣдующія слова: „Къ безмѣрному сердца нашего прискорбію увѣдомились мы, что подъ видомъ упражненія въ кавихъ-то таинственныхъ наукахъ предались вы ненавистному ремеслу чернокнижества: того ради желаемъ, чтобы вы какъ наискорбе оставили сію мерзость, и сверхъ того повелѣваемъ вамъ въ теченіе прехъ дней удалиться изъ нашихъ

областей, объявляя, что въ противномъ случаѣ будете строго наказаны.“

Донъ - Торибѣо скоро поднявшись съ земли, произнесъ на оборотъ шри тайнственныя слова, о которыхъ сказано было выше, отворилъ окно приемной залы и закричалъ: „Маргарита! довольно будешь одной куропатки!“ Въ ту минуту исчезло епископство Бадайозское, архіепископство Компостельское, дошописство кардинальское и папское. Отецъ Деканъ осмотрѣвшись, увидѣлъ, что находится въ кабинетѣ Дона - Торибѣо; попихоньку вышелъ, отвязалъ отъ дверей свою ослицу, сбѣлъ на нее и побжалъ въ Бадайозъ обратно.

(Съ Польск.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Гомеровой Иліады лѣсънь девятая.

(Переводъ Кострова.)

Такъ бодрствуя, всю ночь Троянска рать не
дремлешь;
Но Грековъ Бѣгства духъ, сынъ Ужаса об-
емлешь,
Духъ свыше посланный Владыкою небесъ:
Всѣ крѣпки ихъ вожди люшъ потоки слезъ.

Коль яростный Борей съ Зефиромъ бурнымъ
 въ спорѣ,
 Внезапно возлешаѣ съ Фракійскихъ спранѣ
 на море;
 Подвемлютъ горы волиѣ, и множатъ быспрый
 бѣгѣ,
 Песка и правѣ бугры со дна спремяѣ на брегѣ:
 Ажеяѣ шакѣ въ груди смущенна мысль шер-
 залась,
 И глубина сердецѣ сомнѣнемѣ волновалась.
 Печальми сокрушенѣ державный царь Апридѣ
 Скорбя, шруждаѣя, глашашаямѣ велишѣ,
 Да соберушѣ вождеѣ, зря бѣдства тако злая,
 Безѣ волая, именемѣ когождо нарицаѣя:
 Самѣ бодрствуемѣ среди избранѣйшихѣ царей.
 Возсѣли; онѣ возшавѣ съ болѣзненной душей,
 Вѣщаемѣ, и его шакѣ слезны поки лютяся,
 Какѣ черныхѣ водѣ струи съ утеса въ долѣ
 несущяся:

- „Вожди и Царѣ Аргивскихѣ всѣхѣ пле-
 менѣ!
 „Коль въ страшну бездну я Зевесомѣ низве-
 денѣ!
 „Неложный прежде знакѣ мнѣ далѣ сей Богѣ
 жестокѣй,
 „Что возвращаюся въ домѣ, пошравѣ Пергамѣ
 высокѣй;
 „Но се устроивѣ лестѣ, велишѣ сей Богѣ бо-
 говѣ
 „Бѣжашѣ мнѣ вспяшѣ, лишася шоль многихѣ
 здѣсь полковѣ.
 „Но что! угодно шакѣ его владычней волѣ;
 „Онѣ многи крѣпости повергѣ въ плачевномѣ
 долѣ,
 „Повергнетѣ и еще; всемошенѣ бо во всемѣ.
 „И шакѣ днесѣ моимѣ внимлите словесѣмѣ:

„Побѣгнемъ въ опчештво, гонимы бывъ судь-
бою;
„Надежды нѣтъ уже низвергнушь горду Трою.“

Онъ рекъ, и всѣ скорбя молчатъ на мнѣ
тѣй часъ.
Впослѣдокъ Діомидъ просперъ въ ихъ сонѣ
гласъ:

„Ашридъ! безуміе и робость ты являешь;
„Я первый пререши хочу, что ты вѣщаешь,
„Колико долгъ велитъ въ совѣтѣхъ средь вождей;
„И ты не раздражись о ревности моей.
„Ты прежде понося глаголомъ горделивымъ,
„Нарекъ меня въ поляхъ безсильнымъ, бояз-
ливымъ;
„Но вѣстъ Еллада вся, коль ложно ты вѣщаль:
„Тебѣ же Царь судьбы изъ двухъ едино далъ:
„Ты силой скипетра превыше прочихъ Грековъ,
„Но крѣпость, лучший даръ для брѣнныхъ че-
ловѣковъ,
„И духа мужество не царствуютъ въ тебѣ.
„Иль всѣхъ ты Грековъ чпишь подобными
себѣ,
„И что въ ихъ мышцахъ нѣтъ ни храбрости,
ни силы?
„Бѣги, коль духъ твой слабъ и мысли полъ
унылы;
„Извѣстенъ путь, твой близъ моря корабли;
„Но прачи ратники Аргивскія земли
„Пребудутъ здѣсь, доколь паденье узримъ граду;
„А если и они . . . . отверзтъ имъ путь въ
Елладу;
„Но мы, Сеенель и я, не свергнувъ Трок
въ пражъ,
„Не снидемъ на моря на быстрыхъ корабляхъ;
„Зевесъ бо къ сей спранъ намъ въ помощь шкъ
предъ нами.“

- Скончалъ; на рѣчь его воскликнули жвалами,
И мудрый Несторъ въ нихъ воздвигшись,
возгласилъ:
- „Тидеевъ сынъ! ты храбръ, исполненъ бо-
дрыхъ силъ;
- „И благосмыслиемъ въ сословіяхъ зѣвшихъ
„Ты побѣждаешь всѣхъ съ шобою равнолѣт-
ныхъ;
- „И днешнихъ истину словесъ зришь каждый
Грекъ;
- „Но ты еще не все, что благо намъ, изрекъ.
„Ты младъ, и могъ бы ты мнѣ быть юнѣй-
шимъ чадомъ;
- „Вождемъ же Греческимъ предъ симъ надмен-
нымъ градомъ
- „Благоразуміе избъ усъ твоихъ течешь.
„Хочу же нынѣ я, я шако старшихъ лѣтъ,
„Аргивскимъ воинствамъ полезная изчислишь;
„Согласно самъ Апридъ со мною будешь мы-
слишь.
- „Нѣтъ опчества шому, нѣтъ кровавыхъ, нѣтъ
боговъ,
- „Кто любитъ нагубныхъ междуусобій ковъ,
„И такъ, доколѣ мглѣ ночной да поверимся,
„Устроимъ вечера и брашномъ укрѣпимся;
„Пусть бодръ стража бдитъ между стѣной
и рвомъ,
- „Да въ сѣпи не падемъ, простертыя враговъ;
„Но ты, Апридъ, какъ вождь и высшій всѣхъ
Владыка,
- „Представи пиръ царямъ Ахейскаго языка;
„Обиліе вина всегда въ твоихъ шатрахъ,
„Что въ быспрыхъ для себя Елладскихъ ко-
рабляхъ
- „Съ Фракійскихъ береговъ переносятъ шумны
волны;
- „Всего, всего они для угощенья полны.

„Вождѣмъ же спекшимся покорствуй тѣмъ ус-
 шамъ,
 „Что лучши паче всѣхъ рекутъ совѣты намъ.
 „Коль много таковы совѣты днесь потребны!
 „Къ намъ близокъ сопоспашъ, близъ насъ ог-
 ни враждебны;
 „Прияшенъ ли для насъ огней Дарданскихъ
 свѣтъ?
 „Еллада въ ночь сію спасется, иль падешъ.“

Скончалъ, и словесамъ герои всѣ послушны.
 Сѣшамъ уже вожди на спражу крѣпкодушны;
 Сынъ мудра Неспора, опважный Фразимидъ,
 Плодъ Марса, Аскалафъ и Ялменъ знаменитъ,
 Деипиръ, Афарей и Меріонъ надменный,
 И грозный Ликомедъ, Креонтомъ въ свѣтъ
 рожденный.
 Въ слѣдъ каждого вождя сто ратниковъ те-
 кутъ,
 И страшно копьями десницы ихъ прясутъ;
 Приш и, возсѣли всѣ близъ рва, блистая мѣдью,
 И огонь воспламеня, уже крѣпяща снѣдью.

Апридъ же вводитъ въ сѣнь великій сонмъ
 вождей
 И пиръ успроилъ имъ благоприятный въ ней.
 Скончалось пиршество въ довольствіи, въ ош-
 радѣ;
 И се винія ихъ, хвала и честь Елладѣ,
 Его же слова всегдашне благо Грекѣ,
 Предъря полезная, премудрый Неспоръ рекъ:

„Апридъ, преславный вождь вождей Ахей-
 ской рати!
 „Тобой начну глаголь, побой хочу скончати.“

- „Зевесѣ премногихѣ власть племенѣ вручилѣ
тебѣ,
„Далѣ скипетрѣ, судѣ, законѣ пещись о ихѣ
судьбѣ;
„Всѣхѣ паче убо ты во время скорбно, слезно
„Здѣсь долженѣ возвѣщать, что мыслишь
быть полезно.
„Внимая и другимѣ, свершать того совѣтъ,
„Кто воинства всего ко благу что речешѣ;
„Совѣтовѣ же успѣхѣ твоей вмѣнитѣ власти.
„И такѣ реку, что я при общей всѣхѣ напасти
„Предвижу бытъ для насѣ спасительнѣй всего,
„И знай, полезнѣй нѣштѣ совѣта моего.
„Лишивѣ Ахилла ты прелестной Бризеиды,
„Намѣ бѣдѣ содѣлалѣ шворцемѣ, ему обиды;
„Кто въ злости сей изѣ Грекѣ тебѣ соизволяѣ?
„Я пагубный швой гнѣвъ, сколь можно, воспя-
щалѣ;
„Но гордостью влекомѣ и яростью слѣпою,
„Ты несравненному во крѣпости герою,
„Всегда любезному и жителемѣ небесѣ,
„Отъявѣ побѣды мзду, безчестіе нанесѣ:
„Потщися убо днесѣ смягчить его дарами;
„Пріязню, крошостью и дружества устами.“

Апрѣя сынѣ въ отвѣтъ: „О Несторѣ,
честь Князей!

- „Вѣщая такѣ, себя не осквернилѣ ты лжей:
„Я виненѣ, виненѣ я; зрю истину открышу,
„Сколь шверже многихѣ войскѣ послужитѣ
пошѣ въ защиту,
„Кого возлюбитѣ самѣ Владыка горнихѣ силѣ,
„Какѣ днесѣ, смиряя насѣ, Ахилла онѣ почтилѣ.
„Но зло содѣлавѣ я, хошу я зло исправитѣ,
„Потщусѣ вождя сеѣго склонитѣ и мирѣ воз-
ставитѣ,

- „Дарами многими почтись его готовъ;
 „И здѣсь исчислю вамъ богатства сихъ даровъ;
 „Преславно будетъ имъ, коль захочетъ, мзда
 прияша:
 „Треножникъ новыхъ седмь, шаланшовъ десять
 злата,
 „Конобовъ двадесать, лиющихъ блескъ лучей;
 „Двенадцать быспропой прославленныхъ коней,
 „Явившихъ многія побѣды средь ристаній.
 „Въ богатствѣ жилъ бы пошъ, въ довольствѣ
 всѣхъ стязаній,
 „Кто столько бы наградъ побѣдныхъ воспріялъ,
 „Колико оныхъ я чрезъ коней сихъ снискалъ.
 „Къ сему Лезвійскихъ седмь дамъ женъ ему
 прелестныхъ,
 „Блещавшихъ красой, искусствомъ рукъ ихъ
 вѣстныхъ,
 „Избранныхъ мной себѣ, какъ спрашный сей
 герой
 „Плѣнилъ высокій Лезвъ торжественной рукой;
 „Въ числѣ ихъ возвращу Бризеиду прекрасну,
 „И клятву дамъ ему и грозну и опасну,
 „Что я невиненъ въ ней и ложа чуждъ ея.
 „Сие исполню все въ часы ноци сея.
 „Но коль боговъ судьба разрушитъ Трои нами;
 „Въ раздѣлѣ онъ богатствъ межъ ратными
 сынами,
 „Пусть златомъ, мѣдію наполнитъ корабли;
 „Пусть двадцать женъ сея враждебныя земли,
 „Что по Еленѣ всѣхъ превзыдутъ красою,
 „По волѣ самъ избравъ, ведешь во плѣнъ съ
 собою.
 „Когдажъ достигнемъ мы Аргосскихъ гордыхъ
 стѣнъ,
 „Онъ будетъ зычемъ мнѣ; возлюбленъ мной,
 почтемъ;

„Какъ милый мой Орестъ, мой сынъ, дитя
желаній,
„Питаемый среди безчисленныхъ спяжаній.
„Три (*) дочери имамъ я по благости небесъ;
„Изъ нихъ, ея же онъ приятностями очесъ
„И нѣжной лѣпошой плѣнится свѣшла зрака;
„Приметъ ту себѣ на мягко ложе брака,
„Не щадя брачны дать ей дары отъ себя;
„Но и ему, его и дочь свою любя,
„Я дамъ сокровища и многи дары съ нею,
„Какихъ никто не зрѣлъ съ невѣсною своею.
„Еще я семь градовъ отъ царства моего
„На вѣки поручу владычеству его:
„Енопу, Кардамилъ и Гиру многоправну,
„Анею прелестными луговъ своихъ преславно,
„И Фиры, и Педавъ, Енею, лѣпный градъ:
„Противъ Пилоса всѣ они близъ волнъ стоятъ:
„Народъ въ нихъ многими обилуетъ стадами;
„Почтитъ сего вождя, какъ бога, онъ дарами,
„И скипроносную его лобзая длань,
„Усердно велию даяши будетъ дань.
„Се мзда ему, коль онъ отъ ярости престанетъ,
„И, преклоненъ мольбой, на подвиги возстанетъ;
„Единъ бо адъ Царь свирѣтъ, неумолимъ;
„Онъ убо всѣхъ боговъ несноснѣе земнымъ:
„Уступишь же и мнѣ, отринувъ злобны спра-
сти,
„Являя чesть моимъ лѣшамъ и высшей вла-
сти.“

Скончалъ; и Несторъ рекъ: „Божествен-
ный Апридъ!

„Твой даръ вождю сему великъ и знаменитъ.

(*) Имена ихъ: Хризопемиса, Лаодика, Ифи-
анасса.

„Попщимся убо мы избрать Князей дружину,
 „Да спѣшно пошекушъ въ шаперъ Пелея въ
 сыну.
 „Позволь, я нареку тебѣ героевъ сихъ:
 „Пусть Фениксъ, Зевса другъ, предпечей бу-
 детъ ихъ;
 „Великій же Аяксъ и Одиссей преславный,
 „Глашатаи, Одій и Еврипидъ державный,
 „Да въ слѣдъ ему грядутъ къ Ахилловымъ
 шапрамъ.
 „Но прежде пусть вода на длани дася намъ,
 „И всюду крошкое безмолвіе ліется,
 „Да сыну Кронову мольба отъ насъ прострется;
 „Онъ, можешь, шучу бѣдъ грозищихъ отже-
 нешъ.“

Такъ Несторъ рекъ; и всѣмъ угоденъ сей
 совѣтъ.

На длани вѣспники имъ воду изліяли,
 И чаши юноши виномъ уже вѣнчали;
 Подносятъ всѣмъ, и всѣ желаньемъ благъ горгъ,
 Приявъ и жертву тѣмъ Зевесу сотвора,
 Піуютъ, и не косня изъ велелѣпной сѣни
 Спѣшатъ послы въ свой пушъ ночной подъ
 кровомъ тѣни;

И Несторъ ревностный на каждого вождя
 Многовѣщающъ взоръ различно возводя,
 Ахилла какъ склоняшъ ихъ мудро поощряетъ,
 Но паче всѣхъ къ шому Улисса убѣждаетъ.
 Грядутъ, и волнъ Царю творяшъ мольбы въ
 пуши,

Дабы успѣхъ своихъ желаній обрѣсти.
 Доспигли до шапровъ Ахилла возвышенныхъ,
 И зряшъ, какъ въ мысляхъ онъ досадою сму-
 щенныхъ

Согласной арфою веселье возраждалъ,
 Героевъ бранный звукъ и славу воспѣвалъ;

Сей арфой, юже онъ приялъ себѣ въ награду,
Какъ Гетеонову свершилъ паденье граду.

Игралъ; Папроклъ молчащъ сидитъ прошивъ
его,

И пѣсни ждешъ конца воителя сего.

Послы просперлись вдаль Улиссу предгрядущу,

И сшали предъ лицемъ герою пѣсень поющу;

Ахиллъ узрѣвши ихъ, дивился, возстаешъ,

И съ арфою въ рукахъ во срѣтенье грядешъ;

Возсталъ же и Папроклъ, питомцевъ видя
брани,

Ахиллъ привѣстивуешъ пословъ, приявъ за
длани:

„Герои, здравствуйте! прияшенъ мнѣ вашъ
путь:

„Конечно бѣдшвій страхъ терзаетъ Грековъ
грудь?

„Но вы, пусть въ гнѣвѣ я, пусть дни влеку
и слезны,

„Вы драгоценны мнѣ, и паче всѣхъ любезны.“

Такъ рекши, внутрь шатра ведетъ ге-
рой пословъ,

И посаждая ихъ на пурпурѣ ковровъ,

Къ Папроклу; возгласилъ, вблизи его споящу:

„Дажь чашу большую, прекрасну и блестящу,

„И съ большей крѣпостью смѣси вино съ водой,

„И каждому пошире со тщаніемъ устрой:

„Дражайши бо друзья и мужи здѣсь желаній.“

Онъ рекъ; Папроклъ шворитъ по гласу
сихъ вѣщаній.

Ахиллъ же сковраду поставилъ на огни,

Съ хребтомъ овцы, козы и пучной свини;

Аспомедонъ мяса держалъ; онъ разсѣкаетъ,

И малыми частями на вершели вонзаетъ;

Межъ шѣмъ Папроклъ огонь великій возгнѣ.
 щаль;
 Когдажъ смирился огонь и ярый пылъ пре-
 спаль,
 Ахиллъ надъ угліемъ простеръ рожны съ мя-
 сами,

И солію кропиль, внимая имъ очами;
 И зря тошовы бысть, на дски ихъ возложилъ.
 Папроклъ приятный хлѣбъ, мяса же самъ Ахиллъ
 Раздѣльши, сѣлъ къ стѣнѣ противу Одиссея;
 И свѣшляхъ къ жителямъ небесъ благоговѣя,
 Да жершву сотворитъ, простеръ къ Папро-
 клу гласъ.

Сей другъ поспѣшно въ огонь повергъ начатки
 мясъ.

Наченшись пиршество, свершилось всѣмъ въ
 оспраду,

И нужна воздана и жаждѣ данъ и гладу.
 Премудру Фениксу далъ знакъ Аяксъ герой;
 То зря Улиссъ, поширъ виномъ исполнилъ
 свой,

И сыну поднеся Ѡеপিдину, вѣщающъ:

„Здравъ буди, Ахиллесъ! насъ пиръ твой
 услаждаетъ.

„Въ шапрѣ Вождя вождей, и во шапрѣ швоемъ
 „Довольны брашномъ мы, довольны пишіемъ:

„Не пиршество у насъ въ сердцахъ и не ушѣхи;
 „Колемъ спрахомъ насъ прощавныхъ силъ
 успѣхи;

„Не знаемъ, будешъ ли нашъ флотъ отъ врагъ
 спасенъ,

„Коль ты не снидешъ въ брань, во крѣпость
 облеченъ.

„Трояне гордые съ союзными полками

„Близъ наша стѣны, уже предъ кораблями

„Поспавили шашры, огней возжегши свѣтъ,
„Хвалясь, что ихъ никто отъ насъ не опже-
нетъ.

„Блится молніей Зевесъ имъ въ знакъ сча-
сливый,

„И Гекторъ ярошный, безспрашный и ки-
чливый,

„Надѣясь на него, всѣхъ ужасомъ тѣснилъ,

„Ни смертныхъ, ни боговъ свирѣпствуя не
чпиль;

„Онъ ждетъ златой зари, надѣясь несомнѣно

„Всѣхъ носы кораблей отторгнуть дерзновенно,

„Весь флотъ исплилъ огнемъ, Аргивскую же
рапъ

„Во мрачномъ пламени во гробъ мечемъ послать.

„Трепещемъ, чтобъ сея надежды и прещеній

„Свершитъ не восхотѣлъ небесныхъ Царь се-
леній;

„И не судилъ бы рокъ, просперши въ злобѣ
сѣть,

„На чуждемъ брегѣ намъ, внѣ опчества умереть.

„Возстани убо ты, хоть поздно, ополчися,

„И Греческихъ сыновъ извять отъ врагъ по-
пщися!

„Ты послѣ возскорбишь, зря насъ въ пучинѣ
бѣдствѣ,

„И помощь ниспослать уже не будешь средствъ.

„Предупреждай напастъ, и день ожесточенный,

„И смертоносный мечъ, на Грековъ вознесенный.

„О другъ! не тако ли родитель твой вѣщаль,

„Когда уже тебя къ Априду посылалъ?

„Любезный сынъ! тебя Юнона и Паллада

„Во крѣпость облекушъ къ препобѣжденью
града,

„Спропшивость умбрай ты сердца своего:

„Миролюбивымъ бышь надеждѣ всего.

- „Блюдись вражды; она влечетъ въ совѣты злые,
 „Блюдись, почтунъ за то и стары и младые.
 „Таковъ его совѣтъ, и онъ побой забвенъ;
 „Поне склонися днесъ, и буди укрощенъ;
 „Терзающія духъ остави мысли яры;
 „Апридъ тебѣ даетъ великолѣпны дары;
 „Угодно ли, внемли, исчислить я готовъ,
 „Колико онъ при насъ исчислилъ сихъ даровъ.
 „Преславна будетъ въ вѣкѣ побою мзда прията:
 „Треножникъ новыхъ седмь, талантовъ десять
 злата,
 „Конобовъ двадесять, лющихъ блескъ лучей,
 „Двенадцать быспропой прославленныхъ коней,
 „Явившихъ многія побѣды средь ристаній.
 „Въ богатствѣ жилъ бы шощъ, въ довольствѣ
 всѣхъ стяжаній,
 „Кто столько бы наградъ побѣдныхъ воспринялъ,
 „Колико ихъ Апридъ чрезъ коней сихъ снискалъ.
 „Къ сему Лезвійскихъ седмь дастъ женъ тебѣ
 прелестныхъ,
 „Блиспающихъ красой, искусствомъ рукъ из-
 вѣстныхъ,
 „Избранныхъ имъ себѣ, какъ шы, ведомъ судь-
 бой,
 „Плѣнилъ высокій Лезвъ поржешественной рукой.
 „Въ числѣ ихъ возвратитъ Бризеиду прекрасну,
 „И клятву дастъ тебѣ и грозну и опасну,
 „Что онъ невиненъ въ ней и ложа чуждъ ея.
 „Сие исполнишь все въ часы ноци сея.
 „Но коль Боговъ судьба разрушитъ Трою нами;
 „Въ раздѣлѣ всѣхъ богатствъ межъ ратными
 сынами
 „Ты златомъ, мѣдію наполни корабли;
 „И двадцать женъ сея враждебныя спраны,
 „Что по Еленѣ всѣхъ превзыдутъ красотою,
 „Избравъ, во Грецію шы поведешь съ собою.

- „Когдажъ достигнемъ мы Аргосскихъ гордыхъ стѣнъ,
 „Ты будешь зячь ему, возлюбленъ имъ, по-
 чтенъ,
 „Какъ сынъ его Орестъ, дитя его желвнй,
 „Ищяемый среди безчисленныхъ стяжанй.
 „Три дочери имать онъ по благовнн небесъ;
 „Изъ нихъ, ея же ты приятностями очесъ
 „И нѣжной лѣпоной пѣвнишься свѣтла зрака,
 „Примешь ту себѣ на мягко ложе брака:
 „Не щисся даръ ему дашь брачный отъ себя;
 „Но онъ тебѣ, тебѣ и дочь свою любя,
 „Онъ дастъ сокровища и дары многи съ нею,
 „Какихъ никто не зрѣлъ съ невѣстою своею.
 „Еще же семь градовъ отъ царства своего
 „Вручишь владычеству онъ скиптра швоего:
 „Енопу, Кардамилъ, и Гиру многоправну,
 „Анею, прелестьми луговъ своихъ преславно,
 „И Феры, и Педазъ, Епею, лѣпный градъ:
 „Прошивъ Пилоса всѣ они близъ волнъ стояшъ;
 „Народъ въ нихъ многими обилуетъ стадами,
 „И будетъ чшпшь тебѣ, какъ бога, онъ дарами,
 „И скиптроносную швою лобзая длань,
 „Усердно велию даяши будешь дань.
 „Се мзда, коль ты, склонясь, изыдешь пакъ
 къ бою!
 „Но мерзокъ и Апридъ и дары предъ побою?
 „Такъ прочихъ пожалѣй всѣхъ Грековъ о судьбѣ;
 „Всѣ должну воздадутъ какъ Богу честь
 тебѣ:
 „Безсмертенъ будешь въ нихъ швой подвигъ
 несразненный:
 „Уже бо Гекторъ днесъ, свирѣпствомъ опол-
 ченный,
 „Мечтая, что изъ Грекъ ему подобныхъ нѣтъ,
 „Дерзнувъ приближишься къ тебѣ, шбой па-
 деть.“

- Скончалъ; Ахиллъ вѣ отвѣщъ: „Лаерповѣ сынѣ державный,
 „Многосовѣтныи вождѣ, искусствомѣ вѣ бранѣхѣ славныи!
- „Что чувствую и что свершилъ намѣренъ я,
 „Нелестно все речешъ вамѣ искренность моя:
 „Ахиллу яко адѣ прошивенѣ и ужасенѣ,
 „Чей съ мыслями языкѣ и съ сердцемѣ несогласенѣ.
- „И тако, чтобѣ меня не щились вы склоняшъ,
 „Вамѣ чувствія хочу души моей вѣщати:
 „Вошце Елладска рашъ мольбы ко мнѣ возносите,
 „Вошце Апридѣ меня изыши вѣ подвигѣ просите:
- „Зане опличій нѣтъ и нѣтъ достойной мзды
 „Кровавы вѣ брани сей подвѣмлющимѣ пруды;
 „Здѣсь равна часъ тому, кто бодрѣ, кто бѣгству внемлетѣ,
 „Здѣсь равну честь герой и слабый мужѣ приемлетѣ.
- „Трудамѣ и праздности открышъ ко гробу слѣдѣ.
 „Что больше я другихѣ приялѣ отѣ всѣхѣ побѣдѣ,
 „Всегда срѣтая смерть средѣ грозныхѣ ополченій,
 „Противуставя грудь свирѣпости сраженій?
 „Какѣ пища снѣдѣ снискавѣ, неспосный терпимѣ гладѣ,
 „Питая оною своихѣ безкрылыхѣ чадѣ:
 „Такѣ я Апридамѣ вѣ честь за ихѣ супружницѣ лѣныхѣ
 „Былѣ ношю безѣ сна, былѣ вѣ день вѣ войнамѣ свирѣпыхѣ.
 „Двенадцать бо градовѣ я флотомѣ сокрушилѣ,
 „Единнадцатъ на сушѣ низложилѣ:

- „Изъ всѣхъ корысти всѣ премноги и богаты
„Апридомъ отъ меня на брегѣ семъ прияты;
„Онъ все себѣ смяжалъ, покоясь внутрь шатровъ,
„И мала часть была наградою полковъ :
„Онъ нѣкими почшилъ Князей, Вельможъ да-
рами ;
„И дары тѣ при нихъ; я только межъ вождями
„Любезной мнѣ жены владыкой симъ лишень.
„Вѣщайте, что сей флотъ Апридомъ ополченъ?
„Почто спремится рать Пергамски свергнуть
сѣбны ?
„Не ради ли одной прекрасная Елены ?
„Или однимъ своихъ Апридамъ жаль супругъ?
„Всякъ любилъ, чшилъ свою жену, кто чести
другъ ;
„И мнѣ Бризея дщерь, хоть въ брани мной плѣ-
ненна ,
„Любезна мнѣ была и сердцу драгоценна.
„Испоргнувъ убо мзду изъ рукъ моихъ Апридъ,
„Зоще покорствуешъ, вооще дарами льститъ:
„Съ другими и съ тобой пусть онъ, Лаершовъ
сыне ,
„Какъ флотъ спасши отъ врагъ, творитъ со-
вѣщны нынѣ.
„Онъ много безъ меня явилъ преславныхъ дѣлъ,
„Воздвигъ твердыни сѣбны и страшный ровъ
провелъ ;
„Но жаль, что, шако бодръ и въ срашвахъ
толь обленъ ,
„Прошиву Гекшора сей Вождь вождей безси-
ленъ.
„Сражалась ли когда моя за Грековъ длань ,
„Не мыслилъ Гекшоръ спать въ поляхъ ош-
крытыхъ въ брань ,

- „Всегда близъ Сцейскихъ вратъ Дарданцевъ
устроая ;
- „Тамъ нѣкогда меня леща ждашъ дерзая ,
- „Едва спремленья онъ избѣгнулъ моего ;
- „Но я не ополчусь уже противъ него.
- „Заупра всѣмъ богамъ сожгу я жертвы шучны ;
- „Оставляю не косня берега печальны , скучны.
- „Коль хочешь пы , Улиссъ , заупра узришь ны
- „Мой флотъ лещащій въ домъ чрезъ влажные
хребты ;
- „И если Царь морей желанный въспрѣ воздви-
гнешъ ,
- „Спранъ Фсійскихъ въ шрешъ день Ахиллъ
уже достигнетъ.
- „Богатства множествомъ обилуетъ мой домъ ;
- „Но я и сихъ береговъ сзаль , злато , мѣдь съ
сребромъ ,
- „Прелестныхъ женъ , и все , что жребій далъ
межъ вами ,
- „Во Фсію пренесу чрезъ волны кораблями ;
- „Награду же , что мнѣ Апридъ предъ всѣми
далъ ,
- „Онъ самъ ее при всѣхъ постыдно и отвѣалъ.
- „Вѣщай мои слова ему предъ ратью всею ,
- „Да раздражася всѣ прошивъ его душою ,
- „Коль мыслишь онъ и впредъ , поправъ без-
спыдствомъ честь ,
- „Еще кому изъ Грекъ устроишь тако лещь.
- „Скажи , да мнѣ въ лице , хощь дерзокъ и без-
спыденъ ,
- „Спрашишя онъ возрѣшь ! мнѣ взоръ его оби-
денъ ;
- „Совѣшовъ пущь моихъ не ждешъ и крѣпкихъ
силъ ,
- „Коварствомъ онъ меня презрѣннымъ раздра-
жилъ ;

- „Но впредь не обольстишь: пусть гибнетъ онъ
спокойно;
- „Зевесомъ бо лишенъ разсудка онъ достойно.
- „Онъ дары мнѣ даетъ? гнушаюсь ими я:
- „Презрѣннаго раба въ немъ зреть душа моя.
- „Стократно болѣе, чѣмъ нынѣ обладаешь,
- „Пусть гордый мнѣ Апридъ сокровищъ пред-
лагаетъ;
- „Или, сколь много ихъ несется въ Орхоменъ,
„Иль въ Фивы, славнаго Египта градъ блаженъ,
„Въ сей градъ, богатства гдѣ безчисленны
хранятся,
- „Гдѣ велелѣпиемъ своимъ сто вратъ гордятся,
„Изъ каждаго же грядущъ на подвигъ средь
полей,
- „Со колесницами двукратны сто мужей;
- „Или, сколь много песокъ и прахъ земли без-
численъ,
- „Толико пусть богатствъ даетъ сей вождь
несмысленъ:
- „Не укротишь меня, доколь достойну мечь
„Примешь злость его и ядоносна лещь!
- „Содѣлашь хочешь онъ мнѣ дочь свою женою?
- „Киприды пусть она сіяетъ красотою,
- „Искусствомъ будешь рукъ Трифонии равна,
- „Не можетъ возлещи на одръ ко мнѣ она;
- „Да изберетъ для ней Апридъ изъ Грекъ су-
пруга,
- „Множайшихъ спранъ Царя, себѣ по мысли
друга:
- „Коль Зевса длань меня во Фнію приведетъ,
„Мнѣ самъ тогда Пелей невѣсту изберетъ:
- „Въ Елладѣ много дѣвъ, достоинствами слав-
ныхъ,
- „Рожденныхъ кровію Царей скиптродержав-
ныхъ;

- „Изъ сихъ по сердцу я въ жену себѣ пойму :
 „Меня мой духъ влечетъ въ родительскомъ
 дому
 „Вкушаютъ спокойно плодъ Пелеевыхъ спяжаній,
 „Священный бракъ сверша со двою желаній :
 „Что жизни я своей сравнить могу съ цѣной?
 „Все, что имѣлъ Пергамъ предъ спрашной сей
 войной,
 „И всѣ сокровища Пиейска славна храма,
 „Гдѣ внемлетъ Фебъ мольбамъ съ куреньемъ
 оиміама,
 „Предъ даромъ жизненнымъ мечта и шѣнь одна:
 „Десница осприемъ меча ополчена
 „Удобно спяжетъ намъ преножники блестящи,
 „Страда коней, шельцовъ, стада руноносящи;
 „Но духъ оспавя плошь не возвратится вспяшь,
 „Нѣпѣ силъ, искусства нѣтъ еще его возвашь.
 „Любезна мать моя Фешида мнѣ вѣщаетъ,
 „Что къ смерти путь меня двоякій ожидаетъ:
 „Сражашьсяль буду здѣсь, я здѣсь паду мечемъ,
 „Но слава въ вѣчный родъ о имени моемъ;
 „Прейду ли въ опчешво, мнѣ къ славѣ путь
 пресѣченъ;
 „Но буду жизнию спокоенъ, долговѣченъ.
 „Мой благъ совѣшь и всѣмъ въ обратный путь
 спѣшите;
 „Не льститеся Пергамъ высокой низдожите :
 „Громоносяща длань ему съ небесъ покровомъ,
 „И воинство его всегда въ геройствѣ новомъ.
 „Грядише нынѣ вы къ Апридовымъ шапрамъ,
 „И все, что я вѣщаль, вѣщайте вы царямъ :
 „Да шщашся лучший путь сословіемъ избрати
 „Къ спасеню кораблей и всей Аргивской рати;
 „Зане склонитъ меня, да ополчуся въ бой,
 „Разумный вымысль ихъ содѣлался шщешой.

„Но Фениксъ здѣсь въ шатрѣ себя да успо-
коитъ ,
„Заупра путь со мной въ желанный домъ ус-
троитъ
„По волю, силой же не будетъ увлеченъ.“

Самчалъ. Песлы внуша стѣшъ ожесто-
ченъ ,
Недоумѣніемъ обвѣяты всѣ, молчали.
Впослѣдокъ слезы лья со вздохами печали ,
Страшася гибели стѣсненныхъ тако Грекъ ,
Машинной старосью почтенный Фениксъ
рекъ :

„Коль истинно ты въ путь влечешься
духомъ гнѣвнымъ ,
„И не брежешь, что флотъ падетъ огнемъ
плачевнымъ ,
„Могу ли я, скажи, возлюбленный мой сынъ ,
„Оспашься безъ тебя, оспашься здѣсь единъ?
„Когда Целей себя въ пѣви младыя лѣта
„Неискусившася въ войнѣ, въ словахъ собѣта
„Вбѣнчающихъ хвалою и славою мужей ,
„Къ Априду посылалъ изъ области своей ;
„Онъ мнѣ тебя вручилъ, да отъ моихъ учений
„Ты будешь посреди Аргивскихъ ополченій
„Вишя въ словесахъ, въ дѣяніяхъ герой :
„Я убо нехощу оставленъ бышь тобой ,
„Хотя бы Зевсъ меня изъ старца тако слезна
„Хотѣлъ преобразить во юношу любезна ,
„Каковъ я былъ, когда, несчастіемъ влекомъ.
„Оставилъ въ первый разъ въ Елладѣ ошчій
домъ ;
„Зане Орменовъ сынъ Аминторъ мой родителъ ,
„Пылая мщеніемъ, мнѣ сдѣлался гонителъ
„За дѣву, къ ней же онъ любовну страсть
питалъ ,
„И рождшую меня презрѣніемъ оскорблялъ :

„Сія спужала миѣ всегда мольбой своею ,
 „Да ложемъ сообщуъ я прежде съ дѣвой сею,
 „Да будетъ ей чрезъ то пропивенъ мой отецъ;
 „Я матернюю мольбу исполнилъ наконецъ.
 „Аминпорѣ все познавъ, заклалъ меня во гнѣвѣ,
 „И Фурій умолялъ живущихъ ада въ чревѣ,
 „Да сына моего, плодъ милый чреслъ моихъ,
 „Не узришь вѣчно онѣ въ объятіяхъ своихъ;
 „Угрюмый адскій Зевсъ и грозна Прозерпина
 „Внушили клятву шу: не зрѣлъ себѣ я сына.
 „Толь гнѣвной злобою отца вооружа,
 „Сама въ изгнаніе влеклась моя душа.

„Друзья и сродники мольбой меня прилѣжной
 „Всѣ щцались опвратить опѣ мысли сей мя-
 тежной:

„Закланы зрѣлися шельцы, вепри, овны,

„Сосуды многіе вина упразднены:

„Ужь девять вокругъ меня ночей они преспали,

„И спражу по чредѣ вокругъ дому соблюдали;

„Близъ вратъ внутри двора, предъ ложницею
 моею

„Неугасаемо являлся блескъ огней.

„Когдажъ десята ночь простерла мракъ сту-
 щенный,

„Я двери ложницы расторгнувъ укрѣпленны,

„Избѣгъ, и съ легкостью ограду прелетѣлъ;

„Изъ стражей, изъ рабынь никто меня не
 зрѣлъ;

„Избѣгъ, и всю прешедъ Елладу многотравну,

„Во Фіпію, къ швоему достигъ опцу преславному:

„Онѣ съ крошосією меня приялъ и возлюбилъ;

„Чувствительность его и ябжность я плѣ-
 нилъ.

(Окончанія сей лѣсни и продолженія
 слѣдующихъ неотыскано.)

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О садовомъ искусствѣ.

Садоводству принадлежитъ такое же право какъ и зодчеству именоваться изящнымъ искусствомъ. Оно ведетъ начало свое непосредственно отъ самой природы, первой и совершеннѣйшей художницы. Какъ живопись для выгодъ своего искусства подражаетъ прекраснымъ видамъ природы; такъ и садоводство, соображаясь съ правилами вкуса, разборчиво заимствуетъ разные красоты у мерзвой природы, и разсудительно соединяетъ ихъ въ удобномъ мѣстѣ. Поелику сама природа украсила всеобщее жилище людей столь щедро, и обогатила его столь разнообразными предметами, производящими въ душѣ нашей также разнообразныя, приятныя перемены: то очень понятно, для чего человекъ старается подражать ей въ украшеніи частнаго своего обиталища; для чего старается по возможности сдѣлать лучше и красивѣе то мѣсто, въ которомъ провести долженъ большую часть своей жизни.

Въ семъ спараніи помогаетъ ему садовое искусство, которое безъ всякаго сомнѣнія сильно дѣйствуетъ на душу. Имѣемъ примѣры предъ глазами, что жили красивые мѣста гораздо веселѣе и бодрѣе духомъ, нежели тѣ люди, которымъ судьбою определено жить въ мѣстахъ непріятныхъ. По сему можно судить о важности садоваго искусства.

Итакъ сущность его состоитъ въ томъ, что назначенное мѣсто по мѣрѣ величины и положенія дѣлаешь оно столь приятнымъ и столь близкимъ къ натурѣ, сколько дозволяютъ обстоятельства. Главныя правила сего искусства состоятъ не въ иномъ чемъ какъ въ здоровомъ разсудкѣ, во вкусѣ, въ умѣннѣ выбирать приятное какъ вообще въ сельскихъ видахъ, такъ и въ частяхъ особенно. Учатся искусству сему среди самой природы, гуляя по открытымъ полямъ и по рощамъ, на пустынныхъ равнинахъ и въ кустарникахъ, по холмамъ и по долинамъ. Тамъ разбросаны порою красоты, которыя въ увеселительныхъ садахъ собраны въ одно мѣсто и приведены въ хорошей порядокъ. Умной садовникъ долженъ постигать чувствомъ каждую изъ красотъ, разбѣянныхъ натурою на обширномъ пространствѣ. Какъ историческій живописецъ наблюдаетъ и собираетъ разныя фи-

зіномїи, положенїя пбла, движенїя; такъ садовникъ обогащаетъ воображенїе свое приятными видами и мбспами, которыя при удобномъ случаѣ упошребить можеть въ свою пользу.

Но приобрѣшенное богатство воображенїя должно быть распочаемо съ крайнею разсудительностїю, съ наблюденїемъ правилъ вкуса, дабы каждое украшенїе упошреблено было на своемъ мбствѣ и въ свое время. Палатеру, на примѣрѣ, не надобно спрощить въ цвѣтничкѣ, или уединенному темному кустарнику назначать мбсто прямо передъ большимъ главнымъ зданїемъ. Въ увеселительномъ саду должны быть соединены въ приятномъ разнообразїи открытыя мбсна съ закрытыми, правильныя съ дикими, свѣтлосць съ темношою. А когда уже всѣ красоты собраны, то цѣлое расположенїе должно быть устроено такимъ образомъ, чтобы не легко можно было обнять планъ всего сада. Гораздо приятнѣе, когда планъ сада оспается закрытымъ, нежели когда онъ вдругъ представляется взорамъ. Садовникъ въ ешомъ случаѣ долженъ поступать вопреки зодчему, которой вездѣ наблюдаетъ соотвѣстственность въ размѣрѣ, все дѣлаетъ по масштабѣ, по прямой и по отвѣсной линїямъ; напрошивъ того садовникъ долженъ

остерегаться отъ сихъ правильностей. Онъ подражаетъ бѣдинственно прекраснымъ мѣстоположеніямъ натуры, въ которой не часто находить можно прямизны и совершенныя ровности; слѣдовательно и долженъ онъ имитировать ихъ очень умѣренно, только для подражанія натурѣ. Истинный любитель природы невысоко цѣнитъ тѣ сады, которые состоятъ изъ гладкихъ и выровненныхъ дорожекъ, изъ куртинъ выглаженныхъ и выровненныхъ подобно стѣнамъ каменнымъ, изъ часпей сдѣланныхъ на подобіе комнатъ, залъ и зданій, изъ зеркалообразныхъ водоемовъ, изъ деревь остриженныхъ и представляющихся въ видѣ животныхъ, хотя бы все еѣ сдѣлано было по самой послѣдней модѣ. Онъ скажетъ хозяину такого сада, вмѣстѣ съ Горациемъ:

— Quae deserta et inhospita tesqua
Credis, amoena vocat mecum qui sentit; et odit
Quae tu pulchra putas (*).

Ни въ одномъ искусствѣ неосступленно такъ далеко отъ истинныхъ правилъ, какъ въ садоводствѣ. Многіе владѣльцы или распорядители думаютъ, что они имѣютъ болѣе украсили садъ свой, чѣмъ болѣе удалось имъ вышѣснить отсюда натуру. Дѣлаютъ кустарники изъ сухихъ деревь, и

(*) Epist. I. 14.

равнины изъ коралловъ; всячески стараются, почто какъ строя домъ, чшобы одна часть сада была совершенно похожа на другую, между шбмъ какъ напура никогда не наблюдаетъ подобной соотвѣстственности въ сельскихъ своихъ видахъ. Многя естественныя прекрасныя мѣста, посредствомъ мнимаго искусства, съ невѣроятными издержками превращены въ безплодныя и скучныя.

Изъ описанія, сдѣланнаго о Кипайскихъ садахъ Англичаниномъ Чамберсомъ, открывается, чшо Кипайцы, которые впрочемъ не могутъ хвалиться понюскою вкуса, достойны, чшобы другіе народы учились у нихъ садовому искусству. Мы намѣрены сообщить здѣсь выписку изъ Англійскаго сочиненія, будучи увѣрены, чшо при расположеніи большихъ садовъ вкусъ Кипайцевъ можетъ служить хорошимъ наставникомъ.

Кипайцы при расположеніи и украшеніи садовъ своихъ берутъ за образецъ напуру, и стараются въ почности подражать прекрасному ея безпорядку. Во первыхъ усремляющъ они вниманіе свое на качество мѣста: ровное ли оно, покашое или холмистое, со всѣхъ сторонъ открытое или нѣтъ, сухое или влажное, изобилую-

щее источниками и ручьями, или имѣющее въ водѣ недостачекъ. Сїи обстоятельства наблюдають они весьма прилѣжно и располагають садъ такимъ образомъ, чтобы все опѣвало качеству земли и требовало бы какъ можно менѣе издержекъ; припомъ стараются они закрыть недостачки и худыя качества, а естественныя выгоды сада показать въ самомъ лучшемъ видѣ.

Китайцы не любятъ пѣшкомъ прогуливаться, и потому рѣдко бывають у нихъ широкія улицы и дороги, какія находятся въ садахъ Европейскихъ. Все мѣсто раздѣляется на различныя сцены. Кривыя дорожки, просѣченныя черезъ кустарники, обыкновенно ведутъ нѣ какимъ нибудь приятнымъ видамъ, гдѣ предсавляется взорамъ или зданіе, или другой предметъ достойный примѣчанія.

Совершенство ихъ садовъ состоитъ во множествѣ, въ изящности и въ разнообразіи сценъ, о которыхъ упомянуто выше. Китайскіе садовники, подобно Европейскимъ живописцамъ, собирають разбросанные въ натурѣ приятныя предметы и стараются соединить ихъ такимъ образомъ, чтобы не только каждой изъ нихъ особливо казался хорошъ самъ по себѣ, но

чтобы изъ соединенія всѣхъ составилось излишнее цѣлое.

Они раздѣляютъ сцены свои на три рода, и называютъ ихъ *веселыми*, *ужасными* и *очаровательными*. Вразсужденіи послѣднихъ сказать должно, что Китайцы знаютъ много способовъ приводить въ изумленіе. Иногда скрываютъ они журчащій ручей подъ землею, для того чтобы посѣпшель, стоя надъ нимъ, не могъ догадаться, откуда происходитъ шумъ, поражающій его ухо; иногда дѣлаютъ стѣну изъ утеса; иногда въ зданіяхъ и другихъ къ украшенію сада служащихъ предметахъ дѣлаютъ отверстія и щели, въ которыхъ въперъ производятъ странные звуки. Къ симъ же сценамъ стараются подбирать самыя рѣдкія деревья и растенія; устроиваютъ въ нихъ разные оглоски; содержатъ всякихъ птицъ и звѣрей рѣдкихъ.

Ужасныя сцены состоятъ изъ навислыхъ скалъ, изъ мрачныхъ пещеръ, изъ шумящихъ водопадовъ, съ утесовъ низвергающихся. Тамъ посажены кривыя деревья, которыя кажутся изломанными бурей; здѣсь опрокинутыя деревья лежатъ въ рѣкѣ, и какъ будто несутся ея струями; въ другомъ мѣстѣ представляются взорамъ де-

ревья, какъ будто разбиныя и опаленныя грозою. Одни зданія обвалились, другія до половины сгорѣли; на холмѣ разсыяны бѣдныя хижины, обшались люди по видимому самыхъ несчастныхъ. Помомъ представляется *веселая* сцена, и Кишайскіе художники обыкновенно умѣютъ наблюдать скоростъ перехода и противоположность между сими различными сценами какъ въ формахъ, такъ и въ краскахъ, въ свѣтлости и въ тѣни.

Ежели обширность мѣста благоприятствуетъ разнообразію, то обыкновенно каждая сцена имѣетъ свой видъ особливо и отдѣленной; въ случаѣ же тѣсноты Кишайцы умѣютъ недоспатовъ мѣста замѣнить искусствомъ: они располагаютъ такимъ образомъ, что предметы съ разныхъ сторонъ представляютъ для зрителя разные виды. Искусство ихъ въ этомъ такъ велико, что одно мѣсто кажется совершенно другимъ, когда смотришь на него съ другой точки.

Въ большихъ садахъ располагаютъ сцены, для всѣхъ часовъ дня приличныя, и сооружаютъ, гдѣ надобно, зданія удобныя для проведенія времени съ удовольствіемъ въ однихъ по ушрѣ, въ другихъ въ полдень и ш. д.

По причинѣ весьма теплаго климата въ Кипайскомъ государствѣ, стараются въ памошнихъ садахъ имѣть воды какъ можно болѣе. Малые сады, ежели только дозволяетъ мѣстоположеніе, почти вообще покрыты водою; разнообразіе состоитъ въ островахъ и возвышающихся утесахъ. Большіе сады изобилуютъ озерами, рѣками и каналами. Берега ихъ, смотря по свойству земли, иногда бываютъ песчаные и каменистые, иногда зеленые и усаженные деревьями, иногда убраны цвѣтами и кусточками, иногда обложены крупными утесами, съ которыхъ вода стремительно льется въ пещеры и впадины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся равнины, на которыхъ пасутся смиренныя живошныя; тамъ покрытое сарачинскимъ пшеномъ поле образуетъ излучистый берегъ, между мысами коего плаваютъ лодки; здѣсь кусты древесные пересѣкаются попоками, по которымъ несутся легкіе чолны. По берегамъ сихъ попоковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ обѣихъ сторонъ растутъ широкія деревья; подъ сводомъ сплещихся ихъ вѣтвей можно плавать и наслаждаться выгодами тѣни и пролады. Стремленіе попока обыкновенно ведетъ къ какому нибудь приятному мѣсту, къ пышному зданію, къ высокой насыпи, къ уе-

диненной жижики на островѣ, къ водопаду, къ пещерѣ.

Вообще рѣки и ручьи въ садахъ текутъ не прямо, но извиваясь разнообразными кривизнами, въ одномъ мѣстѣ узко, въ другомъ широко, шумѣ тихо, здѣсь шумно. Иногда служатъ имъ прикрасою простики и водяныя расквѣты; иногда мѣльницы и разныя гидравлическія машины движеніемъ своимъ одушевляютъ всю картину.

Сіи замѣчанія собственно относятся къ большимъ увеселительнымъ садамъ, въ которыхъ соединяются всѣ сельскіе виды. Чтобы положить основаніе правильной теоріи садоводства, надобно сперва опредѣлить разные роды садовъ и пользу каждаго рода; ибо, чтобы сказать, какою должна быть вещь, надобно сперва знать, что она есть и къ чему служить можетъ. Теорію зодчества нѣкоторымъ образомъ принять можно за образецъ для садоводства. Къ зодчеству принадлежатъ большія публичныя и частныя зданія, храмы, дворцы, ратуши, жилые дома, увеселительныя домики, гостиницы и проч.; величина ихъ, расположеніе и прикрасы предназначаются смотря по свойству каждаго изъ упомянутыхъ зданій: точно то же бываетъ и съ садами. Есть большіе сады публичные; есть част-

ные сады, разводимые вмѣстѣ и для удовольствія и для выгодъ хозяйственныхъ; есть сады съ цвѣтниками большіе и малые и п. д. Сперва надлежитъ опредѣлить всѣ сїи роды и показать свойства каждаго; потомъ надобно изслѣдовать, какими выгодами пользоваться можно опъ каждаго особливо, и какими средствами можно устроить ихъ такъ, чтобы опъ начала весны до поздней осени приносили они желаемыя выгоды и удовольствіе.

Къ полной теоріи садоводства принадлежатъ не только знаніе и чувство изящности, но еще и другія свѣдѣнія. Истинный садовникъ долженъ основательно знать различныя свойства земли и почвы, дѣйствія ихъ на деревья и растѣнія, времена года съ ихъ переменами; онъ долженъ имѣть надлежащія свѣдѣнія о цвѣтахъ и лѣсныхъ деревьяхъ, такъ чтобы могъ знать не только наружный видъ каждаго растѣнія, но свойства его, способъ прозябанія и долгою жизни. Естественная исторія и многообразныя прекрасныя виды природы послужатъ ему веществами для составленія сада. Подробнѣйшее знаніе о свойствахъ растѣній подастъ ему возможность назначить для каждаго приличное мѣсто и распорядить такимъ образомъ, чтобы каждое

годовое время доставляло всѣ желаемыя удовольствія. Епо принадлежишь собственно къ учебнымъ познаніямъ садовника, коюрой можешь приобрести ихъ посредствомъ прилѣжанія и опытноспи. Но кромѣ того онъ долженъ имѣть необходимо нужнѣйшмъ художникамъ даръ изобрѣшенія, вкусъ въ расположеніи и украшеніи, смыслъ и разсудокъ для наблюденія приличноспи и прочноспи, а особливо охоту спремиться къ достиженію совершенства. И такъ садоводство спребуешь сполько же дарованія, и можешь быть еще болѣе знаній, сколько всякое другое изъ числа искусствъ изящныхъ.

Наука садоводства богата учебными сочиненіями; но о важнѣйшей часпи ея, объ изобрѣшеніи и вкусѣ, писано не много. Желательно, чшобы изданы были рисунки и описанія, копорыя могли бы служить образцами для садовниковъ. Какъ зодчій главное пособіе къ приумноженію знаній своихъ находить въ прилѣжномъ разсмаприваніи наилучшихъ спроеній; такъ точно и садовникъ легко можешь обогатить умъ свой и вкусъ, разсмапривая сады уже доведенные до хорошаго состоянія. Охотники до садоводства съ пользою читаютъ сочиненіе извѣстнаго *Гиршфельда*.

Садоводство неуступаетъ въ древности прочимъ изящнымъ искусствамъ (*). Всѣмъ извѣстны великолѣпные сады древняго Вавилона. Ксенофонтъ въ Исторіи своей о десяти тысячахъ Грековъ часто упоминаетъ о большихъ увеселительныхъ садахъ, которые видѣлъ онъ въ разныхъ областяхъ Персидскаго государства. У Грековъ также были сады увеселительные; но Исторія не показываетъ, чтобы садоводство достигло въ Греціи до той высокой степени, на которой находились прочія изящныя искусства. Римляне, кажется, превзошли всѣхъ въ заведеніи садовъ; однакожъ они сіе невинное и приятнѣйшее искусство употребили во зло до чрезвычайности, какъ то видѣшь можно изъ упрековъ Горация (**). Они какъ будто умышленно старались всю Италію превратить въ безплодные сады увеселительные, единственно къ оказанію пышности служащіе. Впрочемъ мы не можемъ имѣть яснаго и опредѣленнаго понятія о качествахъ садовъ Римскихъ.

Садоводство опять начало процвѣтать во времена новѣйшія. Извѣстно, что во

(*) *Antiquitas nihil potius mirata est, quam Hesperidum hortos ac regum Adonis et Alcinoi, itemque pensiles, sive illos Semiramis, sive Assiriae rex Cyrus fecit. Plin. Hist. Nat. L. XIX. cap. 4.*

(**) *Od. L. II. od 15.*

Франціи славный Ленопрѣ заводилъ прекрасные сады при Лудовикѣ XIV; но излишняя зашѣйливость въ нихъ и регулярность не всѣми одобряются. Теперь вообще отдающъ преимущество Англичанамъ. Въ большихъ садахъ Англійскихъ собраны всѣ красоты природы.

(По руковод. Сульц.)

III. К Р И Т И К А.

Письмо къ приятелю.

(О третьемъ членіи Бесѣды любителей Русскаго слова. Въ С. Петербургѣ.)

Не пеняй мнѣ, что я къ тебѣ давно не писалъ и неувѣдомлялъ о разныхъ новостяхъ въ нашей словесности. Ты живешь въ уединеніи, а я въ шумномъ городѣ; ты, не имѣя никакого разсѣянія, въ нѣдрахъ споконьяна наслаждаешься безмятежною жизнію; а я, полнясь безпрестанно среди городскихъ житей, развлекаюсь разными предметами, и убѣгая, такъ сказать, отъ истиннаго дѣла, провожу время свое въ ни-

чуждой суетности. Вошъ причина моего молчанія; теперь однако же, имѣя нѣсколько свободныхъ часовъ, хочу ихъ посвящать дружбѣ.

Скажу тебѣ, что я уже три раза былъ въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова. Не стану распространяться похвалою о семъ полезномъ заведеніи, о семъ знаменитомъ сословіи, гдѣ пылаетъ истинная любовь къ своему Отечеству, къ своему языку, словомъ, къ всему Русскому; гдѣ спараются показать слушателямъ все красоты нашего собственнаго стихотворенія и богатство нашего языка передъ новѣйшими чужеземными языками; гдѣ научаются молодые и неопытные читатели, привлеченные въ иностранной словесности, постигать всю изящность нашихъ стихотворцевъ; гдѣ въ числѣ многихъ слушательницъ модныя матушки начинаютъ уже считать нужнымъ учить дѣтей своимъ правиламъ отечественнаго языка: вошъ польза, какую приносишь се почтенное сословіе. Теперь ты видишь, что вся моя похвала на счетъ сего общества еще весьма недоспащочна.

Не могу однако же удержаться, чтобы не сообщить тебѣ моихъ примѣчаній на *Разсужденіе о стихотворствѣ*, которое было читано въ третьемъ собраніи Бе-

сбды предъ посѣпителами Маія 28 дня. Сочинитель сего *Разсужденія*, упомянувъ о писателяхъ иноспранныхъ, коснулся и до нашихъ. Но какъ я былъ удивленъ, когда онъ, дошедъ до прагическихъ писателей и сказавъ объ одномъ Сумароковѣ, замолчалъ и обратился къ сочинителямъ другого рода! Я непонимаю, какія причины побудили его умолчать о *Княжнинѣ*; ибо безъ всякой лести можно смѣло сказать, что Княжнинъ не только заступилъ мѣсто Сумарокова, но въ начертаніи лицъ идеальныхъ, въ силѣ и нѣжности выраженія страстей, а также въ плавности и числотѣ слога, едва ли превзошелъ Сумарокова. Я отдаю всю справедливость этому послѣднему, что онъ первый началъ у насъ писать трагедіи, и прокладывалъ самъ себѣ прудный путь къ своей славѣ; что онъ хотя имѣлъ образцами своими Расина и Вольпера, но затруднялся шѣмъ, что нашъ языкъ еще не былъ тогда обработанъ съ такимъ шщаніемъ, съ какимъ онъ нынѣ обрабатывается; что нѣкопорыя слова, выраженія и многіе его стихи, писанные около сорока лѣтъ тому назадъ, съ исправленіемъ языка и съ утонченіемъ вкуса, почищаются уже нынѣ дурными; однако же все сіе не отнимаетъ славы у безсмертнаго шворца *Семиры*, и онъ навсегда останешся опцемъ нашего прагиче-

сваго шеапра. Но развѣ упоминая о Сумароковѣ непременно должно умолчать о *Княжнинѣ*, который также нелестную похвалу заслуживаетъ по своимъ произведеніямъ? Развѣ послѣдовашель Сумарокова съ большимъ прошивъ его преимуществвомъ не долженъ бытъ поставленъ къ славѣ нашего Опечестива въ числѣ отличныхъ нашихъ прагиковъ? Мы жалуемся на иностранныхъ писателей, что они о нашихъ словесникахъ не имѣющъ никакого понятія и ложно отзываются о просвѣщеніи Русскихъ; а мы сами весьма худо знаемъ о достоинствахъ своихъ сочинителей тогда, когда въ прочихъ государствахъ спарающа и посредственныхъ своихъ писателей дѣлашь извѣстными. Я увѣренъ, что каждая книга, вышедшая въ свѣтъ изъ знаменитой Бесѣды любителей Русскаго слова, переведена будетъ на иностранные языки, и тогда, прочтя въ чужихъ краяхъ Разсужденіе о стихотворствѣ, въ правѣ сказать: „бѣдная Русская словесность! у нихъ сорокъ лѣтъ тому назадъ появился только одинъ прагикъ, и тотъ былъ первый и послѣдній!“ А все сіе отъ чего произойдетъ? Отъ того, что въ Разсужденіи о стихотворствѣ помѣщенъ довольно пространной именной списокъ чужестраннымъ древнимъ и новымъ писателямъ, о Русскихъ же слегка кой-о-комъ сказано; прав-

да, о первыхъ весьма легко выписать изъ многихъ печатныхъ словарей; а о Рускихъ, кромѣ *Новиковскаго* словаря, и выписать неопикуда. А попому - по надобно было бы приложитъ все стараніе къ изысканіямъ и къ сличенію лучшихъ твореній нашихъ писателей. Трудъ важный и достохвальный!

Я слушаю Разсужденіе о стихотворствѣ, весьма жалѣю о предубѣжденіи сочинителя противъ нашихъ писателей; что онъ въ *Княжнинѣ* не видитъ *Княжнина*, и неплѣняясь прагматическими его произведеніями, хочетъ всѣхъ заславить шабъ чувствовать, какъ онъ самъ чувствуетъ, шабъ понимать, какъ онъ самъ понимаетъ: но прагедіи *Княжнина*, *Дидона*, *Рославъ*, *Владисавъ*, *Софонизба*, *Типово* милосердіе до сихъ поръ прекрасными стихами своими проникающъ въ изгибы сердецъ зрителей и заславляютъ проливать слезы.

Если въ Разсужденіи о стихотворствѣ умолчано о *Княжнинѣ* для того только, что онъ подражалъ Французскимъ прагмамъ; то кто же, я желалъ бы знать, не имѣлъ образцемъ своимъ опличныхъ писателей? Человѣкъ ничего великаго не создалъ вдругъ самъ собою: всѣ изящныя

произведенія возвышались постепенно; одинъ перенималъ у другаго и къ перенятому приобщалъ свое: вотъ какимъ образомъ возникли всѣ свободныя науки и распространили пламень свой, обвѣмлющій наши умы и чувства. Крапкосць письма сего не позволяешъ мнѣ слишкомъ распространяться въ моихъ сужденіяхъ; а то бы я показалъ всѣ мѣста изъ Греческихъ и Латинскихъ трагиковъ, откуда брали Корнель, Расинъ, Вольтеръ и прочіе (*). Развѣ они тѣмъ правѣ насъ, что почерпали планы, мысли и самые стихи изъ древнихъ сочинителей, а мы обязаны слѣдовать новѣйшимъ, которые нашимъ читателямъ болѣе древнихъ извѣстны? Самъ Сумароковъ былъ подражателемъ Французскихъ трагиковъ. И такъ если *Княжнинъ* подра-

---

(*) Корнель въ трагедіи своей *Медеѣ* подражалъ Сенекиной *Медеѣ* — извѣстное слово *я* (*moi*) откуда же взято. Трагедія *Цидъ* (*Cide*) взята изъ Вильгельма де Кастро; Расинъ въ *Федрѣ* подражалъ Еврипидовой трагедіи *Ипполиту*; въ *Ифигеніи* также Еврипидовой трагедіи *Ифигеніи*, а нѣкоторые стихи взяты изъ Сенекиной трагедіи *Троянки*, изъ которой лучшія мѣста взяты еще въ трагедію *Андромаху*. Мольеръ и Ренъяръ подражали Плавту. Кребиллонъ подражалъ въ своей трагедіи *Атрѣѣ* Сенекиному *Өіесту*. Вольтеръ и Лагаръ подражали Софоклу. Дюбеллуа въ трагедіи *Титъ* подражалъ Мещаспазію. *Сох*.

жалъ, а иногда и переводилъ нѣкопрыхъ мѣста изъ Корнеля, Расина, Вольпера, Метаспазія; но онъ въ превосходныхъ мысляхъ и въ прекрасныхъ стихахъ выражалъ на нашемъ языкѣ то, что сїи славные мужи выражали на своемъ, но выражалъ по своему. Или нельзя уже изобразить мыслей своихъ, попому что мысли сїи за нѣсколько десятковъ лѣтъ прежде насъ выражены были? Лагарпъ въ Ликеѣ своемъ говоритъ, что перевести великаго писателя значить соспизаться съ нимъ въ слогъ и въ дарованїяхъ. . . Обогащенїе своей словесности на счетъ чужестранной заслуживаешь всеобщую похвалу, а не упреки. . .

Люди съ такими дарованїями для поэта, какія имѣлъ Княжнинъ, не весьма часто появляются. Вопрь уже пропекло съ лишномъ дваццать лѣтъ, какъ онъ окончилъ жизнь свою, и я желалъ бы знать, явился ли у насъ такой прагикъ, котораго бы безприсраспно можно было сравнять съ Княжнинымъ? И пакъ не лучше ли, вмѣсто того чтобы соплепашь неспребуемую хвалу Греческимъ и Римскимъ словесникамъ, опдашь прежде всю справедливосшь своему современнику?

Еслибъ не были извѣсны всѣмъ чинапеламъ прагедїи Сумарокова и Княжни-

на, шо бы я принялъ смѣлость сдѣлать извлеченія изъ лучшихъ трагедій какъ одного, такъ и другаго, гдѣ показалъ бы, что слава Сумарокова не можетъ препятствовать славѣ Княжнина, и что они оба достойны равнаго уваженія, одинъ какъ изобрѣтатель нашей трагедіи, а другой какъ лучшій нашъ трагикъ.

Опдавъ должную справедливость Княжнину, прибавлю еще къ тому, что онъ не только вмѣщалъ въ себѣ дарованія трагика, но такъ же и дарованія комика; что онъ съ такимъ же искусствомъ управлялъ и кинжаломъ Мельпомены и смѣющею маскою Таліи. Имѣла ли Россія когда нибудь у себя такого писателя, которой бы съ одинаковымъ успѣхомъ въ трагедіяхъ испоргалъ слезы, а въ комедіяхъ производилъ благородной смѣхъ? Кто до сихъ еще поръ у насъ кромѣ Княжнина показалъ въ себѣ различныя сѣи дарованія въ равномъ совершенствѣ? Сумароковъ много произвелъ трагедій, а комедіи хорошей ни одной; Фонъ Визинъ написалъ *Недоросля*, *Бригадира*, а не могъ написать трагедіи. Кромѣ многихъ комедій и оперъ Княжнина (*), *Хвастунъ* комедія въ пяти дѣй-

---

(*) Исчислимъ вкратцѣ сочиненія Якова Борисовича Княжнина. Трагедіи: 1) *Дидона* въ 5 дѣй. въ стихахъ, 2) *Тягово мило*
 NO 15. O

свѣяхъ, въ стихахъ, считается и понынѣ самымъ лучшимъ украшеніемъ нашего театра; планъ въ сей комедіи правильной, дѣйствіе исполнено живости, свойства и разговоры дѣйствующихъ лицъ естествен-

сердце (сочиненная по особенному препорученію Императрицы Екатерины II), въ 3. дѣйств. вальными стихами, 3.) *Рославъ*, въ 5 дѣй. въ стих. 4) *Владиславъ*, въ 5 дѣй. въ стих. 6) *Владимиръ и Ярополкъ*, въ 5 дѣй. въ стих. 7) *Софронизба*, въ 5 дѣй. въ стих. Комедіи: 1) *Хвостунъ*, въ 5 дѣй. въ стих. 2) *Чудаки*, въ 5 дѣй. въ стих. 3) *Ущещенная вдова*, въ 2. дѣй. прозою. 4) *Неудачный примиритель*, въ 3 дѣй. прозою. Оперы: 1) *Несчастье отъ кареты*, въ 2 дѣй. 2) *Сбитенщикъ*, въ 3 дѣй. 3) *Скупой*, въ 1 дѣй. 4) *Притворно сумасшедшая*, въ 2 дѣй. 5) *Мужья женихи своихъ женъ*, въ 2 дѣй. Мелодрама *Орфей*. Не напечатанная трагедія *Надимъ*. Онъ же предпринималъ писать поему *Петръ Великій* и трагедію *Пожарскій*; начало сего пруда найдено въ его бумагахъ. Сверхъ вышеприведеннаго написалъ множество одъ, елисполъ, сказокъ, басень; перевелъ Вольтерову *Генрияду* бѣлыми стихами, нѣкоторыя трагедіи Корнеля и Кребиллона бѣлыми же стихами; романъ въ прозѣ *Графъ Коменжъ*; нѣкоторыя идилліи изъ Геснера; Правила словесности изъ Батше, и много участвовалъ въ сочиненіи Словаря Академіи Россійской. См. жизнь Якова Борисовича Княжнина при 2. изданіи его сочиненій, въ 5 Част. въ 8. долю листа; печат. въ Москвѣ 1802. *Прям. Соч.*

ны, слоги чистый, украшенный приятными, острими и шушлыми мыслями, словомъ, вся комедія вообще наполнена прекраснѣйшими стихами. Но сочинитель Разсужденія о стихотворствѣ, говоря о Фонъ Визинѣ какъ объ нашемъ комикѣ, опять не упомянулъ о Княжнинѣ. Если комедія *Недоросль* есть у насъ неподражаемое произведеніе; то пускай на нашемъ театрѣ покажутъ мнѣ комедію въ стихахъ подобную *Хвастуну*. Я еще повпоряю, что подражаніе Княжнина также и въ комическомъ родѣ Французскимъ сочинителямъ не умилишь его славы, ибо самъ Фонъ-Визинъ въ своемъ *Недоросль* многіе разговоры *Стародума* взялъ изъ сочиненій *Дюфрени* (*Dufresny*), а насмѣшку на счещъ географіи изъ Вольтера. Но таковое заимствование помрачитъ достоинства цѣлой комедіи, и Фонъ-Визинъ чрезъ то не потеряетъ имени Русскаго Мольера.

Не удивляйся, любезный другъ, что я говорю о Княжнинѣ съ такимъ жаромъ; себѣ безвѣзвѣстно должно быть, что я какъ Сумарова такъ и Княжнина зналъ лично и смѣю гордиться тѣмъ, что пользовался ихъ пріязнію. Къ тому же не могу ни читать, ни слушать сужденій, основанныхъ или на невѣжествѣ, или на пристрастіи: нынѣ многіе, очень, очень обы-

кновенные наши *писани*, желая показать себя знапоками въ общей словесности, въ кошпорой неполюко не прославили именъ своихъ, но родовыя добрыя свои имена помрачили худыми произведеніями, и пѣ, говорю, смѣюшъ называть Княжнина незначущимъ писапелемъ — и зашвердя немного ими чипанное въ Лагарповомъ Ликеѣ, доказываютъ, что Княжнинъ подражалъ Французскимъ сочинителямъ! Дай Боже, чтобы у насъ болѣе было такихъ подрашателей! тогда бы и въ многихъ своихъ сочинителяхъ нужды не было. Лучше подрашай и писать хорошо, нежели выдавай свое собственное и дурное.

Въ спашьи о сказкахъ и басняхъ Сочинитель Разсужденія о стихотворствѣ упомянувъ о господинѣ *Дмитріевѣ*, умолчалъ о господинѣ *Крыловѣ*, который въ своемъ родѣ также имѣетъ приятную и привлекаштельную кисть; всѣ басни его споль легко имъ написаны, что какъ будто бы не онъ надъ ними шрудился, а онъ сами собой сосшавились. Но по что мнѣ ихъ хвалишь? Споятъ только сказать, что всѣ басни г-на Крылова, недавно имъ сочиненныя, многими чипапелями уже выучены наизусть — вопѣ имъ похвала.

Если же Сочинитель Разсужденія о стихотворствѣ имѣлъ въ предметѣ своемъ

только то, чтобы сказать о пѣхъ нашихъ писателяхъ, которые первые по различнымъ родамъ стихотвореній начали писать; но не слѣдовало бы ему говорить о господинѣ Державинѣ, господинѣ Дмипріевѣ, Хемницерѣ, Богдановичѣ; но по лирической поэзии упомянуть объ одномъ Ломоносовѣ, по сочиненіямъ сказокъ и басенъ сказать о Сумароковѣ. Я согласенъ, что господинъ Державинъ не только сравнялся съ Ломоносовымъ, но въ иныхъ мѣстахъ превзошелъ его, и что господинъ Дмипріевъ въ своихъ сказкахъ и басняхъ лучше Сумарокова; однако же Сочинитель Разсужденія невыполнилъ своего предмета въ самой точности; потому что если онъ упомянулъ о двухъ живыхъ нашихъ писателяхъ, то слѣдовало бы тогда и о нѣкоторыхъ другихъ сказать, достойныхъ вниманія общества, а и того менѣе не долженъ забыть покойниковъ. Развѣ потому только сѣ сдѣлалъ Сочинитель Разсужденія о стихотворствѣ, что одни другихъ ему знакомѣ? . . . Къ тому же не нужно бы, кажется, писавши о словесности, славить имена сочинителей по *Адресь-календарю*.

Что же касается вообще до всего Разсужденія о стихотворствѣ, то я не могу теперь написать къ тебѣ подробныхъ примѣчаній, ибо оно еще не напечатано; однако же

замѣнилъ я, что въ семъ Разсужденіи часто упоминающъ о такихъ лицахъ, которые мѣсто имѣютъ въ однѣхъ только задачахъ арифметическихъ: *нѣкто* говорилъ, *нѣкто* сказалъ, *нѣкто* лишелъ — почему прудолюбивому чипапелю весьма мудро будетъ дѣлать справки и повѣрять Сочинителя о стихотворствѣ съ пѣтми учеными, коихъ онъ называетъ словомъ *нѣкто*. Замѣнилъ я также, что въ ономъ Разсужденіи выводится примѣръ о началѣ сапиры совсѣмъ не отъ тѣхъ причинъ, отъ какихъ она произошла: *нѣкто* упалъ, а другой разсмѣялся; сіе *нѣкто*, отъ чего другой разсмѣялся, произвело будто бы сапиру! . . . и во всемъ томъ ссылаются на Огсенспирна! . . . . Говоря о сапирѣ, слѣдовало бы упомянуть о различіи Греческой и Римской сапиры: первая начало свое получила отъ сельскихъ плясовъ въ празднествахъ Бахусовыхъ и игрывалась на театрѣ подобно комедіи; сапира же Лапинская, копя есть подражаніе Греческой, но вскорѣ, перемѣни прежде свое употребленіе, стала писаться стихами въ осмѣяніе пороковъ. О Греческихъ сапиркахъ прежде Эсписа бывшихъ никакого свѣдѣнія неимѣемъ; Лапинскую же сапиру образовалъ первый Луцилій, которому подражали Горацій, Персій, Ювеналъ; обо всемъ епомъ слѣдовало бы

прочестъ ученныя диссертаціи Каззубона, Генсіуса, Спангейма, Диссе, а не одного Оксенширна, на котораго только Сочинитель о снихъ и сворснѣхъ и ссылается. Оксенширнѣ, извѣстнѣй по своимъ Нравственнѣмъ разсужденіямъ, никогда не писалъ курса словесности.

Когда сочиненіе сіе напечатается и не будещъ исправлено послѣ чтенія, по я разсмотрю оное гораздо ближе и всѣ подробныя мои примѣчанія не замедлю къ шебѣ доставить.

Въ то же самое собраніе Бесѣды было чищено: 1) *О просвѣщеніи Россіянъ до 18 столѣтія*; оное весьма сходно со статьями, напечатанными въ Вѣстникѣ Европы (Январь 1806 года. *Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и проч.*) и въ Новомъ Географическомъ словарѣ (1807 года, Часть V). 2) Героикокомическая поэма: *Расхищенныя шубы*, пѣснь я хорошо писана; въ предисловіи къ оной умолчано о нашихъ комическихъ поемахъ: *Паденіе стихотворцевъ, Игрокъ лямбера, Народный лирь*. . . . 3) Посланіе къ Леону, сочиненіе нашей Сафры, дѣвицы Буниной, прекрасно. 5) Монологъ изъ Федры, переводъ господина Державина, превосходенъ. 6) О Ручейкѣ не скажу ни сле-

ва, пошому чшо у насъ сполько появилось ручейковъ, чшо можно соспавишь цѣлое Ледовиное море.

Р. Ц.

С. Пеп.ербургъ.

IV. С М Ъ С Ъ.

Журналь молодой женщины, найденный въ А. З.

В л о р н и к ъ.

Ввечеру. Не могла заснуть до втораго часу, думая о журналѣ, который хочу писать.

С р е д а.

Отъ 8 до 10 ч. Выпила въ постели двѣ чашки шоколаду и опять заснула.

Отъ 10 до 11 ч. Съѣла ломтикъ хлѣба съ масломъ: выпила чашку чаю и читала *Ночью Елоизу*.

Отъ 11 до 12 ч. Сидѣла за туалетомъ и примѣрила новую шляпку. Приказала вымыть и вычесать свою маленькую *Венеру*. NB. Голубый цвѣтъ лучше ко мнѣ.

Отъ 12 до половины 3 ч. Ыдила вь Англійской магазинь. Повравились серги. — Торговала ихь.

До 4 ч. Обьдала. НВ. Ф. проьхаль вь новомь экипажь.

Отъ 4 до 6 ч. Одьбалась, Ыдила затлапиль визить старой К. и ея сестрь, узнавь, что ихь ньтъ дома.

Отъ 6 до 11 ч. Играла вь бостонь. НВ. никогда не скажу восьми безь туза.

Ч е т в е р т ы .

Отъ 11 ч. вечера до 8 ч. утра. Видьла во снь, будто играю вь карты съ Ф.

Отъ 8 до 10 ч. Шоколадь. Прочла вь постели два дьйсвья изь Расиновой Андромахи.

Отъ 10 до 11 ч. Пила чай. Послала къ Княгинь П. . . за *Купидономь* для моеи *Вене-ры*. Читала аффишку. Получила письмо оть Ф. НВ. Положилъ письмо вь шкапулку, которая вь спальнь, и запереть ее.

Остальные часы утра. Моя скучная *Анна* рассказывала, какь бьлится Графиня Х. . . Переломила зубь вь черепаковой гребенкь. Послала *долгго Няня* спросить о Княгинь О. . . у которой моська упала съ окна, хорошо ли она спала посль такого несчастия. Кажется, что я была очень бльдна. *Анна* говоритъ, что зеркало невьрно. Одьлась вь три часа.

Отъ 3 до 4 ч. Такь поздно пошла за столь, что кушанье просьшло.

Отъ 4 до 11 ч. Были гости. Мньние Ф. о Мильсонь. Его догадка о жельзней маскь. Его шушка о моихь булавахь. Портреть на

его табакеркѣ. Д. . ва хотѣла прислать своего парикмахера ссричь мнѣ волосы. Проиграла 50 руб.

12 часовъ. Легла въ постелю.

П я т н и ц а.

8 Часовъ утра. Въ постели. — Перечитывала всѣ письма Ф. — *Купидонъ и Миленькая Венери.*

10 ч. Рѣшилась оставаться дома; не велѣла принимать никого.

Отъ 10 до 12 ч. Говорила съ своимъ портнымъ. Пересмотрѣла свои ленты. Разбила блюдечко изъ подъ синей фарфоровой чашки.

Отъ 12 до 2 ч. Заперлась въ своемъ кабинетѣ. Плела корзинку.

Со 2го часу. Велѣла подать свое шитье. Вышила половину фіалки. Заболѣли глаза и сдѣлалась дурна голова. Бросила работу, и дочишала Андромаху.

Отъ 3 до 4 ч. Обѣдала.

Отъ 4 до 12 ч. Перемѣнила свое намбрѣніе, одѣлась; побѣжала въ гости, играла въ бостонъ до полуночи. С. . . ва была дома. Разговоры: у Ц. . вой фермоаръ изъ спразовъ. Шестидесятилѣтняя Ч. . ва идепъ за мужъ за молодого человекъ, который не стоитъ гроша. Княжна Ц. . . убѣжала въ деревню. У Ж. . . ва рыжіе волосы. НВ. Хозяйка шептала мнѣ что-то о Ф. . .; я увѣрена, что это неправда.

Отъ 12 до 2 ч. Видѣла во снѣ, будто Ф. . . стоитъ передо мною на колѣняхъ, и назвалъ меня ангеломъ.

С у б б о т а .

Встала въ 8 часовъ утра. Сѣла за туалетъ.

Отъ 8 до 9 ч. Румянилась и смывала румяны, потому что были дурны. Наконецъ нашла хорошіе.

Отъ 9 до 12 ч. Пила чай и одѣвалась. Въ церкви. Множество людей. Въ Третья арія въ новой оперѣ. Старая К. . . была одѣта совершенно безъ вкуса.

Отъ 12 до 4 ч. Обѣдала. Княжна О . . . забрала званіе въ оперу; но я еще не встала изъ за стола.

Послѣ обѣда до 6 часовъ. Пила чай. Велѣла высѣчь *долгую Ивонку* за то, что ступила на ногу моей маленькой *Венерѣ*.

6 Часовъ. Побрала въ Оперу. Не видела Ф. до втораго дѣйствія. Ф. разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ въ черномъ кафтанѣ. Поклонился незнакомой дамѣ въ ложѣ напротивъ моей. Ф. и его приятель Н. хлопали въ прешьемъ дѣйствіи. Ф. кричалъ *фора*. Проводилъ меня до кареты. Кажется, пожалъ руку.

11 Ч. вечеръ. Пошла въ постелью. Неприятный сонъ; кажется, Н. называлъ себя Ф. .

В о с к р е с е н ь е .

Не очень здорова.

П о н е д ѣ л ь н и к ѣ .

8 Часовъ. Княжна О . . . разбудила меня. Расинъ лежалъ на креслахъ подлѣ постели. Княжна прочла наизусть восемь стиховъ изъ Андромахи. Пришла цыганка по моему приказанію. Она сказала, что имя моего любовника

начинается съ У... NB. Немного не угадала; эта буква почти подлѣ Ф. и проч.

Журналъ заключается слѣдующимъ размышленіемъ: „Не знаю, хорошо или дурно идетъ мое время; я никогда не думала объ епомѣ. Въ журналѣ все записано вѣрно; въ печеніе пяти дней едва ли сдѣлала я что ни будь такое, что могло бы меня радовать, — кромѣ шитья, которое не кончано. Хорошо, я кончу его при первомъ досугѣ. Что касается до Ф. и маленькой моей *Венеры*, совсѣмъ не воображала, что занимаюсь ими такъ много, какъ вижу изъ журнала. Мнѣ кажется, что я не спала бы посковать очень долго, но милой собачкѣ; но была бы жестока, и привела бы въ отчаяніе Ф., если бы захотѣла вдругъ прервать съ нимъ все знакомство; припомъ должны ли вся жизнь моя сослѣдовать — въ однихъ сновидѣніяхъ объ немъ?“

Наконецъ молодая, богатая, независимая вдова, писавшая сей журналъ, признается, что она проводила всѣ дни такимъ образомъ какъ ешу недѣлю. — Какая исторія всей ея жизни! пусть вообразитъ молодая, богатая, независимая и можетъ быть прекрасная вдова, что сказали бы объ ней попомки, читая исторію, подобную сему журналу! II.

Московскія записки.

При Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учреждено *Общество любителей Россійской словесности* на основаніи Устава, начертаннаго здѣсь же при Университетѣ подѣ распоряженіемъ Его Превосходительства Господина Почетителя, Павла Ивановича Голенищева - Кутузова и Высочайше одобреннаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ. Сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія оного для свѣдѣнія публики:

„§. 2. Изъ 11 §. Университетскаго Устава видно, что составленіе Ученаго общества упражняющихся въ словесности Россійской отнесется къ особливому достоинству Университета. Къ сей побудительной причинѣ принадлежатъ еще и необходимая надобность быть шакому сословію въ древней Столицѣ Россіи, какъ въ сердцѣ Имперіи и въ хранилищѣ чистоты отечественнаго языка.

„§. 3. Общество сіе учреждается для того, чтобы распространить свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здравой словесности, и доставить публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ на Россійскомъ языкѣ, разсмотрѣнные предварительно и прочитанныя въ Собраніи.

„§. 4. Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ Членовъ, Почетныхъ Членовъ и Сопрудниковъ.

„§. 29. Общество занимается разсмотрѣніемъ сочиненій, чтеніемъ ихъ и издаваніемъ.

„§. 30. Приготовляемыя Членами и Сопрудниками, также присылаемыя посторонними любителями сочиненія необходимо должны принадлежать къ собственно такъ называемой Изящной Словесности и къ Словеснымъ Наукамъ. Виды Изящной Словесности суть: въ примѣры стихотворные и прозаическіе, сочиняемые по извѣстнымъ правиламъ, заключающимся въ Словесныхъ Наукахъ, и. е. въ Грамматикѣ, въ Риторикѣ, въ Шипикѣ, въ Логикѣ и въ Кристикѣ. И такъ Общество занимается всякаго рода поемами, орапорскими рѣчами, историческими сочиненіями, письмами, разговорами, разсужденіями, относящимися вообще до Словесныхъ Наукъ и до Исторіи отечественнаго языка, изслѣдованіями значенія словъ въ разныхъ нарѣчіяхъ Славянскаго языка, криптическимъ разборомъ извѣстныхъ образцовыхъ и другихъ заслуживающихъ вниманіе сочиненій. Изъ трудовъ Общества не исключаются и переводы; но въ разсмотрѣніи ихъ будетъ наблюдаема строгая разборчивость. Вообще предполагается принимать во уваженіе: переводы въ стихахъ съ какого бы то ни было языка, переводы древнихъ писателей съ подлинниковъ, и наконецъ переводы съ новыхъ языковъ только такихъ сочиненій и отрывковъ, кои въ учебномъ свѣтѣ признаны за образцовые.

„§. 31. Въ Собраніи при Членахъ, Сопрудникахъ и Посѣдителяхъ читаются сочиненія, разсмотрѣнныя въ пригошовительномъ Собраніи.

„§. 32. Разсмотрѣнныя и въ полномъ Собраніи читанныя сочиненія, также и одобрен-

ныя Обществомъ книги печатающся на издѣваніи Общества подъ надзоромъ того изъ Членовъ, на котораго возложено будетъ сіе порученіе.

„§. 33. Общество имѣетъ обыкновенныя засѣданія по одному разу въ мѣяцѣ, кромѣ Іюня, Іюля и Августа. Къ симъ засѣданіямъ приглашаются Предсѣдателемъ Дѣйствительныя Члены особыми повѣсками на имя каждаго. Обыкновенныя засѣданія могутъ быть или при собраніи Дѣйствительныхъ и Почетныхъ Членовъ и посѣтителей, или только при Дѣйствительныхъ Членахъ; въ первомъ случаѣ ко всѣмъ посылаются приглашительныя повѣстки на имя каждой особы отъ Предсѣдателя.

„§. 34. Предсѣдатель имѣетъ право созвать Дѣйствительныхъ Членовъ къ засѣданію чрезвычайному, ежели того потребуетъ необходимость.

„§. 35. За нѣсколько дней предъ каждымъ обыкновеннымъ засѣданіемъ полагается быть пригото- вительному Собранію, которое состоять должно изъ Предсѣдателя, Секретаря и трехъ Дѣйствительныхъ Членовъ. Въ сихъ Собраніяхъ разсматриваются сочиненія, представленные Обществу; ибо ни одно сочиненіе не должно быть читано въ засѣданіи, не бывъ прежде одобрено Членами пригото- вительнаго Собранія. Въ случаѣ разногласія рѣшеніе оканчивается голосами. Неодобренныя сочиненія по требованію Сочинителя отдаются ему обратно. Члены пригото- вительнаго Собранія наблюдаютъ, чтобы въ крипическихъ разбо-

рахъ и вообще въ сочиненіяхъ отнюдь не было оскорбительныхъ. выраженій, относящихся прямо къ лицу кого-либо изъ писателей.

„§. 38. Порядокъ чтенія назначается Предсѣдателемъ. Нѣкоторыя сочиненія по приличію матеріи читаются съ кафедры. Дѣйствительные Члены и соприудники читающъ свои сочиненія сами, или поручающъ кому либо другому, но только не споронному. Сочиненія, присланныя отъ неизвѣстныхъ или отъ постороннихъ, читаются по назначенію Предсѣдателя.

„§. 40. Общество ежегодно издаетъ по одной книгѣ своихъ *Лѣтописей*, въ которыя вносятся описанія засѣданій и читанныя во время оныхъ сочиненія.

„§. 41. Общество издаетъ представленные отъ Членовъ, Соприудниковъ и отъ постороннихъ любителей. полезныя книги, и преимущественно классическія, по предварительномъ оныхъ разсмотрѣніи и одобреніи.

„§. 46. Всѣ пожертвованія и приношенія Членовъ и стороннихъ любителей Общественной Словесности доводятся до свѣдѣнія высшаго учебнаго Начальства чрезъ посредство Попечителя Университета.

„§. 47. Сочиненія, читанныя въ засѣданіяхъ и напечатанныя въ *Лѣтописяхъ Общества* (§. 40.), состоятъ въ распоряженіяхъ Общества: но сочинитель не лишается права вновь напечатать ихъ гдѣ пожелаетъ, съ поправками, или переѣнками.“

Назначенные къ составленію Общества Дѣйствительные Члены, бывъ приглашены господиномъ Попечителемъ въ домъ Университетскій, 6 числа минувшаго Іюля имѣли первое свое собраніе, въ которомъ происходило, между прочимъ, слѣдующее: Объявленъ Его Превосходительствомъ и прочитанъ Высочайше одобренный Уставъ Общества — Избраны Дѣйствительные Члены въ Предсѣдатели, Секретари, Казначей и въ Члены приготовительнаго собранія, по большинству голосовъ на основаніи Устава — Его Превосходительство господинъ Попечитель, особенно споспѣшествовавшій учрежденію сего Общества, по единодушному всѣхъ Членовъ желанію принялъ на себя званіе Почетнаго Члена Общества — Почетный Членъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ въ основаніе библіотеки Общества предложилъ въ даръ сочиненія Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина, а Дѣйствительный Членъ Платонъ Петровичъ Бекетовъ представилъ общался сочиненія Богдановича, Дмитриева и Карамзина.

Прилагается списокъ Дѣйствительныхъ Членовъ по старшинству ихъ вступленія: П. И. Спраховъ; А. А. Прокоповичъ-Аншонскій, Н. Н. Сандуновъ, П. П. Бекетовъ, Графъ Г. С. Салтыковъ, Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ, Д. И. Вельяшевъ-Волынцовъ, А. Ѳ. Мерзляковъ, М. Т. Каченовскій, Л. А. Цвѣтаевъ, И. А. Двигубскій, М. Г. Гавриловъ, П. М. Дружининъ, В. Л. Пушкинъ, Ѳ. Ѳ. Ивановъ, Р. Ѳ. Тимковскій, П. В. Побѣдоносцевъ, А. В. Болдыревъ, А. А. Перовскій, С. В. Смирновъ, Я. І. Бардовскій.

Театръ. Юля 19. *Независть къ лю-
дямъ и раскаяніе, комедія въ 5 дѣйстви-
яхъ, соч. 2-на Коцебу.* Въ епой комедіи на-
добно болѣе плакать нежели смѣяться; она
принадлежитъ къ роду такъ называемыхъ ко-
медій слезливыхъ. Правда, что управитель Биш-
перманъ очень забавенъ съ болтаньемъ своимъ
о корреспондентахъ, которые пишутъ къ нему
изъ далекихъ странъ о разныхъ достопамят-
ныхъ происшествіяхъ; сынъ его Пётръ такъ
же выдуманъ для того, чтобы развеселилъ
нѣкоторыхъ зрителей: но два ненужные пу-
сломъли вовсе непринадлежатъ здѣсь къ глав-
ному содержанию комедіи, у котораго они да-
же отнимаютъ много силы и дѣйствія на серд-
це. Послѣ прекрасной и разительной сцены
въ четвертомъ актѣ, гдѣ Ейлалія признается
Графинѣ въ своемъ преступленіи, сочи-
тель шопчасъ требуетъ, чтобы зрители смѣ-
ялись глупости Петра, которой пропивъ же-
ланія своего куритъ трубку, думая шѣмъ уго-
дить Графу! — „Что за дьяволицина! да
и ты куришь?“ — И конечно я курю, хо-
тя мнѣ счесть это противно. — „А чортъ
ли тебѣ велѣлъ? — Ваше Сіятельство мнѣ
изволили приказати. — „Я?“ — Какъ же!
ризвъ не вы сказали: поди, Пётръ, при-
неси для насъ трубокъ? — „Для меня и
для Майора.“ — Ну, да вить и я тутъ
же былъ.“ — Ты съ ума сошелъ, повѣсь! —
Относится ли епо къ связи комедіи? Я рас-
проганъ; душа моя наслаждается томнымъ
удовольствіемъ скорби, приемля участіе въ
горестномъ положеніи раскаевающейся пре-
ступницы; великодушіе Графини заставляетъ
меня уважать ея характеръ; я въ приятномъ
забвеніи: и чтожъ? Во мнѣ возбуждаютъ про-

живное чувство и при томъ самымъ неудачнымъ способомъ? Печаль имѣетъ свои наслажденія, а сердце не можетъ быстро переходить отъ одной крайности къ другой. Смѣшеніемъ забавъ разнородныхъ ослабляется ихъ сила. Г. Коцебу часто дозволяетъ себѣ дѣлать такія погрѣшности, стараясь угождать по видимому не избраннѣйшей, но многочисленнѣйшей публикѣ. Еще замѣчу, что *Некавистъ къ людямъ и рассказы* по содержанию своему и по главнымъ характеристамъ не есть комедія; ибо должность комедіи состоитъ въ томъ, чтобы смѣшить зрителей и показывать имъ различныя спранныости... Но примѣры лучше всѣхъ правилъ, и для того совѣтовалъ бы я нѣкоторымъ иноязычнымъ писателямъ, оставивъ излишнюю гордость, поучиться начертанію характеровъ и остроумнымъ шулкамъ въ сочиненіяхъ Княжнина и Фонъ-Визина.

Юля 22. *Наталья, Боярская дочь, героическая драма въ 4 дѣйствіяхъ съ хорами, соч. г-на Глинки.* Одинъ *Пожилой Любитель отечественной словесности* преподаль (*) хорошія правила для всѣхъ любителей театра. По его словамъ, всякое замѣчаніе объ игранный на театрѣ поемѣ есть кришика. Изъ сей великой аксіомы непосредственно слѣдуетъ: что *основательное и безпристрастное сужденіе необходимо для того, кто взялся разсматривать сочиненія другихъ; что нѣсколькими самопроизвольными строками не должно уничтожать*

(*) Руской Вѣстн. на 1810 годѣ N 4 стр. 95 и слѣд.

достоинства поэмъ и трагедій; что критика весьма трудна, и требуетъ, чтобы критикъ хотя отчасти уравнивался съ душою и способностями тѣхъ творцовъ, которыхъ онъ судить и разсматриваетъ; что Лагарнь написалъ нѣсколько трагедій и прославяся многими сочиненіями, иначе разбиралъ писателей и на все предлагалъ доказательства; что разборъ одной Заиръ занимаетъ въ Лицеѣ Лагарна около ста страницъ, и что словесность имѣетъ свои прелесть и доказательства. Иной подумаешь, что Пожилой Любитель возлагая такія важныя обязанности на сочинителя коротенькихъ театральныхъ замѣчаній, по обычаю нѣкоторыхъ стариковъ, своенравныхъ и прихотливыхъ, пребудетъ невозможнаго; а я почти увѣренъ въ крепости нрава и въ сговорчивости Пожилаго Любителя: онъ сдѣлаетъ значительную уступку изъ своихъ претребованій и дозволитъ писать театральныя сцены на немногихъ страницахъ, лишь бы только журналисты съ благоговѣніемъ отзывались о драмахъ и трагедіяхъ, сочиняемыхъ его приятелями. Но оставимъ постороннее; надѣясь на благосклонность и снисхожденіе Пожилаго Любителя, я хочу говорить о Натальи, Боярской дочери. Г. Сочинитель въ предисловіи къ драмѣ своей признается съ надлежащею скромностію, что слабое изображеніе отечественныхъ предметовъ въ драмѣ сей наградила его лестнѣйшими лаврами: слезами и благоволеніемъ зрителей. Извѣстно, что лавры сіи выросли въ повѣсти г-на Карамзина, и уже голыые пересажены въ огородъ г-на Сочинителя, которой однакоже ни слова о томъ не упомянулъ въ про-

спранномъ своемъ предисловіи. Охотники до садоводства знаютъ по опытамъ, что пересаживаніе не всегда бываетъ удачно: годовая пора, погода, свойство земли и другія обстоятельства иногда благоприятствуютъ, иногда противятся намѣреніямъ садовника, и случается не рѣдко, что бѣдныя деревья или вянутъ, или совсѣмъ засыхаютъ. Не должно удивляться, что и съ упомянутыми выше лаврами, сколько впрочемъ ни лестны они для г-на Сочинителя, случилась нѣкоторая неудача: я называю неудачею то, что сіе прекрасное дерево въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ еще и до сихъ поръ не разширило сбнolistвенныхъ вѣтвей. И неудивительно: г. Карамзинъ, въ качествѣ повѣствователя, рассказывалъ своимъ слогомъ, не заботясь какъ говорили Бояринъ Матвѣй, Алексѣй, Наталья; а г. Глинка непременно долженъ былъ лицамъ своимъ вложить въ уста бесѣду, приличную ихъ вѣку, возрасту, состоянію, образу жизни (дѣло очень, очень трудное); Повѣствователь имѣлъ свободу продлить дѣйствіе мѣсяца на три, или на четыре; а Сочинитель драмы правилами искусства принужденъ былъ продолженіе дѣйствія сгнѣснить въ промежутокъ немногихъ часовъ, и потому-то въ повѣсти Россійское ополченіе идетъ въ походъ противъ Липовцевъ, а въ драмѣ Крымскіе Татары нападаютъ на самую Москву. И Царь свѣдалъ о томъ не прежде, какъ непріятель началъ уже опустошать окрестности престольнаго града! Въ повѣсти имѣютъ мѣсто разныя украшенія, зависящія отъ свободной изобрѣтательности, несгнѣняемой драматическими правилами, и рассказъ продолжается до конца, не обременяясь ненужными лицами;

въ драмѣ почтено за приличное вклеить какого-то Боярина Бориса, которой неучаствовалъ въ подговорѣ и увозѣ Натальи ((завязка драмы)) и могъ бы неучаствовать въ побѣдѣ надъ войскомъ неиряпельскимъ и въ примиреніи Алексѣя съ Бояриномъ Машвѣмъ. Всѣ сіи и нѣкоторыя другія неудобства, охлаждая драму, неблагоприятствуютъ прозябенію пересаженныхъ лавровъ. Г. Сочинитель драмы думаетъ (см. предисл.), что *онъ выполнилъ по возможности нравозучительный предметъ*. Ещѣ предметъ дѣйствительно выполненъ въ разсужденіи лица излишняго, Боярина Бориса, которой, оклеветавъ невиннаго, мучился совѣстію и раскаивается въ гнусномъ своемъ поступкѣ; чтожъ касается до Алексѣя, то ему хорошо удалось смастерить свое дѣло, увезти Наталью изъ родительскаго дому. Подоспѣла Ташарская рать, некогда было и раскаяться! Д. Д.

~~~~~

Письма къ Издателю Вѣстника Европы.

1.

Узнавъ о двухъ несчастныхъ семействахъ г. Полковника Ильина и г-жи Поручицы Черновой (*), я имѣлъ удовольствіе относиться къ вамъ, прося васъ сдѣлать извѣстными го-

(*) О первомъ отъ Его Превос. П. М. Пичугина, а о другомъ отъ Ея Превосх. Е. Я. Аршеневской.

рестное положеніе ихъ. Вы помѣстили письмо мое въ вашемъ Журналѣ, и посредствомъ вспоможенія людей щедрыхъ, великодушныхъ, состояніе сихъ несчастныхъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, *получило совсѣмъ другой видъ*. Прежде, они лишены были всѣхъ возможныхъ средствъ къ пропитанію; теперь они имѣютъ уже нѣкошорыя, по крайней мѣрѣ необходимыя удобства жизни.

Убѣжденіями облагодѣтельствованныхъ обязанный быть, такъ сказать, посредникомъ между ими и благопвѣршелями ихъ, я желалъ бы изобразить по чувству живѣйшей благодарности, коимъ сопровождалось всякое вспоможеніе, до нихъ доходившее. Но описаніе самое сильное было бы слабо въ сравненіи съ ихъ чувствами. И такъ я ограничиваюсь здѣсь исчисленіемъ тѣхъ благопвѣршелей, кои непосредственно участвовали во вспоможеніи симъ несчастнымъ:

Графъ Федоръ Васильевичъ *Ростопчинъ*, который (до припечатанія о сихъ семействахъ въ В. Е.), кромѣ денежныхъ пожертвованій, прислалъ къ г. Ильину своего домашнего Доктора для излѣченія болѣзни его.

Напалья Пешровна *Маслова*, Она безденежно доставила г. Ильину кварширу въ домъ своемъ.

Алексѣй Федоровичъ *Малиновскій* опредѣлилъ г. Ильину изъ благопвѣршельной суммы покойнаго Графа Н. П. Шереметева ежегодный пенсіонъ по 180 р.

Участвовавшіе въ единовременныхъ пожертвованіяхъ :

Князь Д. Д. Циціановъ, Князь М. Д. Циціановъ, Ф. М. Карабановъ, Князь С. И. Одуевской, Кн. В. П. Шаховской, П. И. Глѣбовъ, Кн. М. Н. Барятинской, Г. Валеріанъ, Ф. Я. Ваксмутъ, В. Ф. Тимковскій, А. П. Коробинъ, П. А. Ижоринъ, П. С. Филимоновъ, В. А. Жуковскій, Н. М. Хозиковъ, С. М. Соковнинъ и прочіе, коимъ угодно было сокрыть имена свои. Н. М. Юрьевъ, сверхъ денежнаго пожертвованія, принималъ на себя трудъ получать изъ Почтамта письма и деньги, предоставляемые въ пользу сихъ несчастныхъ семействъ. Имъ получены нѣкоторые пожертвованія отъ неизвѣстныхъ, изъ Тамбова, Риги, и пр. Въ числѣ сихъ неизвѣстныхъ благошворителей, по многимъ удостовѣрительнымъ признакамъ, должно также считать и Ея Сіятельство, Графиню Анну Алексѣевну Орлову.

Исчисленіе сихъ благошвореній само собой обнаруживаеиъ, сколь много оба сіи несчастныя семейства обязаны. . . .

Я желаю, чтобы Журналъ вашъ, столь много способствующій къ распространенію полезныхъ свѣдѣній, продолжалъ бы разспрашивать и усилжи благошворительности. Вашъ, и проч :

В. Филимоновъ.

Москва.

2.

Случившійся пожаръ въ сельцѣ Иванковѣ, находящемся въ Угличскомъ уѣздѣ и принад-

лежащемъ мнѣ вообще съ другими помѣщиками, истребилъ наши и крестьянъ нашихъ дома и большую часть нашего имущества. Предоставляю каждому судить о тогдашнемъ нашемъ положеніи. Въ то самое время какъ мы единственно въ горести искали облегченія судьбы своей, явился къ намъ пошпанный другъ человечества П. П. М.; не знавши насъ лично, неимѣвши съ нами никакихъ сношеній, онъ предложилъ намъ и крестьянамъ нашимъ для построенія жилищъ лѣсъ отъ щедрой своей благотворительности, а послѣднихъ сверхъ того надѣлилъ и деньгами на обзаведеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. Убѣдительноше прошу васъ принять участіе въ засвидѣтельствваніи сердечной нашей благодарности сему доспопощенному благодѣтелю, коего великодушіе оживило насъ столь оправданнымъ вспоможеніемъ. Да будутъ услышаны Отцемъ Небеснымъ наши объ немъ молитвы!

Николай Палицынъ, Угличскій помѣщикъ.

Іюль 1811 года.

У. П О Л И Т И К А.

Еще извлечение изъ отчета Французскаго Министра.

Въ достопамятномъ отчетѣ о состоянїи Имперїи, предсавленномъ 29 Іюня отъ Министра внутреннихъ дѣлъ Графа Монтпаливе Законодательному собранію, содержишя между прочимъ и слѣдующее:

Ссоры за вѣру, слѣдствїя политическихъ безпокойствъ нашихъ, совершенно исчезли; нынѣ во Франціи священники живутъ согласно съ своими епископами, которые равнымъ образомъ согласны между собою какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ усердіи къ правительству. Поедику двадцать семь епархїй съ давняго времени сдѣлались праздными, и Папа съ 1805 по 1807 и съ 1808 года донынѣ двукратно отказывался исполнить условїя конкордата, которымъ онъ обязанъ посвящать назначаемыхъ отъ Императора епископовъ; по симъ отречаніемъ конкордатъ уничтожился, и теперь болѣе уже онъ несуществуетъ. Того ради Императоръ нашелся принужденнымъ созвать всѣхъ епископовъ Имперїи, дабы они посовѣшоваши между собою о средствахъ наполнить праздыя мѣста, и постановили бы о наполненїи шѣхъ, кои впредь сдѣлаюшя праздными, какъ было при Карлѣ Великомъ, при Лудовикѣ Святомъ и во всѣ вѣ-

ви, предшествовавшіе конкорданту, заключенному между Францискомъ I и Львомъ X; ибо католическое исповѣданіе имѣетъ право хвалиться тѣмъ, что оно не можетъ обойтись безъ отправленія должностей и безъ назначенія епископовъ. Такимъ образомъ уничтожился и тотъ славный между Францискомъ I и Львомъ X заключенный договоръ, которому долго сопротивлялись Церковь, Университетъ и дворы государей, и о которомъ законовѣдцы и сановники тогдашняго времени говорили, что Король и Папа взаимно одинъ другому уступили то, что имъ вовсе не принадлежало. Впредь судьба епископства, которое имѣетъ столь тѣсную связь съ вѣрою, зависѣть будетъ отъ постановленій Собора. Онъ рѣшитъ, были ли безъ епископства какъ Франція такъ и Германія.

Хотя впрочемъ между Императоромъ и свѣтскимъ владѣтелемъ Рима произошли нѣкоторыя несогласія; однакожъ не было никакихъ между Императоромъ и Главою вѣры, и ничего неслучилось такого, отъ чего и самыя опасливыя души могли бы безпокоиться.

Гражданское правосудіе и уголовное до сихъ поръ были раздѣльны; послѣдній принятый вами судебникъ соединилъ ихъ. Для наполненія разныхъ мѣстъ Его Величество обратилъ вниманіе свое на тѣхъ людей, которые служили въ прежнемъ Парламентѣ, и которые по своимъ лѣтамъ и знаніямъ способны къ должностямъ въ Императорскихъ судилищахъ.

Вступили многія представленія о разграниченіи разныхъ департаментовъ. Поданы бы-

ли даже мнѣнія объ учрежденіи, вмѣсто нынѣшнихъ префектуръ, великихъ префектуръ; но Его Величество отвергъ ихъ, положивши за правило: одинъ разъ сдѣланное почитать твердымъ и прочнымъ. Непостоянствомъ все уничтожается; устройство департаментовъ подвержено было великимъ переменамъ; Его Величеству неугодно до него прикасаться. Департаменты составились и утвердились при важныхъ обстоятельствахъ, которыя сблизили жителей — и жители должны оставаться въ сѣмь соединеніи. . . .

Университетъ оказалъ успѣхи. Всякое публичное воспитаніе должно быть управляемо военнымъ порядкомъ, а не благочиніемъ гражданскимъ или церковнымъ. Навыкъ къ порядку воинскому всѣхъ другихъ нужнѣе; ибо во всѣхъ положеніяхъ жизни онъ необходимъ есть гражданамъ для защищенія собственности своей отъ внутреннихъ и вѣншихъ неприятелей. Черезъ то лѣтъ совершится все благо, ожидаемое Императоромъ отъ Университета и всѣ его предначертанія; однакожь и теперь получены уже великія выгоды, и нынѣшнее гораздо лучше того, что было прежде.

Изобрѣтеніе магнитной стрѣлки нѣкогда произвело перемену въ торговлѣ. Сахаръ прекратилъ употребленіе меда, а индиго вайды. Химія нынѣ производитъ обратную перемену: она извлекаетъ сахаръ изъ винограда, изъ клену, изъ свеклы. Вайда обогатившая Лангедокъ и часть Италіи, и при младенчествѣ художествъ невозможная спорить съ индиго, теперь опять беретъ преимущество. . .

Обозрѣніе происшествій.

Парижъ, отъ 22го Іюня. Н. ст. Многія толпы Испанскихъ инсургентовъ за дерзость свою наказаны весьма жестоко. Одна изъ нихъ осмѣлилась напасть на Аранжуецкой гарнизонъ; но Генералъ Бигарре прогналъ ее; при чемъ многіе изъ инсургентовъ убиты. Сей же Генералъ нечаянно началъ въ Евесѣ на другую сторону мятежниковъ, бывшихъ подъ начальствомъ *Камилла*. Не многіе изъ нихъ успѣли спастись бѣгствомъ; а прочіе все побины. (С. И. В.)

Отъ 4 Іюня. Н. ст. Минувшаго мѣсяца 27 числа находящійся здѣсь Австрійскій Посолъ Князь Шварценбергъ, отправався со всеми особами Посольства въ церемоніальномъ экипажѣ въ Сенъ-Клу, поднесъ лично Королю Римскому знаки Венгерскаго Ордена Св. Стефана. — Въ день крещенія Короля Римскаго выдано было всему Парижскому гарнизону не въ зачетъ мѣсячное жалованье.

Отъ 9 Іюля. Н. ст. По полученнымъ изъ арміи Гишпанской извѣстіямъ, Таррагона взята войсками нашими приступомъ. Въ ней найдено 20 знаменъ и великое множество артиллерійскихъ снарядовъ. — Дивизионный Генералъ Сюшетъ возведенъ въ достоинство Маршала Имперіи. — По представленному Министромъ Графомъ Реніо Сенъ-Жанъ д'Анжели въ Государственный Совѣтъ отчету, доходы Имперіи умножились въ нынѣшнемъ году прошлаго минувшаго года на 159 милліоновъ, и составляютъ вообще 954 милліона франковъ. Государственный долгъ, купно и съ долгами Голландіи, простирается до 88 милліоновъ.

Отъ 10 Іюля. Н. ст. Третьяго дня Вице-Король Италіянскій отправился отсюда въ свои владѣнія. — Извѣстному содержателю типографіи Бонони пожаловалъ Императоръ по 3000 франковъ пенсіи; а отъ Короля Неаполишанскаго получилъ онъ орденъ обѣихъ Сицилій, знаки коего присланы были къ нему въ золотой брилліантами осыпанной шабакеркѣ, съ вензловымъ именемъ Его Величества.

✱

Изъ Байонны, отъ 27 Іюня. Н. ст. Король Гишпанскій прибылъ сюда 23 числа сего мѣсяца. При вѣздѣ Его Величества въ городъ производилась пушечная пальба и на всѣхъ находящихся здѣсь судахъ распущены были флаги. Сего дня отправился онъ отсюда въ Гишпанію.

(Сѣв. Поч.)

✱

Изъ Вѣны, отъ 19 го Іюня. Н. ст. Англійскій Посланникъ въ Константинополь протестовалъ официальнойною нотою противъ того, что Французскій Посланникъ занялъ домъ, принадлежащій Испанскому Посольству.

(С. П. В.)

Отъ 21 Іюня. Н. ст. Курсъ нашъ сего дня былъ сначала 281, потомъ понизился до 286, а при окончаніи биржи былъ уже 291, такъ что за сто гульденовъ монеты давали 1,455 гульденовъ ассигнаціями. — Съ 1 Февраля будущаго 1812 года находящіяся нынѣ въ обращеніи ассигнаціи наши не будутъ нигдѣ принимаемы; мѣсто ихъ заступятъ новые билеты, которые выпущены будутъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Обмѣнъ ассигнацій на сіи билеты за пшпую долю цѣны ихъ поручается

Коншорамъ въ Вѣнѣ , Прагѣ , Брюннѣ , Троннау , и въ другихъ городахъ.

(С. П. В.)

Отъ 22 Юня. Н. ст. Здѣшнее купечество, по поводу подозрѣнія, будто бы злонамѣренныя онаго дѣйствія производящъ пониженіе нашего денежнаго курса, подало отъ себя оправданіе, въ которомъ объявило, что сіе пониженіе происходитъ отъ скупа на биржѣ золота и серебра, и что такое скупаніе производится небольшимъ токмо числомъ ихъ сотоварищей. — Теперь уже заподлинно извѣстно, что Венгерскій Сеймъ открылся 25го Августа въ Презбургѣ.

Отъ 26 Юня. Н. ст. Въ здѣшней Императорской типографіи около недѣли занимающся день и ночь работою. Въ нее никого не впускающъ, и также никому изъ приспавленныхъ къ сей работѣ не позволено выходить. Изъ сего заключающъ, что печатается новый манифестъ, касающійся до государственныхъ доходовъ. (С. П. В.)

Отъ 3 Юня. Н. ст. Императоръ нашъ выѣхалъ уже изъ Бадена, и въ непродолжительномъ времени оправишся въ Венгрію.

*

Изъ Австріи, отъ 1 Юля. Н. ст. Утверждающъ, что купечество Австрійское должно будетъ представить въ казну наличною монетою 20 милліоновъ, изъ коихъ составленъ будетъ на первый случай капиталъ размѣнной кассы для новыхъ банковыхъ билетовъ. Сверхъ того и всѣ значныя особы въ Имперіи, не исключая и Принцовъ Императорской Фамиліи,

внесушъ на сей же конецъ въ казну великія суммы. (Съв. II.)

*

Изъ Швейцаріи, отъ 12го Іюня. Н ст.
 Въ бывшее бго числа шретіе засѣданіе Сейма читаны мнѣнія Государственныя Чиновъ о наборѣ войскъ для Французской службы. Изъ оныхъ усмотрѣно, съ какимъ единодушнымъ согласіемъ все Кантоны готовы стоспособствовать сему набору на нѣхъ правилахъ, какія до сего времени наблюдались. Сверхъ того сдѣлано замѣчаніе, что обязанности, принятыя на себя Швейцаріею, не токмо совершенно выполнены, но она еще сдѣлала гораздо болѣе, нежели сколько отъ нея требовалось; что число 20,000 человекъ природныхъ Швейцарцевъ, набранныхъ въ шеченіи прехъ лѣтъ для воинской службы, чрезвычайно велико и почти безпримѣрно въ лѣтисіяхъ сего Государства; что количество денежныхъ суммъ, на сіе употребленныхъ, показываеніи совершенно добровольное и весьма значущее, Швейцарскимъ народомъ сдѣланное пожертвованіе; что ежели при всемъ томъ наборъ рекрушъ не всегда имѣлъ желаемый успѣхъ: то въ семъ случаѣ не лзя вицить народъ, но должно приписывать сіе нѣмъ несчастнымъ обстоятельствомъ, отъ коихъ Швейцарскіе полки терѣли весьма нарочитый и чувствительный уронъ въ людяхъ, а при томъ тогда еще не было сдѣлано надлежащихъ разпоряженій для рекрутскаго набора. Государственные Чины признають точное исполненіе сея обязанности совершенно согласнымъ съ истинною пользою опечества, и что по сему впродъ должны бытъ приняты спротія мѣры пропивиу нѣхъ, кои окажутъ хотя малѣйшій видъ ошвращеніи отъ

воинской службы. Если же впредь сдѣланы будутъ какія либо о предметѣ семъ новыя постановленія; по оныя должны бысть разсмотрѣны особенно для сего учрежденною Коммисією.

(С. П. В.)

*

Изъ Карлсруге, отъ 29 Іюля. Н. ст.
Торжественный обрядъ погребенія покойнаго Великаго Герцога нашего совершенъ былъ 24 числа сего мѣсяца въ Пфорцгеймѣ со всѣмъ приличнымъ сему случаю великолѣпіемъ. Тѣло опшравлено было отсюда наканунѣ въ 10 часовъ вечера, и сопровождаемо нынѣшнимъ Великимъ Герцогомъ и находящимися здѣсь значнѣйшими чиновниками до самаго мѣста погребенія. На гробѣ находилась украшенная золошою короною урна, въ коей положено было сердце сего любимаго всѣми подданными Государя. (С. Поч.)

*

Неаполь, отъ 4 Іюля. Н. ст. Король нашъ, по прибытіи своемъ изъ Парижа, всякой день и весьма долго занимается Государственными дѣлами вмѣстѣ съ своими Министрами. Его Величество назначилъ значныя награжденія пѣмъ сельскимъ экономамъ, которые засѣютъ свекловицею по крайней мѣрѣ до 10 десятинъ земли. — Отъ здѣшней столицы до Реджіо въ Калабріи, въ разныхъ мѣстахъ по морскому берегу построены башарей, подъ защитою коихъ суда могутъ безопасно ходить подлѣ нашихъ береговъ. Англичанамъ сіе весьма не нравится. Фрегаты ихъ неоднократно, впрочемъ безъ всякаго успѣха, покушались препящивовашъ построенію сихъ башарей.

*

Константинополь, отъ 26 го Мая. Н. ст. На сихъ дняхъ между Янычарами произошла ошпшь кровопролитная ссора; во время сего мяшежа, 25 и 31 орны дрались между собою нѣсколько дней сряду на улицахъ Константинопольскихъ. при семъ случаѣ, кромѣ другихъ наглоспей, разграблены были многя купеческія лавки. Султанъ, узнавъ о семъ происшествіи, изъясилъ крайнее свое негодованіе, и Янычарскому начальнику приказалъ опобратъ у Янычаръ оружіе, и не давать имъ онаго во все то время, пока они жишь будутъ въ столицѣ; а при томъ объявлялъ, что ежели впредь произойдутъ какіе либо безпорядки, то начальникъ Янычарскіи обязанъ лично отвѣтствовать за оныя. Вскорѣ послѣ сего повелѣнія оружіе у Янычаръ опобрано, и спокойствіе возстановилось. Въ предѣлахъ Цербъ и Галамъ, во время сего мяшежа, сохраняемо было совершенное спокойствіе: ибо Каишанъ - Паша принялъ надлежащія къ тому мѣры. Онъ получилъ приказаніе всехъ тѣхъ, коиорые опважались нарушать общеспвенную тишину, предавать смертнои казни безъ дальняго изслѣдованія. — Въ теченіи двухъ дней опправлено опсюда къ арміи Верховнаго Визира 10 Янычарскихъ орнъ; а все прочіе аршиалеристы и другіе воинские служители, остающіеся здѣсь, употреблены будутъ для приумноженія экипажа Султанскаго флота, спящаго теперь въ Босфоръ въ готовности къ походу. — 23 го Числа опправлено опсюда въ армію нѣсколько повозокъ съ піаспрами для раздачи войскамъ жлованья.

(С. П. В.)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 16. АВГУСТЪ 1811.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Характеръ Помпея.

Помпей рано заслужилъ имя великаго, и такими подвигами, которые по законамъ республики необходимо дѣлали его великимъ; его слава и военные успѣхи помрачили дѣянія знаменитѣйшихъ полководцевъ Римскихъ. Троекрасно принималъ онъ почести триумфа за одержанныя побѣды во всѣхъ извѣстныхъ тогда частяхъ свѣта, въ Европѣ, въ Азіи, въ Африкѣ, и сими побѣдами удвоилъ пространство и доходы республики. Самъ онъ объявилъ народу, возвращаясь въ Римъ изъ похода противъ Митридата, что нашелъ Малую Азію предѣломъ, а оставилъ ее средопочіемъ Римскихъ владѣній. Помпей былъ спарже Цезаря почти шестью годами; и тогда какъ Цезарь, утѣпавшій въ забавахъ, обременен-

ный долгами, подозрѣваемый всѣми честными людьми, едва смѣлъ показываться передъ народомъ, Помпей процвѣшавшій славою и могуществомъ по общему согласію уже управлялъ кормиломъ республики. По видимому, все его честолюбіе спремилось въ шой цѣли, чтобъ быть первую особою въ Римъ, быть начальникомъ, но не тираномъ въ своемъ опечесствѣ; ибо нигде неимѣлъ большей удобности безопасно содѣлаться самодержавнымъ обладателемъ: но его удерживала честность, или по крайней мѣрѣ хладнокровіе; онъ ожидалъ, пока народъ предложитъ ему добровольно власть верховную, и не спарался захватить ее насильственно; поддерживая разныя спорны въ городѣ, онъ хотѣлъ, чтобы онъ спеченіемъ обстоятельствъ принужденъ былъ провозгласить его Дикшаноромъ. Вообще замѣчаютъ историки, что Цезарь не полагалъ различія между властію принятою по просьбѣ и похищенною насильственно, между любовію и страхомъ подчиненныхъ; но что напрошивъ того Помпей уважалъ только власть поднесенную по согласію добровольному, и хотѣлъ управлять не иначе какъ по желанію подчиненныхъ. Свободное время онъ дѣлалъ военныхъ употреблялъ онъ на упражненіе въ изящной словесности, особливо же въ вишійствѣ; и на семъ поприщѣ онъ неменѣе прославилъ

бы имя свое, когда бы склонность его не увлекала къ блистательнѣйшей славѣ военной; впрочемъ онъ съ успѣхомъ защищалъ приятелей своихъ въ судилищахъ, и о нѣкоторыхъ ходатайствовалъ вмѣстѣ съ Цицерономъ. Рѣчи его отличались обиліемъ и возвышенностію; мысли его были правильныя, голосъ чистый, произношеніе благородное и важное. Вообще однакожъ дарованія его были образованы болѣе для военныхъ дѣлъ нежели для гражданскихъ. Вездѣ и всегда наблюдалъ онъ одинакой порядокъ; постоянную крѣпость, умѣренность; важность въ поступкахъ; но въ станѣ военномъ строгость его была необычная; для удержанія своевольныхъ. Помпей имѣлъ лице приятное, внушающее почтительность; но на немъ изображалась скрытная гордость; болѣе приличная полководцу нежели простому гражданину. Способностей ума его не столько въ самомъ дѣлѣ были велики, сколько казались блестящими: онъ не имѣлъ особенной проницательности; ни дальновидности; ибо почтя пришествіе главнымъ орудіемъ въ правленіи, не всегда умѣлъ скрывать истинныхъ своихъ мыслей и намѣреній. Будучи искуснѣйшимъ воиномъ нежели политикомъ, онъ обыкновенно терялъ въ городѣ то, что приобрѣталъ въ военномъ станѣ; находясь внѣ Рима, заочно пользовался безпримѣрнымъ почтеніемъ со-

гражданъ, а дома нерѣдко шерпѣль жестокія оскорбленія, такъ что наконецъ безразсудное сопротивленіе Сенапа вовлекло его въ союзъ съ Крассомъ и Цезаремъ, въ союзъ пагубный и для Помпея и для республики. Обоихъ почиталъ онъ не поварищами, а только орудіями своей власти, и думалъ, что, подѣлвшись могущесивомъ своимъ съ ними, освободитъ себя отъ повинности давань опчешъ въ своихъ пошупкахъ: онъ въ мысляхъ своихъ не находилъ причины опасаться, чтобъ они когда-либо сдѣлались его соперниками; ибо ни одинъ изъ нихъ ни по довѣренности у народа, ни по характеру немогъ пославить себя выше законовъ. Слава знаменипыхъ дѣяній, опыпность въ военномъ искусствѣ, преданность войска, все сіе было на споривъ Помпея: но когда онъ по благосклонности своей допустилъ Цезари учаспвовать въ начальствѣ надъ войскомъ; иногда увидѣлъ въ немъ опаснаго сопротивника, и тогда, хотя уже очень поздно, началъ его бояться. Цицеронъ весьма не одобрялъ ни союза его, ни вражды съ Цезаремъ, и уже послѣ разрыва убѣдительно Помпею совѣщивалъ не давань сраженія. Если бы Помпей внялъ мудрымъ совѣщамъ орашора, то сохранилъ бы жизнь и честь свою, сохранилъ бы свободу республики. Но онъ увлекаемъ былъ къ гибели рожденнымъ

своимъ суевѣрїемъ, уваженїемъ суешныхъ предсказанїй и ласкашельствами предвѣщающихъ. Онъ слѣдовалъ въ помыслѣ счастливымъ примѣрамъ Марїя и Силлы. Но Марїя и Силла дѣйствовали единственно по расчетамъ полишники; а онъ по твердой увѣренности: они пользовались предвѣщанїями и ободряли ими воиновъ своихъ, когда видѣли удобный случай къ выгодному сраженїю; а Помпей вопреки благоразумїю, вопреки благоприятствующей вѣроятности положился на предсказанїя и далъ сраженїе Цезарю. Онъ увидѣлъ свою ошибку тогда уже, какъ немогъ ее поправить, и несчастное бѣгство съ полемъ Ферсалїи заставило его признаться, что онъ слишкомъ много довѣрялъ своей надеждѣ, и что Цицеронъ лучше, нежели онъ, умѣлъ разсуждать и далѣе видѣлъ. Принятое намѣренїе искать убѣжища въ Египтѣ довершило судьбу сего великаго мужа. Опець Египетскаго Царя облагодѣшительствованъ былъ Помпеемъ, копорой защищалъ его въ Римѣ и возстановилъ его державу; самъ владѣющїй Царь посылалъ къ нему въ помощь корабли свои противъ Цезаря; но при несчастныхъ обстояельствахъ какой благодарности можно было ожидать отъ двора, управляемаго евнухами и наемными Греками? Всѣ они заботились не о чести

Государя, но объ утверженіи собственнаго своего могущества, которому ввроятно при-
бытіе Помпея угрожало опасностію. Сколь
счастливъ былъ бы онъ, скончавши жизнь
свою на одрѣ болѣзни, когда вся Италія
возносила общыя и молебны объ его выздору-
вленіи! Сколь счастливъ былъ бы онъ, ко-
гда бы палъ жертвою брани на поляхъ Фар-
сальскихъ, защищая свободу отечества!
Кончина его была бы знаменита! Но судьба
предназначила ему быть примѣромъ непо-
спорянства человеческого величія; и потѣ,
кто за несколько дней управлялъ Царями
и Консулами, управлялъ избранными
сонмами Римлянъ, потѣ осужденъ на смерть
шайкою невольниковъ, лишенъ жизни под-
лымъ бѣглецомъ, ногой и обезглавленной
брошенъ на берегъ Египетскомъ. Недоста-
ло частицы земли, какъ говоритъ Веллей
Пашеркулъ, для погребенія того героя, для
побѣдъ котораго едва всей земли доставало.
Тѣло его на томъ же берегѣ предано сож-
женію одинъ изъ его опущенниковъ, упо-
требивъ доски вѣшной ладьи рыбачей, а
прахъ его отвезенъ въ Римъ и поставленъ
въ погребѣ Корнеліею, супругою его, въ
сельскомъ Албанскомъ домѣ. Однакожъ
Египтяне воздвигли въ честь его памят-
никъ, украшенный мѣдными фигурами. Вре-
мя низвергло его и засыпало землею; Им-

ператоръ Адріяиъ повелѣлъ опрышь его и
поставишь на подножіи.

Миддлелтонъ,

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н и н а.

(*Отрывокъ изъ Сеникаторовой поэмъ ;
Espérance.*)

(*Д. П. С. . . у.*)

Замѣна счастья, отрада въ скорбный часъ,
Надежда, никогда не покидаешь насъ;
Какъ Ангелъ благодши, какъ жизни воскреси-
тель,
Спрандья въ мрачную спускается обитель,
На язвы тяжкія бальзамъ цѣлебный льешь,
И шихое за ней спокойствіе печешь,
И возраждается угасшее желанье. . . .
Вся прелесть нашихъ благъ въ одномъ ихъ ожи-
даньѣ.
Пусть опнышы судьбой, пусть намъ несуж-
дены:
Но съ ней — онѣ при насъ, но съ нею — намъ
даны.
Всевышній на землѣ карая пресупленья,
Въ надеждѣ намъ залогъ оставилъ примиренья,
Да насъ она ведетъ въ жилищѣ мрачномъ бѣдъ;
Какъ пушнику вдали гостепріимный свѣтъ

Средь бурь, заблудшему, пристанище являешь,
И робкіе шаги къ нему онъ ускоряешь:
Хоть путь еще далекъ, но трудъ его забвень!
Такъ ею жребій нашъ бываетъ услаждень.
Мечшанья кропкія вокругъ ее толпятся.
О радостяхъ мечшань есть ими наслаждашься.

Надежда, божество, живущее со мной,
Замѣна благъ моихъ, похищенныхъ судьбой!
Какъ щедръ въ дарахъ Творецъ, такъ ты во
ушѣшь!
Ты выше самыхъ благъ — ихъ крапко наслажде-
денье:

Веселье иногда отъ счастья летитъ,
А твой оправданный гласъ въ бѣдахъ неизмѣ-
нитъ! —

Кто можешь описать плачевный жребій Нины?
О жертва бѣдная гоненія судьбины!
Въ веснѣ ея златой другъ нѣжный былъ у ней,
Въ союзѣ двухъ сердецъ все счастье юныхъ дней,
Ихъ пламенная страсть навѣкъ соединяла;
Но бѣдность, коей съ нимъ она непримѣчала,
Разврату одному грозящая собой,
Распоргла ихъ союзъ опца ея рукой.
Пусть проклятъ первый шомъ, кого безумна
сила

На юныя сердца оковы наложила,
Кто счастье чадъ своихъ на златѣ основалъ
И въ чувствахъ ихъ себя посредникомъ из-
бралъ!

Безумецъ ихъ одно предвидитъ обольщенье;
Онъ златомъ замѣнитъ имъ хочешь наслажде-
денье,

Онъ собственннй свой врагъ, онъ благъ су-
пруговъ тать;

Ихъ счастье — чѣмъ дѣлится не въ шомъ, чѣмъ
обладать.

Въ томленіи своемъ, отверженный несчастный,
Другъ Нины, для нее рѣшился въ путь опас-

ный,
Трудомъ искать того, что отнято судьбой;
Ея плачевный гласъ онъ слышитъ за собой:

„Теки, коль должно, въ путь; но Нины злопо-

лучной
„Во сираниствіи твоемъ далеко въ незабудъ;

„Съ богатствомъ возвратись, съ любовью не-

разлучной;
„Будь счастливъ, будь хранимъ и Нинѣ вѣренъ
будь! . . .“

Разстались — мысль ея, надеждою прельщенна,
Ужъ друга зрѣтъ въ краяхъ чужихъ обогатенна.
О прелесть сей мечты! съ любовью, торже-

ствомъ,
Ужъ мнитъ летящаго обратно видѣтъ въ домъ:
Душа блаженствуетъ надежды сболъщеньемъ —
И Нина, въ сиротствѣ, всѣхъ выше насле-

жденьемъ;
Свершились мольбы! суровый рокъ хотѣлъ,
Чтобъ путь свой совершивъ любовникъ Нины
спрастной,

Съ наградою летѣлъ въ отеческой предѣлъ,
Богатство получивъ, искать руки прекрасной:

Ужъ волны подъ его бѣлѣютъ кораблемъ,
Уже неустаешь взоръ бдящій надъ рулемъ,
Уже винитъ его желаній неперпѣнье

Быспрѣносящія стихіи замедленье,
Мольбою ускорить ея мечтаетъ бѣгъ,

Ужъ радостнымъ очамъ желанный видѣнъ брегъ:
Повѣренный, письмо, сердечныхъ чувствъ вмѣ-

спишель,
Лепитъ къ любовницѣ свиданья возвѣститель:

„Заупра на зарѣ! — восторгъ обвемлетъ духъ —

„Съ богатствомъ предъ тобой явится твоя
супругъ!“

Возможноль описать всю прелесть восхищенья!
„Онъ завтра будетъ здѣсь!“ Ужь Нины страшно
ный гласъ,

Неизъяснимаго въ минушу нестерпѣнья,
Зовещъ медлительно идущій ножи часъ.
Желанный мракъ насталь; въ борьбѣ, въ из-
неможеньѣ,

Клянетъ настаившій мракъ и ночи продолженье;
Любовь недремлюща сонъ сладкій гонитъ прочь,
Бсѣхъ болѣе тогда для Нины длилась ночь.
Лишь свѣплый воспылаъ зарею сводъ небес-
ный,

Бѣжитъ, забывши сонъ, на путь для ней из-
вѣстный
И въ дадь туманную недвижный мещетъ
взглядъ,

Наставшій день зветъ днемъ радости, оправдъ;
Но голнце востекло высоко надъ горою;
Все пусто, на пути не видно никого:

„Онъ думалъ, онъ хотѣлъ явиться здѣсь съ
зарею!

„Что можешъ удержатъ стремленіе его?“
Ужь клонится къ груди взоръ Нины и поминся,
И страхъ мучительный средь радости родился;
На каменной скалѣ, смущенная, блѣдна,
Недвижима сидитъ и друга ждетъ она.
Скапилось солнце въ понтъ, лучъ слабый дого-
раетъ

И сумракъ на поляхъ вечерній наступаетъ;
Со мракомъ множится въ душѣ ея печаль,
Въ туманахъ возлегла и спитъ окрестна даль.
Вдругъ слышишь . . . о восторгъ! коня вне-
запно ржанье!

И стукъ его копытъ и поля шрепетанье!
„Онъ, небо!“ — и бѣжитъ. О ужасъ! передъ
ней

Видъ чуждый молніи являешся быстрѣй,

Нахмуренно чело, ликъ всадника ужасенъ :
 „О Нина! швой супругъ!“ — Почто еще не съ
 нимъ ?
 Что медлишь, и гдѣ онъ ? — „Недвижимъ и
 безгласенъ,
 „Пучиной поглощенъ предъ берегомъ род-
 нымъ!“ —
 При словѣ Нина семъ въ мгновенномъ измѣ-
 ненѣ. . .
 По жиламъ мразъ пропекъ, по членамъ цѣпенѣнье;
 По меркѣ блуждающій огонь въ ея очахъ,
 Стѣснился въ сердцѣ вздохъ, рѣчь замерла въ
 ушахъ —
 Поверглась — и надъ ней — спутникъ злой
 судьбины —
 Забвенья долгій часъ, преддверіе кончины.
 Три раза свѣтлая денница настаесть,
 Три раза ночи мракъ чреду свою беретъ.
 О чудо! къ Нинѣ жизнь явилась съ пробуждень-
 емъ ;
 Открылся несмущенъ взоръ свѣтлый огорчень-
 емъ ;
 Вспаесть, вокругъ родныхъ печальный видѣнь
 сонмъ,
 Зришь матерь, зришь сестеръ, въ опчаяньи
 своемъ
 Рыдающихъ о ней . . . о скорби вопрошаесть ;
 И дикой ихъ своей улыбкой поражаетъ ;
 Запимлся навсегда ея разсудка свѣтъ,
 Упрашна крайняя въ сей жизни, полной бѣдъ!
 Подобно шѣмъ огнямъ, свѣтильникамъ вож-
 женнымъ,
 Кошоры у гробовъ свой слабый свѣтъ люшъ,
 Незримые очамъ, на вѣки погашеннымъ,
 Гдѣ шлѣние и смерть печать свою кладутъ :
 Такъ сердце въ ней еще любовію пылаесть,
 Такъ Богъ, опмявши все, надежду посылаетъ,

Безплодный для души но сладостный обманъ!
Ждетъ друга своего къ себѣ изъ дальныхъ
спранъ:

„Онъ живъ, онъ будетъ здѣсь, онъ вѣрно воз-
вратится!“ —

И скорбное чело яснѣе становится.

Въ обманъ горестномъ друзьямъ своимъ речетъ:
„Улыбьшесь, не теперь, такъ завтра онъ при-
детъ!“

Украся тщательно себя одеждой брачной,
И свивши въ даръ вѣнокъ, идетъ опять къ скалѣ,
Зритъ издали его — встаетъ какъ призракъ
мрачной,

Въ туманъ облаковъ касается землѣ;

Поникши ждетъ его въ шершави безплодномъ,
Какъ скорбь, простершая на мраморъ холод-
номъ.

Проходитъ день, увы! другъ милый медлитъ
къ ней;

Съ надеждою слявъ прискорбіе безмѣрно,
„Сегодня непришелъ, онъ завтра будетъ вѣрно!“

Вѣщаетъ и идетъ обратную спезей;

Вѣнокъ разорванный къ ногамъ своимъ бра-
саетъ

И брачный свой покровъ до утра отлагаетъ.

Такъ сердце пламенной исполнено любви,

Обманушо мечтася, подъ вечеръ унываетъ,

И вновь горитъ опять съ явленіемъ зари,

И вновь себя мечтой оправданно питаетъ.

Такъ Нина въ горести спремится съ каж-
дымъ днемъ

Срывать ему цвѣты, въ помлени дожидаться,

Вновь встрѣчна пастыря спрашивать о немъ,

И — съ прежней пустошой подъ кровъ свой
возвращаться.

Лишенная всего, такъ дни она вела,

Прошедшее забывъ, грядущаго не зная,

Лишь новою мечтой духъ скорбный обольщая, —
И вѣспницей когда свиданья смерть пришла,
Чрезъ время долгое на благость преклоненна;
Въ бореніи шоски, надеждой приведена,
Проспершись на скалѣ, она его ждала. —
Я видѣлъ камень потѣ, гдѣ прахъ ея сокрыли,
Сѣнисные дрова надъ нимъ свой мракъ скло-
нили,
Зеленой мохъ хранящъ отъ солнечныхъ лучей;
Тамъ пушникъ, нощи въ часъ, съ чувствитель-
ной душой,
Зришь шбнь ея, луны сіаньемъ освѣщенну;
Всшающе медленно изъ гроба предъ собой,
И мыслишь: нашу жизнь, печальми ошягченну,
Творецъ лишь усладилъ надеждою одной.

М. Милоновъ.

1811. Юля 29.
С. Петербургъ:

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА:

О С а т и р ѣ (*).

(Изъ Сульцеровой Всеобщей Теоріи изящ-
ныхъ наукъ и художествъ.)

Поелику новѣйшіе писатели заимство-
вали отъ Римлянъ названіе сочиненія, о ко-
торомъ предлежитъ рѣчь; но значеніе ко-
его столь далеко распространили; что оно
содѣлалось неопредѣленнымъ: по мы луч-
ше поступимъ, когда сперва отнесемъ къ
древнему значенію, а потомъ изъ онаго из-
влечемъ понятіе, какое теперь выражаемъ
симъ наименованіемъ. Не обращаясь къ
сомнительному словопроизводству, примѣ-
тимъ только, что Римляне названіе *Са-
тиры* давали нѣкоторымъ поемамъ, въ ко-
ихъ глупости и пороки частныхъ лицъ и
цѣлыхъ сословій остро, ѣдко, или руга-
тельно описываемы и нѣсколько подробно

(*) Обѣ слѣдующія статьи присланы изъ С.
Петербурга вмѣстѣ съ *Писемкомъ* о чтеніи
въ Бесѣдѣ (Вѣстн. Евр. 1811 № 15 стр. 206)
и къ нему относящаяся. *Изд.*

въ отвращительномъ видѣ изображаемы были. Сатиры *Гораціевы*, *Ювеналовы* и *Персіевы* всѣмъ извѣстны, и оныя здѣсь какъ примѣры Римской Сатиры привести можно. Римляне выдавали себя за изобрѣтателей сего рода поемы (*). Но какъ названія *Satyra*, *Satura* или *Satira* суть древнѣе самаго *Луцилія* (**); то изъ сего явствуетъ, что *Горацій* только о формѣ Сатиры говорилъ, копорую онъ и оба послѣдователи его удержали. *Енній*, *Пакувій*, *Варронъ* и другіе такъ же писали поемы, названные Сатирами, но оныя были другаго рода. Однако, не взирая на точныя свидѣтельства, теперь только нами приведенныя, нѣкоторыя изъ новѣйшихъ пи-

(*) *Горацій* (*Satyra* X *Libr.* I. *ver.* 65 и 66) говоритъ о *Луциліи*: *Fuerit limatior quam rudis et Graecis intacti carminis auctor*, и тѣмъ чаятельно означаетъ *Еннія*, такъ же Римскаго стихотворца, прежде *Цицерона* жившаго. *Квинтилианъ* говоритъ: *Satira quidem tota nostra est*. См. *Inst.* кн. X. гл. I. *А Діомедъ* о сѣмъ пишетъ: *Satira est carmen apud Romanos, non quidem apud Graecos, maledicum et ad carpenda hominum vitia, archaeae Comoediae caractere compositum, quale scripserunt Lucilius et Horatius et Persius. Sed olim carmen, quod ex variis poematibus constabat, Satira dicebatur, quale scripserunt Pacuvius ex Ennius*. См. *Diom.* кн. III.

(**) К. *Луцилій*, писатель Сатиръ, жилъ незадолго до временъ *Цицероновыхъ*.

сателей почитаютъ Сапиру изобрѣшеніемъ Грековъ. Кому нужно подробное о семъ изслѣдованіе, того отсылаемъ къ *Дридену* разсужденію о происхожденіи и успѣхѣ Сапиры (*).

Предоставляя крипическое изслѣдованіе сего дѣла ученымъ, мы предложимъ только замѣчанія, кои опкроюшъ намъ наспомяцій источникъ, изъ котораго поема сія происходишъ.

Исторія показываешъ, что при нѣкоторыхъ празднествахъ и торжественныхъ обрядахъ у Грековъ и Римлянъ было въ обычаѣ веселишь зрителей всякими смѣшными и ругательными рѣчьми. Сіе самое кажется мнѣ споль достопримѣчательнымъ, что и признаю за нужное изслѣдовать начало сего обычая. Знаніе мое къ тому недостаточно; однакожъ я постараюсь сдѣлать хотя что, что позволяюшъ мнѣ

(*) Разсужденіе сіе на Нѣмецкомъ языкѣ находишся въ 5й Части Собранія разныхъ сочиненій для споспѣшествованія изящныхъ наукъ и свободныхъ художествъ, изданнаго въ Берлинѣ у Николаи. — Ученый и оспрумный сочинитель шворенія подъ заглавіемъ: *Le monde primitif analysé etc.* доказалъ правдоподобнымъ образомъ въ Части, исторію Календаря содержащей, что слово *Satura* произведено отъ имени *Satura*..

мои силы. *Лукианъ* именно говоритъ, что ругательныя рѣчи соспавляли часть Бахусовыхъ празднованій и поржесствъ. Но кажешся, что шаковыя ругательныя рѣчи и при многихъ другихъ празднествахъ употреблялись. *Геродотъ* въ 5 книгѣ повѣствуетъ, что у Епидаврїанъ во время инокшораго поржесственнаго жерпвоприношенія лжкъ или хоръ пѣвцовъ несмѣлъ нападать ругательными словами на мущинъ, а только на женщинъ. Изъ сего усматриваемъ, что инокшорныя лица, а именно хоры, назначаемы были для шаковыхъ порицаній и ѣднихъ насмѣшекъ. Кажешся, что хору въ инокшорные праздники особо поручаемо было увеселять народъ многоразличными способами. Сѣе самое, по всей вѣроятности, послужило началомъ комедїи. Ибо мы не только видимъ, что древнѣйшїя комедїи *Аристофановы* имѣли основанїемъ своимъ порицаніе извѣстныхъ особъ; но также находимъ еще и въ *Куркуліонѣ Плавтовомъ* слѣды первоначальнаго рода комедїи въ томъ, что между ирешимъ и четвертымъ дѣйствїемъ выступаетъ хористъ и шумитъ надъ зрителями весьма язвительно.

Трудно сказать, по какому политическому или психологическому поводу вошелъ шаковой обычай; но мы находимъ и въ сему подобное и у другихъ народовъ. Са-

шурнинскіе списхи древнихъ Римлянъ, и что *Гораций* называетъ *fescennianam licentiam*, когда также во время празднествъ къ религіи опносившихся ивны или польско сказываемы были ругательные списхи; поносительныя ивны просныхъ солдатъ, на счетъ полководцевъ ихъ ивныя и къ шоржеспву пріумфа принадлежавшія, показываютъ таковой же обычай. Къ сему причислимъ еще и празднества среднихъ временъ, бывшія при карнавалахъ или во время масленицы; ибо мы находимъ припомъ шушовъ, которые всѣхъ съ ними встрѣчавшихся ругали поносными словами, а иногда и самымъ дѣломъ обижали. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, лѣтъ семдесятъ или восемьдесятъ тому назадъ, видны были еще того останки. Можно предполагать, что припомъ было ивчно такое, что съ колесницею *Оесписа* великое имѣло сходство, о которомъ заставляя меня догадываться оставшееся отъ тѣхъ временъ слово, выходящее теперь мало по малу изъ употребленія: прежде называлось въ Нѣмецкихъ Швейцарскихъ кантонахъ веселое шушовство въ собраніяхъ молодыхъ людей *Туггелдфуре*, и по производству сего слова видно, что были наипые для кощувства шушы, на телегъ по улицамъ возимыя. Во время публичныхъ воинскихъ экзерцицій и при другихъ празднествахъ

оставался даже до новейшихъ временъ въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ провинціяхъ одинъ весьма древній обычай, а именно: нанятый шутъ съ дурацкою шапкою на головѣ и съ арлекинскимъ бичемъ въ рукѣ, сопровождалъ повздѣ, ругалъ зрителей, и за то на него никто несердился. Сей на время празднества нанимаемый шутъ, по всей вѣроятности, подавалъ поводъ къ арлекинскимъ и всякимъ шутовскимъ комедіямъ.

Мнѣ кажется, что сіи примѣчанія могутъ намъ подать нѣкоторое объясненіе о происхожденіи всѣхъ родовъ древней Саширы. Народъ, совершенно еще грубый, но при томъ нѣсколько живой и веселой, въ радостныхъ празднествахъ не умѣетъ сдѣлать себѣ лучшаго удовольствія, какъ позволяя оспроумившимъ въ обществѣ или собраніи колкими шутками вызывать другъ друга къ забавному спору, и тѣмъ увеселять все собраніе, старающееся единственно о томъ, чтобы изъ сихъ шутокъ не вышло важнаго и въ самомъ дѣлѣ обиднаго спора. Сіе увеселеніе, обыкновенное для грубыхъ людей, существуетъ еще и по нынѣ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ токмо простой народъ имѣетъ еще довольно бодрости и живости забавлять себя такимъ образомъ.

Точно таковъ же былъ и первой, самой грубой видъ Саширы, коея начала

ни Греки ни Римляне присвоить себѣ не могутъ; но по всему вѣроятію она есть общая всѣмъ народамъ земнаго шара, кои не слишкомъ великіе флегматики. По мѣрѣ какъ у народа водворяется исподволь очищеніе нравовъ, оно также имѣетъ вліяніе и на Сапиру, равно какъ и на все прочее, ко нравамъ и обычаямъ относящееся. Тогда изъ сей первоначальной Сапиры происходятъ комедіи или другія сапирическія театральныя представленія, или пакія сапирическія поемы, какія сочиняемы *Пакувіемъ* и *Энніемъ*, гдѣ *Варроновская*, или наконецъ *Гораціевская* Сапира, или другіе роды оной.

Теперь привыкли называть Сапирою все, что клонится къ осмѣянію въкопорохъ лицъ, или въкопорохъ дѣяній, нравовъ и мнѣній.

И такъ можно вообще сказать, что Сапира, приемлемая за произведеніе вкуса, есть швореніе, въ копоромъ глупости, пороки, предрасудки, злоупотребленія и другія для общесства, въ коемъ мы живемъ, вредныя дѣла, основывающіяся на превращномъ образѣ мыслишь и чувствовашь, описывающія важнымъ, но бѣднымъ образомъ, или съ забавнымъ оспроуміемъ и колкостию, и къ посрамленію людей въ на-

родъ издаются съ тѣмъ намѣреніемъ, чшобъ ихъ исправить. Мы изъ Сапиры исключаемъ ругательныя или язвительныя нападенія на частныя лица, или сословія, кои шокмо опъ личной вражды происходятъ и частное мщеніе въ предметъ имѣющъ. Мы равно не видимъ, чшобы и такъ называемыя *Силли*, у Грековъ бывшія именно ругательныя и въ опмщеніе писанныя поемы, бдкія ямбическія стихотворенія *Архилоховы* (*), оды *Гораціевы*, въ коихъ нападаетъ онъ на Канидію и на другія лица самымъ враждебнымъ образомъ, или наконецъ собственно язвительныя эпиграммы, коими *Марціалъ* мспилъ

(*) *Архилохъ*, Греческій стихотворецъ, около 29 Олимпіады жившій и у древнихъ почитавшійся единымъ изъ самыхъ первыхъ стихотворцевъ, былъ изобрѣшателемъ *ямбической* Сапиры. *Горацій* (de Art poet. v. 79.) говоритъ: Archilochum propro rabies armavit jambo. Сапиры сего Архилоха были чрезвычайно бдкі и злоспш исполнены, и пошому сдблались пословицею. *Горацій* ненаходитъ (см. Ерод. VI) спрашнбе угрозы, какъ сія

Cave, cave! namque in malos asperimus

Parata tollo cornua;

Qualis Lycambae spretus infido gener.

Овидій шю же самое говоритъ:

In te mihi liber jambus

Tincta Lycambeo sanguine tela dabit.

многимъ своимъ неприязнямъ, причислены были могли къ Саширамъ.

Здѣсь пужно вообще замѣнить, что Саширы не имѣютъ особенной своей формы, шавъ какъ другія творенія изданныхъ наукъ. Саширы являюща въ видѣ разговора, письма, исторіи, повѣствованія, эпопеи, драмы и даже въ видѣ пѣсни. *Мольеровъ* Тарпиофъ, *Сервантовъ* Донъ - Кишошъ, *Свифтова* Сказка о бочкѣ и проч. суть истинныя Саширы. Однакожъ обычаемъ введено называть Тарпиофа *комедією*, Донъ - Кишоша *романомъ* и другія Саширы по ихъ формѣ, а не по содержанію. Нынѣ повсюду приписываютъ названіе Саширы небольшимъ саширическимъ сочиненіямъ, кои по формѣ или виду своему не принадлежатъ ни къ какому изъ обыкновеннаго классическаго рода твореній, ко вкусу относящихся.

Оба сіи мѣста относятся къ исторіи о Ликамбѣ, конорой за Архилоха не выдалъ своей дочери Необулы, и за шо столько переплъ ошъ его Саширъ, что съ досады себя подѣсилъ. Изъ нѣкоторыхъ епиграммъ усматривается, что и при дочери сего столько оскорбленнаго ошца послѣдовали его примѣру. *Валерій Максимъ* пишетъ, что книги Архилоховы у Лакедемонянъ запрещены были (Lacedaemoni libros Archilochi e civitate sua exportare jusserunt).

Теперь надобно прервать сія постороннія разсужденія и объяснить подробно качество Сапиры.

Здѣсь прежде всего примѣшимъ, что содержаниемъ Сапиры бываетъ всегдашнее опшсупленіе опъ разума, вкуса, добродѣтели, опъ добропорядочнаго образа жизни, или наконецъ опъ самаго благо нравія ; каковое опшсупленіе припомъ должно быть довольно важно, чптобы охудать его все народно, дабы людей опъ него предохранить, или зараженныхъ сими слабостями и пороками опвеспи опъ оныхъ. Для Сапиры попребно, чптобы опшсупленія сіи были господствующія и такъ сказать вноренившіяся въ сердцахъ народа; ибо единственнй или изрѣдка повпоряемый проспунокъ проптивъ разума, вкуса, нравовъ и ш. д. никакого благо разумнаго челоѣка не побудитъ къ сочиненію Сапиры ; но закоренѣлое зло, или слишкомъ распроспранившееся, всеконечно доспойно уже сего шруда. Мы бы неодобрили и такихъ Сапиръ, коихъ предметъ составляющъ частныхъ людей глупости или пороки, по дѣйствію своему не имбющіе опущительнаго вліянія на общество. Опъ, правда, служатъ къ увеселенію, и могутъ помѣщены быть между сочиненіями, коихъ вся цѣль состоятъ въ шуткѣ и забавѣ, и

кои, по словамъ *Горация*, во время беззаботной досужности сочиняющся для игры остроумными людьми (*Santumus vasci Od. I. 6. Vasci sub umbra lusimus Od. I, 32*). Но къ сему роду Сатиры не причисляемъ мы шѣхъ, въ которыхъ бывающъ осмѣяны въ особености одного человека глупости, содѣлавшіяся общими между извѣстнымъ какимъ либо сословіемъ людей, каковаго рода есть *Горацийевъ* Волнуя (Sat. кн. I, стр. 9); ибо тогда Сатира вается до всего сословія, и ошъ того становится важною. Надобно также причислить къ малозначимъ Сатирамъ и шѣ, коихъ содержаніе вовсе неотносится къ чинашелямъ, для которыхъ писаны, какъ шо глупости самаго просшаго народа, никогда нечипающаго, или ежели бы шенеръ кшо нибудь, по примѣру *Лукіана*, смалъ писаны Сатиры на Греческое о богахъ ученіе. Сей родъ, а равно и предыдущій, пусть всегда называющъ Сатирами; но мы причисляемъ его къ разряду единшвенно забавныхъ швореній, коихъ главная цѣль оспъ увеселеніе.

Самой главной предметъ Сатиры состоишъ въ томъ, чшобы препяшпвованы зло, какое она для содержанія своего избрала, чшобы зло сіе испребишъ, или по крайней мѣрѣ воспрошпвишъ дальнѣйшему его рас-

проспраненію, и чтобы людей опшрапитъ опш онаго. Ибо часпная ненависть или злоба превращаетъ Сапиру нѣкоторымъ образомъ въ пасквиль (поносительное сочиненіе). Можешъ быть надлежало бы изъ сего исключить топш случай, когда, при самой патриотической враждѣ прошивъ великихъ злодѣевъ, нѣтъ другаго средства опмститъ имъ за общество, какъ токмо предавъ ихъ всеобщему презрѣнію, или бдкому посмѣянію (*). Но мы говоримъ здѣсь вообще, а не о частныхъ случаяхъ.

И такъ по причинѣ сея великія цбли Сапира принадлежитъ къ самымъ важнымъ твореніямъ вкуса, и весьма бы уничили ее, поставивъ въ число забав-

(*) Къ сожалѣнію, находятся въ обществѣ очасные и коварные злодѣи, къ которымъ строгость законовъ приблизитъ невозможно: въ такомъ случаѣ приемлющіе на себя трудъ явить ихъ колкими и бдкими шуипками, дабы тѣмъ привести ихъ въ презрѣніе у народа, не имѣющъ нужды быть рачительными въ выборѣ своихъ выраженій; ибо какъ и простой народъ долженъ надъ ними смѣяться, то все будетъ хорошо, что токмо такихъ злодѣевъ обличить можешъ, и самыя невѣроятныя глупости, въ какихъ токмо ихъ обвиняшъ можно, всегда произведутъ хорошее дѣйствіе.

ныхъ и увеселительныхъ произведеній , ко-
торымъ она по справедливости предпочтена
быть должна. Испинная и хорошо обрабо-
танная Сапира есть весьма драгоценное
твореніе. Всякое безчиніе , господствующее
въ разумѣ , или вкусѣ , либо въ правахъ
человѣка , и распространяющееся меж-
ду народомъ или между цѣлыми сосло-
віями , есть зло важное , и часто несрав-
ненно важнѣе какой либо скоропреходящей
нужды или бѣдствія , коими люди только
на время въ разсужденіи ихъ потребности
приводимы бывающъ въ печаль и страда-
ніе. Сколь ни важными представляющъ
себѣ нѣкоторыя заведенія , ко вѣчному благо-
состоянію народа клоняціяся ; однакожъ
мы при почтѣннѣемъ размысленіи о человѣ-
ческихъ нуждахъ всегда усматриваемъ , что
внутренніе неурядки , въ разумѣ ли суще-
ствуютъ оныя , или въ самой волѣ , суть
зло страшное , которое коль скоро увели-
чилось и распространилось , безвозвратно
весь народъ подвергаетъ погибели. Весьма
часто починавшееся повмѣ смѣшнымъ
имѣло самыя тяжкія послѣдствія для все-
го народа. Сія неспина ни ошѣ , какого
размысляющаго наблюдателя не можешъ
укрыться при чтеніи исторіи разныхъ на-
родовъ. По сему , кто можешъ опвесни
народъ , или единое какое сословіе въ граж-
данскомъ обществѣ , ошѣ дурачествѣ ,

то есть отъ пагубнаго удаленія отъ природы и разума, тошъ ему оказываешъ важное благодѣянїе. Но о дѣйствїи Сапиры бѣдешъ говорено послѣ, когда сважемъ обстоятельнѣе о способѣ писанїя и качествахъ ея.

Сапирическїй писатель имѣешъ съ правдоучительнымъ филозофомъ то общее, что первый, подобно сему послѣднему, стараетсѣ исцѣлить отъ вкоренившихся или укореняющихся язвъ нравственнаго челоука; но въ цѣлебныхъ къ тому средствахъ они между собою различествуютъ. Филозофъ принимаетъ тонъ важный, поучительный, увѣщательный, предостерегающїй, и предсказываешъ зло иногда въ самомъ зарождеши его, иногда въ общихъ его свойствахъ, иногда во вредныхъ его послѣдствїяхъ, но всегда и непременно голосомъ наставника. Совсѣмъ иначе поступаетъ саширикъ. Содержанїе сочиненїя приводитъ духъ его въ расположенїе или досадное, или насмѣшливое и язвительное, или похмо по видимому веселое, каковое онъ и своему читателю сообщаешъ. Зло, на которое онъ нападаетъ, предсказывается ему въ особливомъ видѣ, и производишъ въ немъ упомянутое расположенїе духа; слѣдовательно онъ или ругаешъ, или насмѣхается, или только шутитъ, и описываетъ свой предметъ, смотря по тому, что въ немъ,

по расположенію его , кажется ему наиболѣе разипельнымъ. Онъ поступаешъ припомъ , какъ всякой художникъ , дѣйствуя на чувствва , и вмѣсто всеобщихъ понятій выбирая частныя или особенныя : не его дѣло обьяснять глупость или пороки , но онъ описываетъ глупца и порочнаго человека соотвѣственно своему намѣренію , когда усмаприваетъ или самой прошивной , или самой справной , или смѣшной видѣ. Сапирикъ также неоспавляетъ себѣ закономъ соблюдать точность и исправность въ описаніи своего предмета , но нерѣдко увеличиваетъ нѣсколько оной , и часто дѣлаешъ карикашуру , свойственную расположенію духа , вмѣсто правильнаго начертанія. Тѣмъ самымъ расположеніемъ , въ какое саширикъ приводитъ чинашеля , стараетъ возбудишь въ немъ досаду и негодованіе на описываемое имъ распушство , или подвигнуть его къ порицанію и осмѣянію изображаемаго имъ порока. Такимъ-же образомъ саширикъ и нравочинель , при одинаковомъ похвальномъ намѣреніи , различающа между собою способомъ и образомъ сочиненія.

Но въ самомъ дѣлѣ они не вездѣ и не въ каждомъ выраженіи одинакихъ мыслей такъ отличны другъ отъ друга , чтобы уже одинъ совсѣмъ никогда не шествовалъ

по спезямъ другаго. Писатель Саширь дѣлаеся въ нѣкопрыхъ мѣстахъ нравоучителемъ, а сей иногда вступаетъ въ предѣлы Саширы. Но ежели сей послѣдній, при всемъ своемъ негодованіи, не показываея себя ненавистнымъ и неприязненнымъ; по равномерно и Саширинъ не долженъ говорить пономъ чадолюбиваго насмѣшника; ибо онъ, даже и тогда, когда поучаетъ глупца, поступаетъ не иначе какъ надзиратель смирительнаго дома. Не нужно, чтобы Сашира писана была одинаковымъ слогомъ; негодованіе, ѣдкая насмѣшка и колкая шутка могутъ въ ней попеременно господствовать; однакожъ кажется, что шупливый и осмѣивающій слогъ ей болѣе приличенъ. Самый отличительный признакъ Саширы долженъ быть: смѣючись говорить правду (*gendo dicere verum*). Только въ ней всегда имеемъ бытъ главнымъ то, чтобы на сумасбродство, дурачество и пороки нападать дѣйствительно неприязнелски, и чтобы оныя представлены были въ проповномъ, или смѣшномъ, или поносномъ видѣ. Саширь же поступаетъ подобно неприязнелю, который поклялся мстить сопернику своему до смерти, нисколько при томъ не заботясь, какъ можно лишить его жизни, прямымъ ли на него нападеніемъ, или нанесеніемъ удара хитрымъ образомъ.

Сего, кажется, теперь довольно для опредѣленія качества Саширы вообще.

Саширическое сочиненіе пребудетъ какъ философа, умвющаго хорошо и основательно разсуждать, такъ равно и человека, живымъ чувствомъ одареннаго. Великій, обширный разумъ и острота способности ему каждое ощущеніе оиъ природы въ точности примѣчать и со всею правильностію о немъ судить; оиъ вознесетъ его на высоту, съ которой ему удобно обозрѣвать людей и въ точности наблюдать ихъ дѣйствія. Быстрой взоръ его открываетъ послѣдствія уклоненій ихъ оиъ пути истиннаго, а равно и важность такихъ послѣдствій; оиъ усматриваетъ не существующую еще гибель и противоборствуетъ ей заблаговременно. Глубокое его проникновеніе приводитъ въ состояніе изображать ясно и убѣдительно согражданамъ своимъ опасность, имъ угрожающую, и зло, подобно червю, вѣдущее корень благоденствія ихъ; оиъ умевъ все сіе представить въ такомъ ясномъ видѣ, что можешь въ людяхъ возбудить величайшее омерзеніе, или сильное негодованіе, или рвншительное презрѣніе, или же смѣхъ и порицаніе.

Живое чувство сердца есть Муза его, которая поощряетъ къ полезной борьбѣ,

и приводитъ духъ его въ расположеніе, по-
лико для безумцовъ несносное. А какъ онъ
болѣе всего любилъ правду, вкусъ и благо-
нравіе, то никакого труда непочитаешь
для себя слишкомъ обременительнымъ, за-
щитая права оныхъ противу всякаго напа-
денія.

Качества сїи не ему одному при-
надлежали, но и всѣмъ другимъ великимъ
художникамъ и учителямъ. Ему же въ осо-
бенности потребенъ даръ сатирическаго
расположенія духа. Если бы онъ имѣлъ
склонность, подобно *Гераклиду*, проли-
вашь слезы о глупостяхъ и ослѣпленіи
человѣковъ, или подобно *Демокриду*, толь-
ко шутить надъ ними и издѣваться; то
бы онъ не предсталъ публично какъ
страшный судья и цензоръ, или какъ надзи-
ратель смиреннаго дома. Къ тому не-
обходимо потребно имѣть нѣсколько острой
желчи, или окошу смѣяться. Сатирикъ
долженъ быть человѣкъ горячаго сло-
женія, дабы въ досадливое или смѣхопвор-
ное расположеніе приводимъ, или въ оное,
такъ сказать, увлекаемъ былъ; онъ не
долженъ быть печальнымъ, а злымъ и сер-
дичнымъ шамъ, гдѣ видяшь тяжкіе пороки
и пагубныя заблужденія; глупецъ долженъ
въ немъ возбуждать не простое презрѣніе,
а колкую насмѣшку; и достойное смѣха
недолжно разуму его казаться только не-

лѣпымъ, но предспавляясь воображенію его въ самомъ дѣйствительно - комическомъ видѣ, коимъ онъ не въ истинѣ забавляется, но явно веселитъ себя и громко тому смѣется.

Если онъ имѣетъ таковое расположе- ніе духа, то конечно и охоту къ Саширѣ имѣетъ будещъ, и тогда ему (при облада- нїи въ прочемъ необходимыми для стихо- творца вообще дарованїями живо изображать видимыя и невидимыя вещи) легко и удоб- но писатъ сапиры. Только наиболѣе нужна для него шонка́я остроша, дабы могъ скоро находить остроумныя подобїя, и спавить передъ глазами тѣ смѣшныя качесшва глу- посты, копорыя неприимѣнны бывающъ въ общесствѣ по причинѣ обыкновенности ея; онъ долженъ высшавлять ихъ шаружу по- средспвомъ совершенно подобныхъ, но весьма смѣшныхъ предметовъ.

Если настоящая цѣль Сапиры въ сти- хотворцѣ предполагаетъ сильную привер- женность къ истинѣ, вкусу и добродѣше- ли; если съ другой стороны кощунство, инокшорое презрѣніе людей и смѣхотвор- ное расположеніе духа обыкновенно сопря- жено бываещъ съ легкомыслѣмъ: то всякъ удобно понять можещъ, что истинный сапирикъ долженъ быть рѣдкой человѣкъ.

Нѣкоторыя впадаютъ въ дѣйствительную злость, какъ *Аристофанъ* и *Свифтъ*; другіе пишутъ только грубыя шутки, какъ на примѣръ *Скарронъ*, и спараются единственно забавляя насъ; почему и не должно удивляться, что между множествомъ хорошихъ стихотворцовъ только не многіе имѣютъ даръ писать Саширы.

Но пора уже сказать чтонибудь и о пользѣ сего рода сочиненій. Я не осмѣливаюсь утверждать, чтобы злодѣи, глупцы и сумазброды, на коихъ собственно усмремлена Сашира, нѣмѣ исправлялись, хотя такъ же отрицать не лзя, чтобы ктонибудь изъ нихъ по крайней мѣрѣ не могъ быть приведенъ въ страхъ и удержанъ въ нѣкоторыхъ границахъ. Главная польза ея состоитъ въ дѣйствіи, которое въ неповрежденной части чипашелей произведено быть можетъ. Я уже выше въ примѣчаніи кратко упомянулъ, какое хорошее дѣйствіе можетъ имѣть Сашира бѣдая и смѣхотворная. По всей справедливости и отъ важной, нѣ исправленію служащей Саширы, можно ожидать раеномѣрной пользы. Самой злодѣи не хочеть, чтобы его наказывали передъ народомъ; и я думаю, что ничего не можетъ быть страшнѣе всенароднаго посрамленія, которое должно имѣть сильное дѣйствіе какъ на претерпѣвающихъ

шакое порицаніе и стыдъ, такъ равно и на пѣхъ, кои опъ онаго предохраняются, буде сїи послѣдніе не лишены всякаго ощущенія чести. И такъ слишкомъ ли много скажемъ, когда истиннаго сапирика, удовлетворяющаго важной цѣли Сапиры, назовемъ даромъ съ небесъ ниспосланнымъ, который цѣлому обществу оказываетъ весьма важныя услуги? Я почитаю его спражемъ, весьма рачительно предо-сперегающимъ согражданъ своихъ опъ всякой нравственной опасности, и публичнымъ поборникомъ, прощиву всякаго укоренившагося зла весьма бодрственно вступающимъ. Онъ можетъ сдѣлать болѣе нежели верховная власть, приоснавливающая токмо на время обнаружившееся зло, но не испребляющая совсѣмъ его корня. Конечно можно бы представитъ шому ошпы; но ешо далеко опвело бы насъ опъ предмета.

И пошому осмѣливаюсь сказать, что конечно Сапира заслуживаетъ особенное вниманіе со стороны законодательной власти въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ. Какъ самовольное мщеніе, излишнее при благошворной зацщпѣ законовъ, или какъ ругательныя сочиненія (пасквили), копорыя обыкновенно бывають слѣдствіемъ личной ненависти, въ каждомъ благо-

устроенномъ государствѣ запрещающся; такъ съ другой стороны надлежало бы законами всячески защищать честнаго и правдолюбиваго сапирика:

Все конечно надлежитъ Сапирѣ назначить границы, кои могли бы предупреждать ея злоупотребленія. Обыкновенныя слабости, проступки и обиды въ порокахъ, или нечаяннымъ образомъ учиненныя, всякая маловажная оплошность, которая не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій — все сіе заслуживаетъ снисхожденіе и дружеское увѣщаніе; а также и всякое зло, могущее опвращено бытъ законами, должно изъ Сапиры выключить. Личная Сапира равномерно требуетъ строгаго ограниченія. Ничего не должно въ Сапирѣ именовать, или высказывать явно; развѣ кпо опъ злости канъ бы нарочно обнаруживаетъ свои проступки, или когда бы вины и погрѣшности, по причинѣ знаменитости сумазброда, могли имѣть очень вредныя слѣдствія (*).

(*) Въ разсужденіи личной Сапиры весьма многое зависитъ отъ свойства народа; и здѣсь надобно примѣнить, что у Грековъ и Римлянъ личныя колкія шутки оставались безъ всякаго мщенія; напротивъ оныя теперь въ большей части Европейскихъ государствъ причинили бы смертельную вражду. Конечно стоило бы труда изслѣдовать

Мы не можемъ здѣсь войти въ подробнѣйшія сужденія касательно законодательства для Саширы; а только замѣтимъ, что епо весьма было бы полезно, но что припомъ великую потребу имѣть оспорожностъ. Равнымъ образомъ необходимо было бы дѣлающимъ себя судіями и цензорами всего къ наукамъ и вкусу принадлежащаго предсавишь на разсужденіе нѣкоторыя главныя правила касательно сатирическихъ исправленій и оужденій. Однако кажется, что по сей части усмотрѣно уже злоупотребленіе. О нашихъ хорошихъ періодическихъ сочиненіяхъ и журналахъ, въ коихъ судяшь о повѣвшихъ пи-

причны поль примѣтной разности между древними и нынѣшними правами. Непоказываешь ли слишкомъ большая чувствительностъ ко всякой хулѣ нѣкотораго малодушія? Мы такъ кажемся; ибо твердой чело-вѣкъ нѣмъ менѣе досадуешь на хулу, чѣмъ болѣе самъ себя чувствуешь, и чѣмъ болѣе имѣешь благородной смѣлости поступать по собственному своему образу мыслей незаботясь о томъ, какъ другіе поступаютъ. Слишкомъ большая чувствительностъ имѣешь, какъ кажемся, нѣчто мѣлочное, свойственное малымъ городамъ, и опытъ научаешь, что въ таковыхъ малолюдныхъ мѣстахъ, гдѣ кругъ мыслей и родъ жизни весьма ограничены. бывають сильныя вражды за мѣлочи, кои между особами, большой свѣтъ обзрѣвающими, едва были бы замѣчены.

сашеляхъ съ республиканскою вольностію, весьма немногое сказашъ можно въ разсужденіи сего пункта, потому что остроумные судилели или цензоры отъ прежняго *Аристофанскаго* своевольства обратились къ скромному о сочиненіяхъ сужденію. Есть правда горячія головы, мечпающія придашь себѣ болѣе важности и знаменитости шѣмъ, что всякаго писателя своевольно браняшъ и ругающъ, тогда какъ надлежало бы сказашъ мнѣнїе свое со всею скромностію и нѣкоторою боязливостію — должно оставишь ихъ въ покоѣ и ждашь, доколѣ они сами не сдѣлаются умнѣе. —

Когда говоряшъ, что Сашира у Римлянъ восприяла свое начало; по сѣ должно разумѣшь объ особомъ только видѣ ея, состоящемъ изъ небольшой поемы, которая заключаешъ въ себѣ написанную стихами нравственную рѣчь, или поучительную, или исполненную уворизнъ и порицаній. Ибо Грекъ *Аристофанъ*, хотя комедіи писалъ, однако безспорно былъ саширикъ. *Лукианъ* саширическими своими разговорами такъ же весьма славился въ Греціи. — Слишкомъ развращенные нравы Римлянъ, при Кесаряхъ видѣвшіеся, произвели шрехъ изящныхъ снхотворцевъ въ саширическомъ родѣ сочиненій. *Горацийъ* болѣе склоненъ къ осмѣянію нежели къ жеспокому нападенію на пагубные пороки. *Ювенальъ*, болѣе строгій,

устремляется сильнѣе на пагубное безчи-
ство своего времени, и умѣетъ возбуждать
не только негодованіе, но презрѣніе и смѣхъ.
Персій подходитъ уже нѣсколько къ пла-
чевному роду, наказываетъ и поучаетъ со-
стоическою важностію.

Я ненамѣренъ здѣсь описывать и
судить сапирическихъ стихотворцовъ но-
вѣйшихъ временъ. Кто ихъ не знаетъ,
тому совѣтую прочесть *шестую Часть*
Писемъ, для образованія вкуса писанныхъ
въ молодому знашному господину. — Нѣм-
цы описали нѣсколько въ сей части ошъ
другихъ ученыхъ Европейскихъ народовъ.
Изъ Нѣмецкихъ стихотворцовъ *Каницъ* и
Галлеръ наиболѣе прославили себя въ родѣ
Римской Сапиры. *Лисковъ*, *Ростъ* и *Ри-
бенеръ*, а особливо первой, показали на-
стоящія сапирическія дарованія; но они
по большей части привязывались къ глу-
постямъ низкаго рода. Если бы *Лисковъ*,
лѣтъ придцать позже въ свѣтѣ появился;
то бы, по всему вѣроятію, доставилъ хо-
рошему вкусу своими Сапирами гораздо
важнѣйшую пользу. Но теперь существу-
ютъ многіе умы въ Германіи, кои въ со-
стояніи писать лучшія Сапиры. — У
Французовъ извѣстенъ *Ренье*, писавшій
Сапиры. Въ шѣхъ, кои онъ обработалъ,
господствуетъ шонкая оспрошда и легкіе

оборопы ; стихи его прихпны и плавны : Сапиры его , по словамъ *Буало* , были бы весьма удачны , если бы неслужили споль часто для цѣломудреннаго слуха прешпно-веніемъ. *Буало* , спуспя шестьдесять лѣтъ послѣ Ренье , былъ гораздо скромнѣе его ; онѣ зналъ , что благочиніе еспѣ добродѣтель , какѣ для сочиненія , такѣ и для нравовѣ необходимая. Французы называютъ *Буало* своимъ *Гораціемъ*. — Англичане почитаютъ *Поле* и *Дорселта* за своихъ *Гораціевъ* ; къ симъ двумъ Англійскимъ сапирикамъ можно такъже еще причислить и *Джонсона*. *Селфтова* Сказка о бочкѣ , съ которой почти на всѣхъ живыхъ языкахъ имѣются переводы , всякому извѣстна. — Между Италіанцами *Аретино* слишкомъ жестокими своими Сапирами , кои онѣ часто писалъ на лица , нажилъ себѣ много враговѣ. *Парино* умѣреннѣе , однако очень живѣ ; наипаче же нравился Сапира его на извѣстныхъ въ Италіи *Чичисбеевѣ* , которая весьма забавна и остроумна.

Р. Ц.

~~~~~

О Сапирической Драмѣ.

Сапирическая Драма была у Грековѣ не что иное , какѣ нѣкоторой родѣ теа-

пирального зрѣлища, или между двумя прагедіями, или послѣ оныхъ. Главное свойство ея состояло въ представленіи извѣстнаго какого либо дѣянія героическаго, хотя важнымъ образомъ, однако припомъ съ шушкою смѣшаннымъ. Драма сія имѣла хоръ, паръ какъ и прагедія, но конторой всегда состоялъ изъ сашировъ. На сценѣ представлялось открытое поле близъ пещеръ сашировъ. Саширической сцены (говоритъ *Витрувій* въ кн. 5. Гл. 8.) были украшены деревьями, пещерами, горами и всякими полевыми предметами въ видѣ искусственнаго сада. Пляска и все прочее соопивнствовало своевольному и сластолюбивому свойству сашировъ.

Сколь безчинны и своевольны были сіи представленія, можно видѣть изъ *Диалогла Еврипидова*, единственной Саширической Драмы, оныя въдато времени уцѣлѣвшей; ибо сей, впрочемъ Сократу подобный, мудрый и важный спихонворецъ влагаетъ въ уста своимъ саширамъ много сластолюбивыхъ рѣчей, и даже неписшойныхъ шушокъ, что оныя конечно дѣлали по необходимости, соображаясь съ обычаями, а не съ своимъ общественнымъ вкусомъ.

Вѣроятно, что сія Драма была самая первая въ Греціи; бытъ можетъ, что дру-

гїя, по естѣ Трагедїя и Комедїя, отѣ нее заїмспвовали свое начало, и что Сапирическая Драма по происхожденїю своему была не что иное какъ осеннее увеселенїе послѣ собранїя винограда. По сей самой причинѣ удержали ее при прагедїяхъ, какъ бы нѣкопорое къ онымъ дополненїе. Ибо всегда долженъ былъ спихотворецъ, предспавившїй одну или двѣ прагедїи, прибавлять еще къ тому и Сапирическую Драму. Подробное извѣстїе о семъ зрѣлищѣ находишь въ особомъ Разсужденїи, сочиненномъ ученымъ *Исаакомъ Казаубономъ* (*).

Римляне также имѣли нѣкопорой родъ сапирическихъ предспавленїй, но кои совсѣмъ отѣ Греческихъ опмѣнны были. Немногіе слѣды, по которымъ можно узнать нѣсколько ея качествъ, также находясь въ упомянутомъ сочиненїи *Казаубономъ*. Мы замѣшимъ единственно, какъ по извѣстїямъ Римскихъ писателей явствуетъ, что игрище сїе сперва было у Римлянъ подобно карнавальнымъ увеселенїямъ, поелику предспавляшїя или дѣйспвовавшїя лица только другъ надъ другомъ издѣвались, и что слѣдовательно въ ономъ игрищѣ не была приемлема за основанїе какая либо драматическая басня или такъ называемое дѣй-

(*) *Is. Casauboni de Satyrica Graecorum poesi et Romanorum satyra. Libri II. Paris 165.*

спвіе; *Ливій Андроникъ* первый началъ сочинять Саширическія Драмы, по свидѣтельству историка Римскаго *Тилла Ливія* въ книгѣ VII Гл. 2. „*Livius Andronicus* post aliquot annos ab Satyris ausus est primus argumento fabulam serere; съ чѣмъ согласно и *Валерій Максимъ* говоритъ: a satiris primus omnium poeta *Livius Andronicus* ad fabularum argumenta spectantium animos tranſtulit,

Потомъ у Римлянъ названіе Саширы содѣлалось особеннымъ родомъ поэмы, о чемъ въ вышепредложенномъ разсужденіи о настоящей Саширѣ довольно говорено было,

Р. Ц,

III. К Р И Т И К А.

~~~~~

О каруселяхъ (*).

Маленькое сочиненіе о каруселяхъ напечатано въ то время, когда вся Москва

(*) Сочиненіе В. Пушкина, Москва. Въ Типогр. Н. С. Всеволожскаго 1811 года Іюня 20 дня.

занималась приятнымъ для многихъ и благо-
дѣтельнымъ для бѣдныхъ людей зрѣли-
щемъ (*), напоминающимъ старинные подви-
ги и военныя игрища рыцарскія. Карусели
прекрасились, а вмѣстѣ съ ними и разго-
воры въ публикѣ объ увеселеніяхъ сего ро-
да; слѣдственно обойтись бы можно и безъ
воспоминанія о маленькой шепрадѣ, въ
которой содержится историческое извѣстіе
о каруселяхъ. Но у насъ въ Вѣспникѣ (Но
13 стр. 63) обѣщана особливая статья о
рыцарствѣ и о турнирахъ, и мы за не-
предложную обязанность почишаемъ *усто-
яль въ словѣ*, чтобы послѣ *не было
намъ стыдно*. Мы думаемъ, что статья
наша о *рыцарствѣ* будетъ имѣть большій
вѣсъ, когда предложимъ ее подъ заглавіемъ
крикики, и когда свидѣтельствва, приводимыя
г-мъ Сочинителемъ шепрадки о каруселяхъ
поставимъ въ параллель съ другими свидѣ-
тельстввами же, о которыхъ онъ неупоми-
наетъ. Пускай оба наши сочиненія вмѣстѣ
идутъ въ попомство: маловажныя несходства
не помѣшаютъ ихъ товариществу. Г. Сочини-
тель украсилъ шепрадку свою епиграфомъ
изъ Виргиліевой Енеиды Аббата Делля:
Un jour, ces souvenirs auront pour nous des
charmes: намъ хотѣлось бы начать свою

(*) Извѣстно, что нынѣшнимъ лѣтомъ кару-
сель данъ былъ и въ пользу бѣдныхъ.

спашью словами самаго *Виргилія* *Olim meminisse juvabit*; но какъ языкъ *Аббапа Делли*, переводчика, всѣми дамскими писателями и всѣми пишущими дамами предпочипается *comme de raison* языку самаго *Виргилія*, по мы, изъ угожденія шѣмъ и другимъ, на сей разъ должны были ошквашься опѣ *эпиграфа*; ешо первое несходство, а вошъ и другое: г. *Сочинитель* въ показаніяхъ своихъ опирается на *Картагенца Тертуллиана*, жившаго въ концѣ втораго и въ началѣ прешьяго столѣтій, на *Русскія Летописи* и на *изустныя преданія*; а мы въ виду имѣемъ не болѣе какъ *Дюканжа*, *Сентъ Пале* (*) и еще нѣкошорыхъ новѣйшихъ же авшоровъ; иногда справляемся съ *Тацитомъ*, описавшимъ нравы и обычаи древнихъ *Германцовъ*, у кошорыхъ надобно искать начала многихъ обыкновеній, расшривившихся по всей *Европѣ*.

Карусели, говоритъ г. *Сочинитель*, ссылаясь на *Тертуллиана*, изобрѣшены богиней *Цирцеею*, кошорая учредила ихъ будно бы въ честь *Солнца*, своего родителе-

(*) *Memoires sur la chevalerie par M. de Sainte-Palaye*. Въ сташь подѣ названіемъ *Образъ жизни и нравы рыцарей* (*Вѣстн. Евр.* 1810 No 20) авшоръ сей нѣсколькo разъ названъ *Sainte Palaye*; ешо ошибка.

ля. „Отъ того самого иные думаютъ, что „слово карусель происходитъ отъ carrus solaris, или carro del sole. Впрочемъ всего, „что карусели получили свое названіе отъ „колесницъ, въ сихъ Рыцарскихъ упражненіяхъ употребляемыхъ.“ Сіи спрови имѣютъ свое достоинство, ежели принять ихъ за шушку, сочиненную на заданныя слова: *Тертуллианъ, Цирцея, Карусель, carrus solis, carro del sole, Колесница, Рыцарскія упражненія.* Г. Сочинитель впрочемъ самъ знаетъ, что между *Цирцею* и *Лапынью*, между колесницами и забавами рыцарей (по еси въ всадниковъ), между баснословіемъ и испоріею неизбримое разстояние; ибо онъ самъ учрежденіе каруселей полагаетъ около 1560 года послѣ бывшаго въ Орлеанѣ въ послѣдній (*) разѣ турнира, на кошоромъ Принцъ крови Генрихъ Бурбонъ Монпансье, упавъ съ лошади, умеръ. „Духъ „Рыцарства исчезъ съ прекращеніемъ сихъ „Рыцарскихъ поединковъ и мы видимъ только слабые оспашки онаго въ учрежден-

(*) *Послѣдній во Франціи* незначитъ *послѣдній вездѣ*. Въ Англіи продолжались турниры при Елисаветѣ, при Іаковѣ и даже при Карлѣ I. Карусели часъ отъ часу болѣе входили въ употребленіе, а турниры давались рѣже и наконецъ совсѣмъ прекратились. См. *A view of society in Europe* by G. Stuart. *Bazil 1797, pag. 217.*

„*ныхъ потомъ* каруселяхъ.“ Вотъ еще ближе; за чѣмъ же было въ истинѣ въ началѣ сочиненія о *каруселяхъ* приписывашь изобрѣшеніе сихъ новыхъ игрищъ древней, баснословной волшебницъ?

Чтобы нераспространяться, покажемъ сперва систему г-на Сочинителя, а потомъ предложимъ собранныя нами нѣкоторыя свѣдѣнія о рыцарствѣ.

У г-на Сочинителя написано: „Французы, Англичане и Нѣмцы споряшъ между собою объ учрежденіи такъ называемыхъ турнировъ (tournois), и опредѣляюшъ оное въ *девятиомъ* вѣкѣ.“ — „Намъ извѣстно, что Россія почти въ то же самое время, какъ начались турниры въ прочихъ Европейскихъ государствахъ, ш. е. въ *девятиомъ* вѣкѣ, *славилась* также своими храбрыми витязями и могучими богатырями.“ — „Древніе ошати народныхъ богатырскихъ пѣсень и сказокъ доказываютъ, что въ Россіи, также какъ и въ другихъ Европейскихъ государствахъ, такія игры и поединки существовали и также господствовала система спранствующихъ рыцарей.“ — „Насилія вельможъ, разбой и опустошенія ошъ злонамбранныхъ враговъ, около 996 года при владѣніи Великаго Князя Владиміра Свято-

„сѣвиѣа распроспранившїяся, заспавля-
 „ютъ предполагать, что онъ былъ пер-
 „вымъ учредителемъ Рыцарскаго Бога-
 „тырскаго въ Россїи ордена.“

Главной причины въ успановленїю ры-
 царства и турнировъ искашь должно въ
 старинныхъ обычаяхъ и въ самыхъ нра-
 вахъ Германцевъ, въ ихъ склонности къ
 военнымъ подвигамъ, въ ихъ почита-
 нїи женщинъ, въ ихъ набожности. Въ
 Германскихъ, говорю, мѣсахъ искашь должно
 шѣхъ испочниковъ, откуда происпекли
 успановленїя и обычаи, долгое время го-
 сподспвовавшїя во всей Европѣ, и коихъ
 слѣды даже и теперь еще неизгладились.

Спраспть къ военнымъ подвигамъ была
 у нихъ главной. Оружіе открывало дорогу
 къ почестямъ и славы; мужество и хра-
 брость давали право на всѣ преимуспества.
 Юноши несперспливо ожидали того времени,
 когда имъ дозволяемо было носить оружіе.
 Сїе дозволенїе почиспалось у нихъ отлич-
 ной почестїю и совершалось при наблюде-
 нїи успановленнаго обряда. Юноша при со-
 бранїи и по общему одобренїю шоржеспвен-
 но получалъ копье и щитъ изъ рукъ спа-
 рѣйшины, или опца своего, или родспвен-
 ника (*); до того времени былъ онъ чле-

(*) Tacit. De Mor. Germ. с. 13.

номъ семейства, а по принятіи оружія спановился уже членомъ общества (*). Отсюда произошло въ разныхъ мѣстахъ бывшее обыкновеніе поржешественно препоясывать мечемъ молодыхъ Принцовъ, и вручать имъ оружіе (**); отсюда же происходилъ и начало рыцарства. Носящій оружіе благородный юноша принадлежалъ уже къ союзу воиновъ и пользовался всѣми выгодами сего званія. У Лонгобардовъ Королевской сынъ не могъ сидѣть за обѣденнымъ столомъ вмѣстѣ съ родителемъ своимъ, ежели неудоспоилося напередъ принять оружіе изъ рукъ чужеземнаго государя. Въ прежнія времена, говорилъ Сеншъ - Пале, самая знатная порода предавала никакого преимущества дворянину, ежели онъ не имѣлъ пинна или сипени воина, то есть рыцаря (***). Очень помянно, что у сихъ Германскихъ народовъ были игрища, сообразныя съ ихъ обычаями. Тащивъ свидѣльствуешъ (****), что юноши ихъ при многочисленныхъ собраніяхъ вагѣ бросались между мечей и копій, и что удовольствіе зрителей было для нихъ наградою. Сіи военныя игрища распространены Германцами по всѣмъ странамъ, ими покореннымъ, и

(*) Ibid.

(**) Du Cange voc. *Arms*.

(***) *Memoires sur l'ancien. cheval. T. I. p. 298.*

(****) *De Mor. Germ. c. 24.*

подали поводъ къ установленію такъ называемыхъ *турнировъ* или примѣрныхъ сраженій, которыя въ средніе вѣки назывались *torneamenta, ludi militares, militaria exercitia, imaginariae bellorum proluiones* (военными играми, военными упражненіями). Одинъ писатель у Дю Канжа (*) говоритъ, что турнирами назывались въкоторыя сборища или праздники, на которые съзываются рыцари для показанія силъ ихъ и ошваги. Сперва турниры опправляемы были рыцарями по ихъ произволу; но послѣ государя, какъ начальники Рыцарства, присвоили себѣ власть назначать время и мѣсто для сихъ военныхъ игрищъ. Иногда сраженія происходили общія, по есть одна толпа сражалась съ другою; а иногда рыцари выходили на поединки. Часно случалось, что рыцари лишались шамъ жизни. Опъ того Папы и Епископы сильно восставали противъ турнировъ и бросали громы проклятія на рашборцовъ; не смотря на то, рашборства продолжались дошолъ, пока очищеніе нравовъ не показало ихъ бесполезности при новыхъ обычаяхъ. Въ послѣдней половинѣ шесшьнацатаго вѣка турниры шановились часъ опчасу рѣже, а на мѣсто ихъ появлялись *карусели*, шѣ же военныя игрища, но уже

(*) Gloss. voc. *torneamentum*.

не сраженія и не единоборства. Мнимые рыцари (ибо иногда уже истинные несуществовали) спарались превзойти одинъ другаго ловкостію и проворствомъ въ оборотахъ и въ разныхъ шлестыхъ упражненіяхъ. Печни невѣроянно, однакожъ справедливы, что даже наука о гербахъ, достигшая высшей степени въ цвѣтущее время Рыцарства и турнировъ, ведетъ начало свое отъ самой отдаленной эпохи. Вспомнимъ, что Германцы при управленіи общественныхъ дѣлъ своихъ и даже на пиршествахъ всегда присуществовали вооруженные (*), что утренняя на сраженіи пища влекла за собою незагладимое безчестіе (**), и что пиши ихъ для отличія были *расписываемы отборнѣйшими красками* (***)).

Отличное почтеніе древнихъ Германцевъ къ женщинамъ было основано на причинахъ весьма важныхъ. Онѣ воспламеняли въ мужинахъ любовь свободы, подкрѣпляли въ нихъ чувство чести, одушевляли въ нихъ мужество. Похвала ихъ почиалась безцѣнною наградою геройскихъ подвиговъ. *Hi cuique factissimii testes*, говорилъ Тацитъ (****), *hi maximii laudatores*.

Вѣра, во все времена и у всехъ народовъ управляющая дѣиснвіями людей, бы-

(*) Tacit. de Mor. Germ. c. 22.

(**) Ibid. c. 5. (***) Ibid.

(****) De Mor. Germ. c. 7.

ла свято чшима Германцами. Доказательствомъ языческой ихъ набожности служатъ жреческія гадавія и обряды, о которыхъ упоминаетъ поимъ же знаменитый историкъ. Каждое дерево и каждой источникъ имѣли своего генія; воздухъ, лѣса и воды, по мнѣнію Германцевъ, наполнены были духами, подвѣ управленіемъ верховнаго существа живущими. Самой обыкновенной случай приписываемъ былъ дѣйствию сверхъестественной силы. Опшуда произошли волшебники и очарованія, великаны и карлы, которыми наполнены рыцарскія сказки. Верховной богъ особенно любилъ войну и покровительствовалъ храбымъ. Такимъ образомъ набожность и любовь одушевляли Германца въ одно и то же время. Мечемъ своимъ угождалъ онъ богу и любовницѣ. Новая вѣра не уничтожила древнихъ обычаевъ; они процвѣтали и въ средніе вѣки. Въспъ откуда произошло главное правило и первой урокъ Рыцарства: *любили бога и женщинъ* (*).

Отъ сихъ началъ, отъ *страсти къ войнѣ, почитанія женщинъ и набожности*, въ средніе вѣки сославилось Рыцарство, получившее образованіе свое и правила въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Всякой свободной человекъ, по званію своему обязанный служить съ оружіемъ въ рукахъ, на-

(*) St. Palaye Mem. sur l'anc. chev. T. 1. p. 7.

звался тогда *воиномъ miles*. Дворяне же обыкновенно служили на коняхъ; отсюда произошли *caballarius, chevalier, ritter*. Сїи имена въ концѣ одиннадцатаго вѣка исключительно уже принадлежали людямъ, по новому устанавленію обязавшимся присягою оборонять безпомощныхъ и угнѣбляемыхъ, охранять честь женщинъ и преслѣдовать враговъ вѣры. Духовенство принимало великое участіе въ образованіи и усовершенствованіи Рыцарскихъ устанавленій, копорыя во время крестовыхъ походовъ измѣнялись, ибо сообщеніе крестоносцовъ съ Греками, Арабами и Персами имѣло великое вліяніе на духъ Рыцарства (*). Благородной юноша съ самаго нѣжнаго возраста оснаждалъ домъ родительской и опредѣлялся въ замкъ другаго рыцаря. Тамъ учился онъ военному искусству, учился любить Бога и почитать женщинъ. Черезъ нѣсколько времени, въ четырнадцать лѣтъ своего возраста, у подножія олпая при совершеніи устанавленныхъ обрядовъ получалъ онъ оружіе и шло оруженосца (*armiger, famulus, esuyer, garçon*); съ тѣхъ поръ начиналось важнѣйшее служеніе. Оруженосецъ долженъ былъ находиться при своемъ рыцарѣ на всѣхъ битвахъ. Между шѣмъ вкоренялись въ немъ всѣ правила Рыцарства, мужество съ челолюбіемъ, духъ свободы съ послушаніемъ. Мно-

(*) Eichhorns Erläuter. zur allgem. kult. Gesch. I. 20.

гѣе служили во всю свою жизнь оруженосцами при знаменитыхъ рыцаряхъ. Возведеніе въ достоинство рыцари совершаемо было иногда съ обрядами, а иногда просто проекрашнымъ меча удареніемъ. Приготовленія къ тому состояли въ постѣ, молишвахъ, исповѣди, причащеніи, бѣднѣи въ церкви и омовеніи. Новый рацаръ обязывался порже-спвенною клятвою никогда нелагать, спояшь за правду, обороняшь вѣру, ея служителей и храмы, слабыхъ и бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ и жецъ невинныхъ, наконецъ преслѣдовать невѣрныхъ. По проекрашномъ удареніи (по обоимъ плечамъ и по шеѣ) давали ему мечъ, щитъ и прочее оружіе. Права и преимущества рыцаря и жены его были весьма важны. Самые государи почитали за необходимое носить на себѣ званіе рыцаря; но достоинство сіе получали они въ опроческихъ лѣсахъ и безъ дальнихъ обрядовъ, а только посредствомъ ударенія мечемъ. Сперва открытъ былъ путь къ Рыцарству однимъ благороднымъ; но съ половины двенадцатаго вѣка и мѣщане удостоивались сей почести. Рыцарство процвѣтало лѣтъ триста (съ 1100 по 1400), а первой крестовой походъ былъ самымъ лучшимъ его временемъ. Турниры, отъ протыхъ воинскихъ игрищъ возникшіе, утвердили бытіе Рыцарства и распространили славу его подвиговъ. Во Франціи введены они

въ 1066 году Готфридомъ Преильи, которой сочили. Въ для нихъ постановленіе и правила.

И такъ, Французы, Англичане и Нѣмцы, которые спорили между собою объ учрежденіи турнировъ и опредѣляютъ оное въ девятую вѣкъ, сами не знаютъ, о чемъ спорить. Чужеземецъ до системы спротивляющаго рыцарей, по и ей не лзя было господствовать въ Россіи, когда еще ни гдѣ и никакая рыцарская система не существовала; равнымъ образомъ Великій Князь Владиміръ Святославичъ не могъ бытъ первымъ учредителемъ рыцарскаго богатырскаго въ Россіи ордена, потому что орденъ сей выдуманъ очень недавно, около половины Іюня шестуцаго года; еще почишаемъ за нужное сказать, что мнимые рыцари богатырскаго ордена съ великимъ своимъ Гроссмейстеромъ принадлежатъ не девятому вѣку, хотя въ шепради о каруселяхъ и объявлено, будто Россія въ девятую вѣкъ уже славилась своими храбрыми витязями и могучими богатырями; наконецъ замѣнимъ, что ежели поединокъ между Печенѣжскимъ испономъ и Русскимъ кожевникомъ (которой въ шепради о каруселяхъ предсавленъ въ видѣ рыцаря и безвинно превращенъ въ Дюль-Кашапа) ошносился

жѣ исторіи Рыцарства и турнировѣ, то жѣ ней уже принадлежащѣ должны и всѣ единоборства; начиная съ описанныхъ въ Библіи и въ Гомеровоѣ Иліадѣ.

Упомянувѣ о славномѣ каруселѣ, данномѣ въ 1766 году при Екашеринѣ Великоѣ, г. Сочинителѣ, къ удовлетворенію любителей искусства читателей, предложилъ въ которыхъ стихи изъ оды, воспѣтой Лирикомѣ Пешровымѣ. Любопытство читателей удовлетворилось бы иначе, когда бы предложены были хорошія стихи знаменитаго Пешрова, а не худыя. Похвально уважать дарованія живыхъ писателей; но еще похвальнѣе отдавать справедливость пѣснопѣвцамѣ умершимѣ, за которыхъ ходатайствуютъ единственно ихъ заслуги, и которыхъ не помогаютъ уже ни знатность, ни происки, ни знакомства, ни ласкательи. Вотъ худая стихотвореніе Пешрова, помѣщенная въ тетрадь о каруселяхъ:

Уборомѣ дорогимѣ покрыты
 Дающѣ махѣ кони гривѣ на вѣспрѣ,
 Броды ихъ пѣною облины,
 Встаютъ прахѣ вихремѣ изъ подѣ бедрѣ;
 На нихъ подвижники избранны
 Несущія въ пущѣ пескомѣ усталанный
 И кровь въ предсердіи кипятѣ,
 Душевный дарѣ изнести на вѣбшность
 Явишь неспешну поспѣшность,
 Ихъ честь, ихъ царскій взорѣ крѣпилѣ.

А вопль та же самая строфа напечатанная въ *Сочиненіяхъ Пепрова* (*); она, вѣроятно, понравилась и чипашелямъ шепрадки о каруселяхъ:

Драгимъ уборомъ покровенны
 Лешаиъ быспряе спрѣль кони;
 Броды ихъ пѣной умовенны,
 Сверкающъ изъ ноздрей огни.
 Крутясь, шопаютъ бурливы,
 По вѣтру долги вѣютъ гривы;
 Копыта мещутъ вихремъ персь.
 На нихъ подвижники избранны,
 Теча въ спези пескомъ успланны,
 Спрямятся чести храмъ отверзть!

Четыре строфы изъ оды Пепрова на карусель помѣщены въ шепрадку, и всѣ четыре несходны съ напечатанными въ *Сочиненіяхъ* сего знаменитаго Лирика, прославляющаго побѣды Румянцова и Орлова. Между тѣмъ какъ испортишь слово въ опривкѣ изъ поемы, Аббаша Делиля, не такъ прочиталъ стихъ изъ Вольперовой трагедіи у насъ (къ счастью не у всѣхъ) почитается ужаснымъ невѣжествомъ, мы незнаемъ, или нехотимъ знать, изданы ли шворенія знаменитаго Пепрова; незнаемъ или нехотимъ знать пѣнопѣній того Поена, которой

(*) Сочиненія В. Пепрова. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ. Печатаана въ вольной типографіи у Шнора 1782.

о сожегшихъ при Чесмѣ Турецкой флотъ
герояхъ вѣщаетъ :

Полночны Тифисы, защитники Россіи
Лепятъ среди валовъ! гремящи въ облакахъ
Перуны въ ихъ рукахъ:
Послушны имъ спихи!
Преходятъ морь стези, гдѣ кроется ихъ
врагъ;
Очами ищутъ, гдѣ Турецкой вѣситъ флагъ.
Нашли, обрадуясь пустился, полетѣли!
Всѣхъ руки на ударъ проспершы, взнесены,
Всѣ гнѣвомъ разжены!
Поспигли, загремѣли!

шого превосходнаго живописца, которой въ
слѣдующихъ стихахъ удивительно изобра-
жаетъ морское сраженіе :

Не молкнетъ прескъ снастей, желѣзныхъ
свиситъ шаровъ;
Густился дымъ столбомъ всходя до обла-
ковъ,
Спѣсненны межъ громадъ въ громады вол-
ны плещутъ!
И въприлѣ бѣлизна и дневныхъ свѣтъ лучей
Сокрылись отъ очей;
Одни перуны блещутъ!
О отыпъ пягостной непрепетныхъ сердецъ!
Ужасенъ взору бой, ужаснѣе конецъ.
Тамъ двѣ крылашья, двѣ грозныя машины,
Какъ Ешна съ Геклою, одна съ другой сле-
пясь,
Всей пяжестью сразясь,
Вспылали средъ пучины!

Не знаемъ, или не хотимъ знать безсмертныхъ стиховъ Петрова, чтобы дать просторъ моднымъ своимъ басенькамъ и посланіямъ ! К.

IV. С М Ъ С Ъ.

Мечжунъ и Лейла ().*

Упоенный млекою сосцовъ горести, вскормленный грудью поски, пламенный лилеями лица и розами щекъ Лейлы, подобный прелестному черному пшнышку на ланинѣ пустыни, — Мечжунъ нашедши путь къ лицу любви, сдѣлался порогомъ храма Амурова. Нѣкое безуміе простерло тѣнь свою надъ его главою. Исторія страсти его стала знаменитою. Вездѣ была она предметомъ разговоровъ между Арабами; повѣствованіе оной было матеріею всѣхъ бесѣдъ ихъ.

Въ Аравіи господствовалъ одинъ могущественный Емиръ, славный богатствами и ще-

(*) Сіи два образчика Персидской и Арабской словесности переведены чиновникомъ здѣшняго Университета, недавно возвратившимся изъ Германіи, гдѣ обучался онъ восточнымъ языкамъ. *Изд.*

дрошою своєю, испытавшій мученія горести въ разлукѣ и собравшій много цвѣтѣвъ съ колючимъ перніемъ любви. Онъ въ младенчествѣ еще почувствовалъ жгущую печаль разлуки: горечь яда сего оставалась въ его черпкахъ. Услышавъ исторію сего горящаго любовника, онъ потчасъ далъ повелѣніе одному невольнику, сказавъ: „бѣги въ Надеждѣ быстро, какъ звукъ; приведи въ одну минушу ко мнѣ ту, которая похитила сердце Мечжунна.“ — Невольникъ пустился и потчасъ привелъ съ собою Лейлу, сію царицу области красоты. — Емиръ сказалъ другому невольнику: „бѣги и ты въ пустыню, сыщи Мечжунна, это украшеніе неистовыхъ любовниковъ, это пылающій факелъ любви, и приведи скорѣй ко мнѣ сего юношу, горящаго спрассію и пожигаемаго пламенемъ горести.“ — Невольникъ поспѣлъ и въ минушу возвратился съ повелителемъ царства любви. —

Емиръ, взглянувъ на него, увидѣлъ несчастнаго въ цѣпяхъ отчаянія любви. Безуміе поселилось въ его головѣ; раны разлуки были покровомъ его шѣла; волосы на шѣлѣ его служили ему вмѣсто одежды, — мозоли на ногахъ вмѣсто обуви; гребень изъ Аравійскаго тернія въ волосахъ его; плащъ изъ песку пустыннаго на плечахъ его.

О ты, заблуждшійся въ долину горести! сказалъ Емиръ: желаешь ли, чѣтѣбъ я вручилъ тебѣ предметъ любви твоей; чѣтѣбъ я возвелъ тебя на верхъ власти и достоинства и привелъ Лейлу, готовую увѣнчать твои желанія? — Нѣтъ нѣтъ! отвѣчалъ онъ, не возможно пылинкѣ быть вмѣстѣ съ солнцемъ! —

Скажи опкровенно, возразилъ Емиръ, не уже ли не хочешь ты прохаживаться на долину сей прекрасной ланипы? Не уже ли не любишь ея прелестей? Заклинаю тебя жизнью Леилы, открой испину! — Мечжунъ отвѣчалъ: о примѣрѣ людей великодушныхъ! пылинка праха дверей твоихъ есть корона на головѣ моей. Для сердца моего довольно одной мучительной любви къ Леилѣ; желаніе обладать ею было бы неправоудно. Чтобы удовлетворишь меня презрѣннаго довольно одного луча сего блистательнаго свѣтила! —

Съ сими словами бросился онъ бѣжать въ пустыню, обливаясь горькими обильными слезами.

(Съ Персидскаго А. Блдрвъ.)

Нравоучительныя изреченія.

Сердце глупаго на языкъ; языкъ умнаго въ сердцахъ.

Шутка уноситъ почтеніе.

Женщина безъ спыдливости, какъ лампада безъ свѣща.

Тайна невольникъ твой, пока хранишь ее; — но ты невольникъ шайны, какъ скоро откроешь ее.

Молчаніе есть покровъ невѣжды.

Какъ звѣзды украшаютъ небо, такъ мудрые землю.

Оружіе слабыхъ — вопль.

Добродѣтели родителей суть предки дѣтей.

Ласковое лицо впорой подарокъ.

Другъ есть вывѣска ума каждаго.

Ученой знаетъ невѣжду, ибо онъ былъ невѣждой; — но невѣжда не знаетъ ученаго, ибо онъ не былъ ученымъ.

Мудрецъ въ отечествѣ своемъ какъ золото въ рудѣ.

Не все тѣ храбры, на комъ пигровая кожа.

Овца не жирѣетъ въ глазахъ волка.

Не золото принадлежитъ скупому, но скупой золоту.

Ученый безъ сочиненій какъ облако безъ воды.

Одинъ день ученаго лучше цѣлой жизни невѣжды.

Имой умной лучше говорящаго глупца.

(Съ Арабскаго А. Блдрвь.)

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Теперь живетъ въ Шпандау нѣкто по имени Тиле (Thiele), которой между прочимъ изобрѣлъ плавательную машину, съ помощію коея солдатъ съ оружіемъ своимъ и съ ношею можетъ безопасно переправляться черезъ глубокую рѣку и въ то же время стрѣлять изъ ружья. Тотъ же Тиле изобрѣлъ ядра, для погашенія огня служащія; онъ дѣлаются изъ дерева, внутри пусты, снаружи обмазываются толченымъ кирпичемъ, и наполняются веществомъ, которое загорѣвшись отъ жара производитъ мефитическій газъ, угашающій пламя. Онъ же показываетъ способъ дѣлать обвершочную и жаршузную бумагу изъ ело-

выхъ и сосновыхъ иглокъ, а изъ кожаныхъ обрѣзковъ составляешь вещество такое плоское и крѣпкое, чѣмъ можно его пилить, скоблить и точить весьма удобно, и приготовить изъ него разныя издѣлія, какъ по пропускающія воды подошвы, шабакерки, гошоваальни и проч. Наконецъ потѣ же художникъ дѣлаешь ружья, которыя можно заряжать и воздухомъ и порохомъ, и въ случаѣ надобности вдругъ сбрѣзать шѣмъ и другимъ въ одно время. Всѣ сіи изобрѣшенія спрото изслѣдованы и найдены справедливыми и точными.

✱

Изъ всѣхъ Англійскихъ поетовъ нынѣ живущихъ, публика наиболѣе любитъ *Вильяма Скотта*. Одной стихотворной повѣсти его, которая называется *The lay of the last Minstrel*, въ шесть лѣтъ разошлось 25,000, а другой повѣсти же *Marmion* съ 1808 года распродано 17,000 экземпляровъ. Каждое новое произведение Скотта приводитъ въ дѣятельность композитеровъ, гравировъ, кришниковъ и сашириковъ. Лучшимъ стихотворцемъ у образованныхъ людей почитается Камбель, сочинитель поэмы *Pleasures of hope*.

✱

Многіе Французы, возвратившись въ отечество свое изъ чужихъ краевъ, какъ извѣстно, выдають въ свѣтъ или испорты народовъ, между которыми они прожили несколько времени, или другія подобныя тому сочиненія. Не нужно упоминать, чѣмъ наблюдали сіи иногда разсказывающаго необычныя происшествія. Искно Даммаринъ, возвратившійся недавно въ Парижъ изъ Берлина (N.B. гдѣ въ одномъ знанномъ домѣ отпра-

вляяль онъ *учительскую* должность), напечаталъ книгу свою: *Quelques traits de la vie privée de Frédéric Guillaume II. Roi de Prusse*, и въ Журналъ Имперіи (*Journal de l'Empire*) отзываются объ ней очень выгодно. Не смотря на то, оказывается, что сочинитель имѣлъ плохія свѣдѣнія о частной жизни Короля, имѣ описываемаго. Онъ утверждаетъ, на примѣръ, будто Король Фридрихъ Вильгельмъ, бывши еще наследнымъ Принцомъ, ѣздилъ въ С. Петербургъ, для того чтобы утѣшить печаль свою, причиненную смертію Графа Фонъ деръ-Марка; между тѣмъ извѣстно, что Графъ умеръ спустя пятнадцать лѣтъ послѣ Королевскаго путешествія!

✱

Для приведенія въ порядокъ происшествій, относящихся до начала Россійской Исторіи, необходимо должно прибѣгать къ историкамъ Византійскимъ. Но лѣтосчисленіе въ Византійской исторіи того времени такъ перемѣшило, что нельзя извлечь изъ нее желаемой пользы, пока не удалены всѣ неудобства, препятствующія сообразить отношенія событий. Извѣстно, что по сей самой причинѣ онѣ С. Петербургской Академіи Наукъ предложена была задача о приведеніи въ порядокъ Византійской хронологіи. Въ Рижскихъ Вѣдомостяхъ (*Zitung für Literat. und Kunst*) находимъ слѣдующее извѣщаніе о напечатанной въ С. Петербургѣ на Нѣмецкомъ языкѣ, на счетъ Императорской Академіи Наукъ, важной по сему предмету книгѣ. Вотъ переводъ ея заглавія: *Критическій опытъ изъясненія Византійской хронологіи, съ принаровленіемъ ея къ началу Россійской Исторіи*. Сочинитель сего Опыта есть г. Кругъ, весьма много одол-

жившій всѣхъ любителей ошечественной нашей Исторіи *разысканіемъ* своимъ о древнихъ Русскихъ монетахъ. Покойной Шлецеръ уважалъ пруды г-на Круга.

✱

Какой то портной, Французъ, расхвалилъ въ Нѣмецкихъ газетахъ дѣлаемое имъ *Парижское* шнурованіе, желая опять ввести въ моду обычай спягиваться, пагубный для здоровья щеголихъ, но прибыльной для кармановъ зашѣйливыхъ шортеровъ. Нѣкоторые писатели въ Германіи вооружились перьями противъ поршняго. Между прочимъ помѣщено въ Берлинскихъ газетахъ сочиненіе (которое напечатано особо въ Ригѣ и продается): *О вредныхъ дѣйствіяхъ шнурованья на здоровье и красоту*. Авторъ, славный Берлинскій врачъ, говоритъ, что „шнурованье производитъ множество опасныхъ и мерзкихъ болѣзней, которыя разрушаютъ все счастье семейственное, и размножаютъ недужныхъ попомковъ.“ Послѣ ешаго, пусть каждой женихъ разсудитъ, чего ждетъ ему должно отъ зашнурованной своей невѣсты. Въ Нѣмецкомъ листкѣ, изъ котораго переводимъ сіе извѣстіе, замѣчается, что съ шѣхъ поръ какъ мащери переспали шнуроваться, дѣтскія такъ называемыя Англійскія болѣзни почти совсѣмъ исчезли.

✱

Одинъ живописецъ въ Оснабрикѣ, по имени Барпшеръ, открылъ средство писать картины воскомъ, средство, бывшее въ великомъ употребленіи у древнихъ. Онъ дѣлаетъ воскъ столь жидкимъ какъ масло, разводитъ имъ свои краски и пишетъ кистью, какъ обыкновенно поступаютъ всѣ художники.

По окончаніи работы часа черезъ два картина покрывается свѣтлымъ лоскомъ, вбратно отъ соединенія восковыхъ частицъ на воздухъ; но при умбреной теплотѣ лоскъ исчезаетъ, и картина получаетъ видъ прекрасной финифтяной живописи. Польза сего новаго способа состоитъ въ томъ, что картина не портится ни отъ воздуха, ни отъ влаги. Однакожъ такимъ образомъ краски накладывать можно только на деревъ.

Недавно умершій въ Гельмштедтѣ Профессоръ Бейрейсъ, извѣстный чудакъ, по сдѣланному передъ сѣмъ лѣтъ задесять завѣщанію, отказалъ тамошнему, нынѣ упраздненному, Университету богатое собраніе рѣдкостей своихъ по части Натуральной исторіи. Въ Бранденбургѣ теперь вышла біографія сего страннаго чловѣка. Многое непонянное въ сужденіи жизни его и богатства объясняется такимъ образомъ: въ прошломъ столѣтіи, когда еще Химія была небогата многими новыми открытіями, Бейрейсъ занимался ею рачительно и счастливо; но въ изобрѣшеніяхъ своихъ искалъ онъ не учёной славы, а прибытковъ и удачи, въ намѣреніи прослыть чудеснымъ чловѣкомъ. Онъ изподнишка продавалъ тайны свои фабрикантамъ и охотникамъ до всего необычайнаго за весьма дорогую цѣну. Слѣдующій случай показываетъ, какъ много старался онъ выставить себя великимъ чуденикомъ. Герцогъ Брауншвейгскій, на иждивеніи коего Бейрейсъ обучался, однажды пригласилъ его къ себѣ во дворецъ отобѣдать. Бейрейсъ сѣлъ за столъ въ темносинемъ плащѣ; при второй перемѣнѣ сдѣлалось оно фіолетоваго цвѣта; при третьей

красноватаго; на послѣдокъ вспалъ онъ изъ за
сплода съ головы до ногъ ярко-багряной.

*

Уже и на Африканскомъ берегѣ, гдѣ была
древняя Ушика, начали рыться въ землѣ и
отыскали нѣсколько достопамятныхъ рѣдко-
стей.

*

Ученые Армянскіе монахи, находившіеся
въ Тріестѣ, переселились теперь въ Вѣну,
гдѣ очищенъ для нихъ прежній монастырь
Капуцинскій. Они будутъ тамъ печатать на
Армянскомъ языкѣ Библию и другія духовныя
книги, копорыми нѣсколько уже лѣтъ сряду
снабжаютъ земляковъ своихъ, живущихъ въ
Левантѣ.

У. П О Л И Т И К А.

О жителяхъ провинцій Иллирій- скихъ.

Новая область въ Европѣ, получившая
бытіе въ самой день послѣдняго примиренія
Австріи съ Франціею, съ 15 числа Апрѣля
пекущаго года имѣетъ уже правила для сво-
его образованія.

Въ самой послѣдней день, въ которой подписанъ трактатъ Вѣнский, отъ Французскаго Императора изданъ указъ, по силѣ коего Виллахской округъ, Крайнь, прежняя Австрійская Истрия, Фіумъ и Триестъ, земли извѣстныя подъ названіемъ приморскихъ (littorale), усиленная часть Кроаціи, вся оставленная Австрійцами страна на правомъ берегѣ Савы и наконецъ Далмація со всѣми своими островами впредь должны именоваться Иллирійскими провинціями. Всѣ онѣ составляютъ особливую область, имѣющую болѣе 600 Географ. кв. миль поверхности земли и болѣе милліона жителей, полагая въ томъ числѣ и Рагузу, присоединенную въ минувшемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Вся область сія нынѣ состоитъ подъ управленіемъ Генералъ - Губернатора, и раздѣляется на шесть провинцій гражданскихъ и на одну военную. Гражданскія провинціи суть: Крайнь, Каринтія, Истрия, гражданская Кроація, Далмація и Рагуза; военная Кроація составляетъ провинцію военную.

Жители сей новоучрежденной области Иллирійскихъ провинцій весьма различны по многимъ отношеніямъ. Въ Крайнь живутъ собственно Краинцы, Ускоки или Валлахи, Готшеры, Краббаты и другія малыя племена, имѣющія особливые свои названія, какъ то Каршеры, Либурны и проч. Отъ того и языки различны: тамъ говорятъ понѣмецки, поиталіянски, покраински, пославонски, поиллирійски и проч. говорятъ и пофранцузски, кто умѣетъ. Вѣра господствуетъ католическая. Въ Каринтіи живутъ Нѣмцы и Славяне; употребляются языки Нѣмецкій и

Вендическій ; при Католическомъ исповѣданіи терпимо и Люперанское. Въ Истрии, прилежащей Адриатическому морю, жили столько же различны какъ и въ Крайнѣ. Въ Фриуль и Триестскомъ округѣ господствующій языкъ есть Италіянскій. Въ Кроаціи живутъ Кроаты, Морлахи или Далматы, Ускоки или Валлахи и ш. д. Кроаты, потомки Славянъ, поселились здѣсь, бывъ выпѣснены Аварами, въ седмомѣ столѣтніи; они прежде имѣли своихъ государей. Народъ сей грубъ, лѣнивъ, но крѣпокъ шѣломъ, войнолюбивый, дикій и хищный. То же самое сказать можно и объ Ускокахъ, живущихъ между горами на югѣ; они исповѣдуютъ Католическую вѣру и говорятъ языкомъ, похожимъ на Польскій. Въ Далматіи живутъ Морлахи и Гайдуки; послѣдніе большею частію обитаютъ въ пещерахъ и кустарникахъ, ненавидятъ постоянную работу, но бываютъ отважными солдатами; говорятъ Славянскимъ нарѣчіемъ. Наконецъ Рагузаны, у которыхъ въ употребленіи языка частію Италіянской, частію Славянской, хотя исповѣдуютъ вѣру Католическую, но терпятъ между собою Турковъ и Армянъ, которыхъ число довольно значительно. И такъ неоспоримо, что ни въ какой отдѣленной области, изъ одного милліона жителей состоящей, нѣтъ такого разнообразія въ языкахъ, нравахъ и вѣрахъ, каковое замѣчается въ Иллирійскихъ провинціяхъ.

(Pol. Journ.)

Обозрѣніе происшествій.

Парижъ, отъ 11го Юля. Н. ст. Въ бывшемъ 8го Юля засѣданіи Законодательнаго Сословія Государственный Министръ Графъ Реніо де Сенъ-Жанъ д'Анжели представилъ начертаніе закона о государственныхъ доходахъ, и вѣдомость за 1811 годъ, въ коей показаны всѣ приходныя и расходныя суммы прежнихъ и новыхъ Департаментовъ Имперіи, исключая Голландію и вновь присоединенные Департаменты. Доходы, получаемые съ Римскаго и Тразименскаго Департаментовъ простираются до 12 мил. 575,182 франковъ, съ 7 мил. Голландскихъ Департаментовъ до 55 милліоновъ, съ 3хъ Сѣверныхъ Департаментовъ до 20 милліоновъ и съ Иллирійскихъ провинцій до 10 милліоновъ. Государственный долгъ, съ включеніемъ въ оный долгу, состоящаго въ 26 милліонахъ на Голландіи, состоитъ изъ 88 мил. 300,000 франковъ. Долгъ Тосканскихъ и Римскихъ Областей обезпеченъ духовными имуществами. Подати на 1812 годъ остаются тѣ же, какія были и въ нынѣшнемъ году.

(С. П. В.)

Отъ 13 Юля. Н. ст. Сего мѣсяца 4 числа послѣдовало повелѣніе Императора о новомъ образованіи Ансеапическихъ Департаментовъ. Учрежденная для управленія оныхъ Коммиссія будетъ существовать токмо до 1 Января 1812 года; съ сего же времени всѣ сіи Департаменты будутъ управляемы Генераль-Губернаторомъ, и составятъ тридцать вторую военную дивизію. Главными городами въ нихъ будутъ: въ Департаментѣ верхняго *Вмса Оснабрикхъ*, въ Департаментѣ Устій

Везера *Бремень*, а въ Департаментѣ Устій Ельбы *Гамбургъ*.

Отъ 17 Іюля. Н. ст. Для разсмотрѣнія причинъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ сдачу Англичанамъ Иль-де Франса, учрежденъ былъ особенный Совѣтъ, который 4 числа сего мѣсяца донесъ Императору, что взятіе Англичанами сего острова должно приписатьъ бывшему на ономъ недоспашку войскъ, провіанна и денегъ, коихъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ невозможно было пуда доставить изъ Франціи. — Государственный Министръ, Графъ Реніо Сень-Жанъ д' Анжели, пожалованъ отъ Австрійскаго Императора Кавалеромъ ордена Св. Стефана.

(С. Поч.)

Отъ 20 Іюля. Н. ст. Маршалъ Сюшетъ, по взятіи Таррагоны, отправился въ Барселону черезъ Виллу - Франку и Виллу-Нову; оттуда пошелъ онъ къ Монсферрату. Войска, составлявшія армію подъ начальствомъ *Камповерде*, большею частию разбѣжались; съ остальными же отступилъ онъ къ Монсферрату, гдѣ Французы сильно его преслѣдуютъ. (С. П. В.)

*

Вѣна, отъ 30 Іюля. Н. ст. 30го Іюня, Депутація отъ здѣшнихъ фабрикантовъ имѣла аудіенцію у Его Величества Императора нашего въ Еаденѣ. Предводителемъ ея былъ Бушонъ. Сдѣланное ею Его Величеству представленіе состояло въ томъ, что фабриканты, по причинъ крайней дороговизны матеріаловъ и вообще всѣхъ жизненныхъ припасовъ, не могутъ продолжати работъ своихъ; посему и

находящъ себя принужденными опустить большую часть своихъ работниковъ, сдѣлавъ напередъ о томъ всеподданнѣйшее представленіе, дабы не опѣшпвоваться за то, что множество людей останетса чрезъ сіе безъ пропитанія. Его Величество поручилъ Депутаціи сдѣлать надлежащія по сему предмету распоряженія и стараться о изысканіи способовъ, могущихъ опсравить неприятныя сіи послѣдствія. — Министръ финансовъ Графъ Валлисъ призывалъ вчера къ себѣ первыхъ здѣшнихъ купцовъ Бумона и Гиппенмейера, и разсуждалъ съ ними о нынѣшнемъ положеніи торговли и состоянія денежнаго курса. — Курсъ нашъ непрестанно понижается. За 100 гульденовъ наличными деньгами даютъ нынѣ 160 гульденовъ ассигнаціями.

*

Австрійскія границы, отъ 1 го Юля. Н. ст. Увѣряютъ, что купечество Австрійское должно будетъ представить въ казну наличною монетою 20 милліоновъ, изъ коихъ составленъ будетъ на первой случай капиталъ для размѣна новыхъ банковыхъ билетовъ. Сверхъ того и всѣ значныя особы въ Имперіи, даже и Принцы Императорской Фамиліи, внесутъ на сей же конецъ къ казну великія денежныя суммы.

*

Вѣна, отъ 6 го Юля. Н. ст. Его Величество Императоръ нашъ за нѣсколько предъ симъ дней изволилъ опсравиться въ *Люберекъ*, гдѣ и пробудетъ до самаго опѣзда своего въ Венгрію на Государственныи Сеймъ. Оный Сеймъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Нимало не сомнѣваются, что великодушный Венгерскій народъ охотно пожертвуетъ древними

своими правами, хотя они и несходны съ об-
стоятельствами насющаго времени, и вмѣ-
стѣ съ прочими народами, подвластными Им-
ператору нашему, приметъ на себя часть
государственныхъ тягостей. Уже распростра-
нился слухъ, что Венгерскіе Вельможи сдѣ-
лали между собою соглашеніе о вносѣ въ ка-
зну нарочитаго денежнаго капитала для
уплаты Государственныхъ долговъ. Съ нѣкото-
раго времени здѣшній денежный курсъ началъ
поправляться. 2 го Числа сего мѣсяца оный
состоялъ на Аугсбургѣ 346, 3го 337, вчера
306, а сего дня 309. Многія спекушія обсто-
ятельства подаюшъ надежду, что курсъ нашъ
скоро еще болѣе поправится. — Слухъ носитъ,
что Министръ финансовъ Графъ Валлисъ на-
черталъ планъ къ учрежденію здѣсь національ-
наго Банка. Попребныя на обороты онаго
суммы будутъ доставлены Дворомъ, Вельмо-
жами и куначесствомъ Австрійской Имперіи.

(С. П. В.)

Отъ 13 Іюля. Н. ст. Сего дня вышло
здѣсь постановленіе, по коему для исправленія
вексельныхъ дѣлъ на биржѣ назначается ток-
мо два дни въ недѣлю. — Для соблюденія по-
рядка и нужнаго надзора на здѣшней биржѣ
Императоръ учредилъ особенную биржевую
Коммиссію. — Великій Герцогъ Вирцбургскій
прѣхалъ черезъ здѣшній городъ, для свиданія
съ нашимъ Императоромъ.

(Съв. Поч.)

*

Лондонъ, отъ 5 го Іюля. Н. ст. Аме-
риканскія Вѣдомости наполнены сильными жа-
лобами противъ того, что Американскіе ма-
нрозы берутся насильственнымъ на Англійскіе

корабли. Въ Балтиморскихъ Вѣдомостяхъ между прочимъ сказано: „Обратимъ наше вниманіе на слѣдующее объявленіе, сдѣланное Франціею Соединеннымъ Обласпямъ: „10,000 вашихъ манрозовъ сражаются противу насъ на Англійскихъ корабляхъ; сіе служитъ поводомъ къ войнѣ. Ежели вы сіе продолжаете спанеле: то мы принуждены будемъ вамъ объявить войну, и проч.“ Не имѣемъ ли и мы права на сіе жаловаться? Не довольно того, чпобы какого нибудь Англійскаго Консула или Повѣреннаго въ дѣлахъ просить о возвращеніи Американскихъ манрозовъ, насильственно взятыхъ съ нашихъ береговъ: но должно настоятельно требовать отъ Англ. Правительства, чпобы всѣмъ находящимся на Англійскихъ корабляхъ нашимъ соотечественникамъ возвращена была свобода.

Отъ 18го Іюля. Н. ст. Адмиралъ Сожарсъ со флотомъ своимъ и по нынѣ стоитъ близъ *Вингог*. На сихъ дняхъ Адмиралтейство наше получило отъ него депеши, но содержаніе оныхъ еще неизвѣстно. Въ одномъ частномъ письмѣ отъ 21го Іюня, полученномъ здѣсь съ прибывшимъ недавно отъ Вингог кораблемъ, содержится между прочимъ слѣдующее: „Сюда ожидаютъ одного Генерала съ войсками; но съ какимъ намѣреніемъ онъ придетъ, сего угадать я никакъ не могу. Нѣкоторые думаютъ, чпобы намѣреваются сдѣлать нападеніе на Карлскрону; но, какъ мнѣ кажется, она весьма укрѣплена, и покушеніе наше противу сей крѣпости будетъ тщетно. — Причина, для копорой флотъ нашъ столь долго стоитъ въ здѣшнихъ водахъ, какъ увѣряютъ, есть та, чпобы мы должны

будемъ встрѣпшиь Французскую ескадру, ежели ей удастся выдти изъ Флессингена. Сказываютъ, что ескадра сія назначена въ Копенгагенъ: ежели это справедливо, по ей надлежитъ проходить мимо *Вингое*. Мы имѣемъ нужду въ подкрѣпленіи, потому что у насъ только шесть линейныхъ кораблей, одинъ фрегатъ и нѣсколько бригговъ. Съ Готенбургомъ не можемъ мы имѣть никакого сообщенія. — Впрочемъ въ городѣ семъ находится множество Англичанъ подъ именемъ Американцовъ. Два раза въ недѣлю приходятъ къ намъ Шведскія небольшія суда и снабжаютъ насъ свѣжею говядиною и земляными яблоками.“

Отъ 10го Іюля. Н. ст. Изъ письма, полученнаго здѣсь изъ главной кварширы Лорда Веллингтона, отъ 11го Іюня, видно, что вся армія его состоитъ изъ 37,800 человекъ, въ числѣ коихъ 12,000 чел. Англійской пѣхоты, 10,000 чел. Испанской подъ начальствомъ Блака и Каспаноса, 2,800 Англійской конницы, 1000 Португальской, 1000 чел. Испанской, 1000 чел. пѣхотной и конной артиллеріи. Кроме сего есть еще особый корпусъ войскъ, подъ начальствомъ Лорда Спенсера.

(С. П. В.)

Отъ 15 Іюля. Н. ст. Находящіеся при Королѣ нашемъ врачи донесли, что хотя слабость здоровья Его Величества не позволяеиъ ему еще принять правленія, но оно съ 6 числа Апрѣля уже весьма поправилось. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что Его Величество можетъ даже совершенно выздороветь. Третьяго дня Его Величество находился однако опять въ опасномъ положеніи. —

По заключенному въ Февралѣ мѣсяцѣ между Англією и Бразилією пракшапу, инквизиціи во владѣніяхъ сей послѣдней никогда уже бытъ не можетъ; да и торговля невольниками должна бытъ поспешенно искореняема. — Канцлеръ Казначейства далъ знать Парламенту, что банковымъ ассигнаціямъ опредѣлился узаконенный непремѣняемый курсъ. (С. Поч.)

Отъ 17го Іюля. Н. ст. Въ понедѣльникъ въ вечеру изъ Виндзора присланы курьеры къ Принцу Регеншу и въ Совѣтъ Королевы съ извѣстіемъ, что болѣзнь Его Величества усиливается. Приказано созвать всѣхъ врачей для совѣта.

*

Кенигсбергъ, 6го Іюля. Н. ст. Здѣшній главный Бургомейстеръ Гейдеманъ обнародовалъ слѣдующее весьма приятное извѣстіе: „По приказанію Магистрата спѣшу объявить публикѣ, что Его Величество Король нашъ Всемилостивѣйше соизволилъ дать слѣдующія повелѣнія: 1е, Для уплаты нѣкоторой часипи спраровыхъ денегъ за погорѣвшіе дома выдать здѣшнему городу заимобразно 300,000 талеровъ на 10 лѣтъ безъ плашежа процентовъ. 2е, Городу отдается крѣпость Фридрихсбургъ подъ купеческіе магазины. 3е, Городъ Кенигсбергъ освобождается ошѣ всѣхъ новыхъ тягосией и налоговъ.

*

Стокгольмъ, отъ 25го Іюня. Н. ст. Въ Рослагенѣ пакже оказались слѣды невиновенія между нѣкоторыми жителями, по случаю набора запаснаго войска; но 7го числа сего мѣсяца ослушники, раскаясь въ своемъ проступкѣ, прислали ошѣ себя къ Его Королев-

скому Величеству депутацію ео всеподданѣйшею просьбою о дарованіи имѣ помилованія. Депутація сія представлена была Его Королевскому Высочеству Наслѣдному Принцу, который наконецъ исходатайствовалъ у Короля Всемилоштивѣйшее прощеніе виновнымъ.

(С. П. В.)

Полилическія извѣстія.

Въ Китайскихъ придворныхъ вѣдомостяхъ (другихъ тамъ не печатаются) Императоръ приказываетъ объявлять обо всемъ томъ, что нужно и полезно для свѣдѣнія о внутреннихъ дѣлахъ государства. Въ нихъ ничего не упоминается ни о современныхъ полилическихъ происшествіяхъ, ни о вѣдшихъ государствахъ, а единственно сообщаются извѣстія о дѣяніяхъ Императора, объ распоряженіяхъ правительства, о награжденіяхъ за заслуги, о наказаніяхъ за проступки, и въ военное время о побѣдахъ надъ неприятелемъ. Сія вѣдомости выходятъ каждые два дни въ Пекинѣ и служатъ къ тому только, чтобъ извѣщать народъ о попечительности правительства и объ его могуществѣ. Въ нихъ обыкновенно дается знать, кому изъ мандариновъ пожаловано желтое плащье, или перо павлиное (знаки отличѣйшей милости), кому за преступленіе носимъ велѣно воронье перо въ знакъ безславія и для показанія, что виновный лишается чести и имѣнія, которое описывается на государя. Важнѣйшее изданіе послѣ вѣдомостей есть календарь. Въ немъ содержится спашь и

объ астрологiи, о разныхъ нелѣпостяхъ по части физики, о предопредѣленiяхъ судьбы, также наставленiя о всякихъ полевыхъ работахъ, о болѣзняхъ и проч.

✱

Османово поколѣнiе, изъ котораго произошло 29 государей, 26 Великихъ Султановъ и 21 Калифъ, по видимому близко было къ своему уничтоженiю. Нынѣшнiй Падишахъ Магмутъ (родившiйся 20 Юля 1785 года) былъ послѣднiю опраслю онаго поколѣнiя, и вся нацiя усердно желаетъ, чтобы оно прекратилось. Въ Магометанскомъ законѣ есть даже правило, по которому Калифъ, оспяющiйся бездѣшнымъ послѣ семи лѣтъ своего царствованiя, долженъ сложить съ себя правленiе. Не прошло еще и половины опредѣленнаго срока, и уже Магмутъ II подаетъ Туркамъ надежду, что Османово поколѣнiе не прекратится. Въ 19 день Апрѣля одна изъ супругъ его разрѣшилась ошъ бремени Принцессою, коея рожденiе возвѣщено пушечными выстрѣлами, и которая названа Фашимою. Черезъ два или три мѣсяца ожидали подобнаго приключенiя и съ другою любимицею Магмута, и такимъ образомъ надѣются Султанъ и публика имѣть наследника престола.

✱

Швецiя, имѣвшая до сихъ поръ четыре ордена — Серафимовъ, Сѣверной звѣзды, Меча и Вазы — получила еще и пятый, которой называется *Орденъ Карла XIII*. Учредитель онаго, нынѣшнiй Король, узаконилъ носить его на красной лентѣ и опредѣлилъ число кавалеровъ, которое должно состоять изъ 30 свѣтскихъ особъ и 3 духовныхъ.

(Pol. Journ.)

✱

Въ Императорскомъ указѣ, данномъ въ Сенъ-Клу 22 Іюня 1811 года, содержится постановленіе, чтобы Принцы Императорской фамилии, которые уже призваны къ принятию чужестранной короны или впредь призваны будутъ, во всемъ пространствѣ Имперіи почитаемы были за Французскихъ Принцевъ. Находясь внутри Имперіи они будутъ носить Французскую кокарду и одежду Французскаго Принца, а чужестранной одежды носить не могутъ. Имъ должно оказывать гражданскія и военныя почести, декретомъ 24 Мессидора 12 года и другими постановленіями опредѣленные и наблюдаемыя вразсужденіи сана и преимущества. Соотвѣтственно тому назначены будутъ и обряды какъ внутри, такъ и внѣ дворца Императорскаго.

(Д. Зисбау.)

*

Изъ Франціи пишутъ слѣдующее отъ 5 Іюня: Слухи о возможности новой войны на твердой землѣ (хотя и никогда людямъ проникашелейнымъ неказались они достойными вѣроятія, какъ не основанныя ни на какомъ событіи) нынѣ опять совсѣмъ прекратились. Всякой удосновренъ, что миръ на твердой землѣ нынѣ гораздо прочнѣе нежели когда-либо, и что Европа имѣетъ основательную надежду наслаждаться продолжительнымъ спокойствіемъ, очень нужнымъ для нея послѣ столь кровопролитныхъ усилій. По видимому главная цѣль Французскаго правительства состоитъ теперь въ прекращеніи безпокойствъ въ Испаніи и въ покореніи сопредѣльной ей Португаліи посредствомъ изгнанія Англичанъ изъ Иришейскаго полуострова. Для скорѣйшаго означенія сего дѣла, значительному числу

войска, внутри Имперіи находящемуся, вѣлно, какъ говорящъ, немедленно идти въ Испанію. Сказываютъ, что и нѣкоторыя колонны, которымъ прежде назначенъ былъ путь къ Рейну, получили уже переѣзду въ семь своемъ направленіи. Транспортны аршиллеріи и военныхъ припасовъ всякаго рода равномерно отправляются въ Испанію же.

(Moff. Stg.)

*

Алтона, 5 Августа. Н. с. Издатель сихъ листковъ (Сѣверной Пчелы), получивъ приказаніе объявить, откуда онъ взялъ спашью, помѣщенную 24 числа минувшаго Мая въ 42 Нумеръ подъ шишуломъ: *Отвѣтъ Императора Наполеона депутатамъ Комерческихъ Камеръ въ департаментахъ*, чувствуетъ глубокое прискорбіе, что заслужилъ выговоръ, и что не подумавши напечаталъ спашью, которую не долженъ былъ почитать за достовѣрную, потому что ее иѣтъ ни въ какихъ газетахъ, издаваемыхъ подъ вѣдомствомъ Французскаго правительства. На него возложена обязанность объявить сіе отреченіе, и впредь съ величайшею точностію соображаться съ повѣлѣніями начальства, отъ котораго предписано ему не помѣщать въ листкахъ своихъ ничего такого, что могло бы дать поводъ къ справедливымъ жалобамъ со стороны правительства, дружественныхъ Даніи.

(L'Ab. du Nord.)

КОНЕЦЪ LVIII ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЯТЬДЕСЯТЬ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Спран.

ПРОЗА.

Рѣчь Канулея Римскаго трибуна.	3
Деканъ Бадайозскій. - -	165
Характеръ Помпея. - -	247

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Хоръ дѣтей маленькой Наташѣ.	11
На кончину Князя Ипалійскаго, Графа Аркадія Александровича Суворова - Римникскаго. -	18
Гомеровою Иліадою пѣснь седмая, осмая и девятая. Перев. Ко- строва. - - 81, 102 и	172
Нина, отрывокъ изъ Сеньякино- ровой поемы: <i>Esperance</i> . -	258

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О первыхъ дѣйствіяхъ изобре- тенія шипографическаго иску- ства. - - - -	19
О Пасиграфій. - - - -	126
О садовомъ искусствѣ. - -	193
О Сатири. - - - -	260
О Сатирической Драмѣ. -	285

III. К Р И Т И К А.

Разговоры о словесности.	.	.	34
Письмо къ приятелю.	-	-	206
О каруселяхъ.	-	-	288

IV. С М Ъ С Ъ.

Спранная лошерея.	-	-	57
О Швеціи.	-	-	130
О первоначальномъ употребленіи сахара въ Европѣ.	-	-	135
Журналъ молодой женщины, найденный въ А. З.	-	-	220
Мечжунъ и Леила.	-	-	304
Нравоучительныя изреченія.			306
Московскія записки.	62, 138 и		225
Письма къ Издашелю Вѣспника Европы.	-	-	234
Разныя извѣстія и замѣчанія.			69,
			141 и 307

V. П О Л И Т И К А.

Новая Еллада.	-	-	73
Отчетъ представленный Законодательному собранію Французскимъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ Графомъ Моншаливе 29 Іюня.	-	-	145
Еще извлеченіе изъ отчета Французскаго Министра.	-		238
О жителяхъ провинцій Иллирійскихъ.	-	-	312
Обозрѣніе происшествій.	77, 152,		
	-	-	241 и 315
Политическія извѣстія.	-		322
Увѣдомленія.	-	-	80 и 162